

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

**НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ  
АРХЕОЛОГОВ  
РОССИИ И СНГ**



Санкт-Петербург  
1997



**1997**

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES  
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

**NEW INVESTIGATIONS  
OF RUSSIAN AND UIS  
ARCHAEOLOGISTS**

PLENARIAN MEETING PAPERS  
APRIL, 28-30, 1997

St.-Petersburg  
1997

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

**НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ  
АРХЕОЛОГОВ  
РОССИИ И СНГ**

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНУМА ИИМК РАН  
28–30 АПРЕЛЯ 1997 г.

Санкт-Петербург  
1997

# АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ

Выпуск 42

**Редакционная коллегия:**

В. М. Массон (отв. редактор)

Л. Б. Кирчо, С. В. Белецкий

**Компьютерный оригинал-макет:**

Н. А. Лазаревская, Л. Б. Кирчо

Печатается при поддержке Отделения истории РАН

## ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ИЗЫСКАНИЯ В НАУЧНОЙ ПРОЦЕДУРЕ И ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Процесс научного познания в самом общем плане представляет собой трехчленную цепочку: опыт (эксперимент) → описание → объяснение. Полевые экспедиционные исследования являются начальным, базовым этапом подобных научных разработок. Их информационный потенциал, наряду с музейными собраниями артефактов и архивными материалами о ранее проводившихся раскопках образуют исходный информационный банк археологии.

Как и всякие экспериментальные исследования, археологические экспедиции нуждаются в определенной финансовой поддержке, наличие и масштабы которой во многом определяют сам характер производимых работ. Ассигнования, исходящие из научной значимости работ, являются своего рода чисто академическим направлением. При этом, в частности, есть возможность учитывать создание или расширение научного информационного задела для последующих разработок фундаментального характера. Таковыми, например, можно считать многолетние исследования группы верхнепалеолитических поселений в Костенках, создававшие надежную базу для фундаментальных изысканий по социологии и адаптации общества в первобытную эпоху. Широкое распространение во всем мире, во всяком случае в цивилизованных странах, получили своего рода спасательные работы, когда исследования проводятся в зонах нового строительства, нарушающего или прямо разрушающего древние памятники. Широко известны масштабные работы в зонах затопления при создании крупных водохранилищ как, например, в Ассуане в Египте или в зонах строительства новых гидроэлектростанций в Красноярском крае и в Туве. В городах, традиционно существующих на одной и той же территории, предусматривается выделение средств, порой весьма значительных, на изучение культурных напластований, подстилающих фундаменты современных строений и мостовые. Такая работа, законодательно закрепленная, характерна для Лондона. Огромные раскопки были проведены в центре Парижа при строительстве нового входа в Лувре. Не менее масштабные работы велись в цен-

тре Москвы, регулярно поддерживаемые руководством города. К сожалению, законодательная база таких работ, которая могла быть на начальном этапе создана решением именно городских властей, в России, да и во всем СНГ, отсутствует. Так, нет закона об охране культурного слоя в Санкт-Петербурге. Изучение культурного слоя Одессы, выдвигающее этот город в число древнейших центров Причерноморья, велось, как это часто бывает, за счет инициативы и энтузиазма самих исследователей. Широкие работы по землеустройству, проводившиеся в южных областях СССР на основе достаточно четкого государственного законодательства, породили в 60–80-х гг. своего рода раскопчный бум, когда древние курганы раскапывали буквально десятками и сотнями, при научных учреждениях создавали специальные лаборатории для проведения таких работ. В работы включился и ИИМК (ЛОИА АН СССР), выступивший с серией предварительных сообщений об этих исследованиях (Древности Евразийских степей 1983; Памятники археологии в зонах мелиорации 1988).

С распадом СССР и стремительным нарастанием экономических трудностей ситуация кардинальным образом изменилась. Масштабы работ в зонах новостроек сократились на много порядков, частично, в связи с прекращением самих работ, частично, в связи с блокированием этого направления технократическими структурами. Поддержка полевых работ Российской Академией наук все более сокращалась, а в 1996 г. вообще отсутствовала. Вместе с тем, начала внедряться новая форма поддержки целевых проектов по системе научных фондов – заявки на конкретные программы. Система эта еще не отработана. В частности, конфиденциальность конкурса еще не вышла за рамки концентрации в пределах московских структур, наследуя традиции централизованной бюрократии советских времен. Однако и проделанная работа уже достаточно существенна. Так в 1996 г. сотрудниками ИИМК по экспедиционным грантам РГНФ проведены исследования верхнепалеолитических стоянок в Брянской обл., стоянок и поселений охотников каменного века на Донетчине и Верхней Волге, раннеземледельческих поселений на Украине. Предварительные отчеты о двух экспедициях 1996 г. опубликованы (Синицына 1996; Праслов, Щелинский 1996).

Формируется и направление, также основанное на целевой поддержке, но уже по линии культурного наследия, значимость которого, особенно для обновляемой России, все более возрастает. Не без влияния позиции международного сообщества еще в СССР предпринимались усилия по созданию свода памятников культуры, подразумевающие сплошной учет имеющих объектов. В России эта программа трансформировалась в проект по культурному наследию, курируемый Министерством культуры. Здесь были достигнуты определенные успехи как за счет сплошных полевых исследований, так и публикаций списков памятников и археологических карт по отдельным областям. С провалом целевого бюджетного финансирования эта программа постепенно затухала и в 1996 г. пережила почти полную стагнацию. Сотрудникам ИИМК за счет поддержки местных властей и личного энтузиазма удалось провести соответствующие работы лишь на Северном Кавказе в Кабардино-Балкарии. Все большее значение имеет и прямая поддержка местных властей, имеющая особые перспективы в связи с попыткой усилить принципы федерализма и местной самостоятельности. Особое значение имеет ориентация на сохранение и развитие культурного наследия, в том числе наследия археологического (Archaeological Heritage). Так, власти Санкт-Петербурга и Ленинградской обл. стараются регулярно оказывать содействие изучению Старой Ладogi, едва ли не древнейшего в России города. В одной из последних книг, посвященных этому центру, в предисловии, составленном губернатором Ленинградской обл. В. А. Густовым, прямо сказано, что Ладога, будучи воплощением стремления русских к Балтийскому морю и международным связям, "в полном смысле этого слова является историческим предшественником Петербурга" (Кирпичников, Сарабьянов 1996).

Настоящий сборник отражает подобные направления археологических работ, проводившиеся в 1996 г. учеными как ИИМК, так и ряда других учреждений Санкт-Петербурга, России и СНГ. Он не охватывает все проводившиеся исследования, но достаточно разнообразно характеризует усилия научного сообщества по сохранению и упрочению узловых направлений археологической науки, сформировавшихся в советскую эпоху и продолжаемых в обновляемой России и независимых государствах СНГ.



# І. ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И РАЗРАБОТКИ ИИМК РАН В 1996 г.

## Л. В. Голованова, В. Б. Дороничев ИЗУЧЕНИЕ НОВОЙ МУСТЬЕРСКОЙ СТОЯНКИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В 1996 г. Северо-Кавказская палеолитическая экспедиция ИИМК РАН начала исследование новой стоянки Баранаха 4, открытой в 1989 г. (Дороничев 1995). Тогда же было сделано обследование памятника и произведена зачистка, которая выявила наличие культурного слоя мустьерского времени. Эта стоянка стала восьмым стратифицированным памятником мустьерского времени на Северо-Западном Кавказе и третьей после Ильских 1 и 2 стоянкой открытого типа.

Новая стоянка расположена на плато Барапаха – массиве Скалистого хр., в 7 км от станицы Преградная Урупского р-на Карачаево-Черкесской Респ. Стоянка Баранаха 4 расположена на 3-х метровой террасе левого борта Мокрой балки, с востока на запад пересекающей плато Барапахы и впадающей справа в р. Уруп (басс. Кубани). Абсолютная высота памятника – ок. 1500 м, высота над долиной Урупа – ок. 500 м.

**Стратиграфия памятника.** Слой 1 – современная почва, разделяется на верхнюю, дерновую, часть мощн. до 0,5 м, которая сложена черной гумусированной супесью, и нижнюю часть, представленную глинистым суглинком буро-черного цвета, мощн. до 0,7 м. Общая максимальная мощность слоя 1 – 1,2 м. Слой 2 – суглинок глинистый коричневого цвета, с многочисленными призмами суглинка бурого и черного цвета. Мощность слоя 2 – 0,2 м, к тыловому шву террасы мощность резко (в виде ступени) увеличивается до 1,2 м. Слой 3 (мощн. до 0,2 м) – суглинок оранжево-коричневый с большим количеством известняковой дресвы, залегает относительно горизонтально. Слой 4 является верхней разрушенной частью коренных известняков.

**Археологический материал** стоянки состоит из трех коллекций: первая включает сборы на поверхности террасы, вторая –

находки в почвенном слое 1, третья – материалы из слоя 2. Среди находок на поверхности и в слое 1 представлены изделия эппалеолитического и мустьерского облика. Культурный слой эппалеолитического времени не сохранился. В подошве слоя 2 довольно хорошо сохранился мустьерский культурный слой. В слоях 3 и 4 археологический материал не обнаружен.

*Сырьем* для изготовления основной части изделий во всех трех коллекциях служил кремнь, представлены предметы из окремненного известняка, кварца, песчаника, глинистого сланца.

*Эппалеолитический комплекс.* Технику расщепления характеризуют призматические косоплощадочные нуклеусы, пластинки и более редкие пластины и микропластинки. Орудия немногочисленны. В коллекции 1996 г. представлены острия с притупленным краем или с боковой выемкой, изготовленные на пластинках, и пластинки с притупленным краем. Единичными предметами представлены ретушный резец, пластинка с усеченными концами и пластинка с косоретушным краем.

Эппалеолитический комплекс стоянки Баранаха 4 имеет ближайшие аналогии с материалами расположенного в 150 м местонахождения Баранаха 1. За пределами плато Баранаха оба памятника демонстрируют большое сходство с эппалеолитической индустрией стоянки Явора. Отсутствие конусовидных нуклеусов и геометрических микролитов позволяет датировать все три памятника не мезолитическим временем, а самым концом верхнего палеолита – эппалеолитом.

*Мустьерский комплекс.* О технике расщепления дают представление несколько ядрищ плоскостного параллельного скалывания, все они сильно утилизированы. Среди сколов преобладают отщепы, половина из которых имеет негативы параллельных снятий, совпадающих с осью скалывания. Пластины составляют лишь 1/5 часть сколов. Отходы расщепления включают мелкие обломки и чешуйки. Почти все крупные сколы были использованы для изготовления орудий. Наиболее представительной категорией орудий являются продольные скребла с обушком. В коллекции 1996 г. относительно многочисленна и разнообразна категория конвергентных орудий. Присутствуют мустьерские острокопечники на пластинчатых заготовках, конвергентные скребла и

другие формы. Найдены также 2 лимаса, тройное скребло, скребки на отщепах. Интересную категорию образуют бифасиальные орудия: все они имеют плоско-выпуклую отделку и типологически близки бифасиальным скреблам или ножам, один предмет можно определить как нож типа Прондник.

Мустьерский комплекс стоянки Баранаха 4 близок индустриям Северо-Западного Кавказа, которые относятся к кругу памятников Восточноевропейского Микока, и синхронизируется с поздними памятниками данного круга. Здесь, так же как в Монашеской пещере, Губском навесе 1 и слоях 2–2а Мезмайской пещеры основной орудийный фон составляют скребла простые. Показательны многочисленные орудия со сходящимися лезвиями, в т. ч., мустьерские остроконечники, конвергентные и угловатые скребла. Однако спецификой индустрии, определяющей культурно-хронологическую позицию памятника, являются бифасиальные орудия. На стоянке (коллекции 1989, 1996 гг.) найдены небольшие треугольные рубильца и бифасиальные скребла, в т. ч. типа Прондник. Дополняют характеристику индустрии лимасы и скребки.

В отличие от ранних памятников этого круга (Ильская 1 и Мезмайская, слои 2б–3), на которых бифасиальные орудия составляют до 20–30%, в поздних индустриях бифасиальные орудия единичны и менее разнообразны. Одновременно увеличивается количество качественных пластинчатых заготовок, преобладающая часть орудий изготавливается на сколах.

**Планиграфия мустьерского культурного слоя.** Кроме многочисленных каменных изделий, среди которых много чешуек и мелких обломков, в слое найдены фаунистические остатки и древесные угольки. Osteологические материалы представлены несколькими зубами копытных (*Cervus elaphus*, *Bison* sp. ?) и костной трухой от разложившихся костей.

Изучение мустьерского культурного слоя позволило сделать два интересных наблюдения, касающихся планиграфии стоянки и палеорельефа местности в целом. В современном состоянии терраса, на которой расположена стоянка, имеет шир. 1–2 м. Принимая во внимание наличие делювиальных отложений, перекрывающих террасу, можно было предположить, что в мустьерское время она имела ширину до 3–5 м. Однако, раскопки выявили

культурный слой, который залегает строго горизонтально и простирается от края террасы к ее тыловому шву на 8–9 м. Учитывая небольшие размеры балки, в которой расположена стоянка, а также сильную крутизну склона, можно предположить, что данная терраса примыкает к небольшому обрыву, возможно, скальному. Следовательно, палеорельеф стоянки очень сильно отличался от современного, и представлял собой широкую террасу, примыкавшую к обрыву. Этим он напоминал палеорельеф стоянки Ильская 1, где также реконструируется пойменная терраса, примыкавшая к обрыву или крутому склону (Несмеянов 1989).

Второе наблюдение касается планиграфии мустьерского слоя. При его расчистке *in situ* оставались все элементы слоя, включая плитки известняка размерами более 5 см. Плитки имели в основном размеры более 15–20 см и достаточно плотно промыкали друг к другу, очерчивая дугу диаметром до 4–5 м. Эта дуга проходила почти по диагонали раскопа и уходила в его стенки. Интересно, что абсолютное большинство кремневых изделий залегало внутри этой дуги и среди скопления плиток известняка. Причем концентрация артефактов была довольно высокой: до 30–40 экз. на 1 м<sup>2</sup> при мощности слоя 20 см. Все фаунистические остатки и угольки зафиксированы также внутри этого скопления. Однако, для окончательных выводов о наличии на данной стоянке элементов жилых конструкций необходимо продолжение раскопок на соседних участках.

**В заключение** следует отметить, что важность изучения новой мустьерской стоянки Баранаха 4 определяется тем, что она представляет собой крайнее к востоку проявление мустье европейского типа (Восточноевропейского Микока) на Северном Кавказе. Таким образом, этот памятник указывает на гораздо большие масштабы экспансии европеизированных мустьерцев на Северный Кавказ, чем это предполагалось ранее. Единичные фаунистические остатки свидетельствуют о том, что население данной стоянки, как и остальных памятников Восточноевропейского Микока на Северо-Западном Кавказе, также специализировалось на охоте на крупных стадных животных.

**З. А. Абрамова, Г. В. Григорьева**  
**РАБОТЫ НА ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКЕ**  
**ЮДИНОВО В 1996 г.**

Экспедиция ИИМК РАН в 1996 г. продолжила исследование верхнепалеолитической стоянки Юдиново в Погарском р-не Брянской обл. Работы проведены благодаря финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Исследования проводились в музейном павильоне, построенном в 1984 г., и на участке вне его с целью дальнейшего изучения структуры поселения, обнаружения новых конструктивных элементов.

В музейном павильоне произведена очистка площади в 150 м<sup>2</sup> от водорослей и обработка костей мамонта, из которых сооружены жилища, консервирующими средствами.

За пределами музейного павильона продолжено изучение поселения, исследованного в 1988–90 гг. и 1995 г. Вскрыт 31 м<sup>2</sup> площади стоянки, включая участок, законсервированный в 1995 г. Обнаружено 3 небольших скопления костей, из них два – в новом раскопе и одно – в раскопе 1995 г. Скопления костей, выявленные в зольном заполнении, позволяют высказать предположение о том, что они служили небольшими рабочими площадками, где производили обработку кремневых и костяных изделий.

Сама зольная линза была насыщена обломками костей, сохранность которых значительно хуже, чем внутри жилищ. Однако в пределах зольного заполнения находок каменных и костяных предметов было значительно больше, чем в жилищах. Отмечено уменьшение площади зольной линзы и постепенное выклинивание ее в восточном направлении.

В северной части раскопа обнаружено несколько крупных костей: 2 бивня, ребро мамонта, обломки черепа овцебыка (?), трубчатые кости. Возможно, они являлись конструктивными элементами скопления костей, выявленного в 1990 и 1995 гг.

На исследованной площади собрана большая коллекция каменных изделий, включая орудия. Среди орудий преобладают резцы, много боковых и двойных, а угловые и срединные типы единичны. Скребков в два раза меньше, чем резцов; в основном, это концевые скребки на пластинках и отщепях. Разнообразны

ретушированные пластины и пластинки. Немногочисленны комбинированные орудия, острия, долотовидные формы, отбойники.

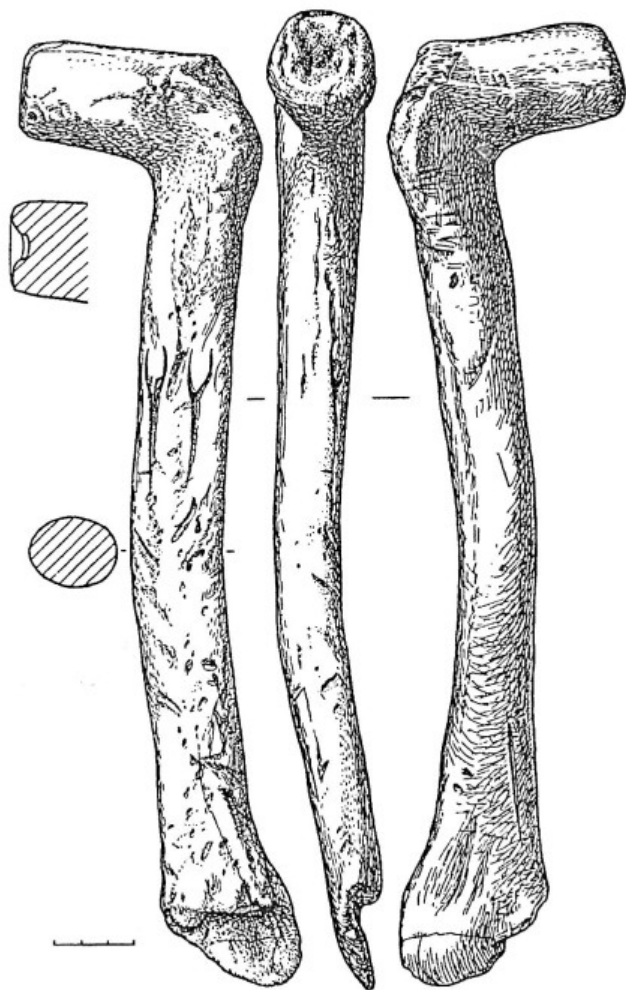


Рис. 1. Юдиново, молоток с изображением рогаины-двузубца.

Богат костяной инвентарь. Встречаются куски бивней со следами резания и вычленения пластин, многочисленные пластины и пластинки из бивня, обломки трубчатых костей с негативами сколов. Сериями представлены орудия охоты: фрагменты наконечников копий и дротиков, стрелки с намеченным и выделенным черешком, стержни. Группу орудий труда составляют шилья и иглы из костей песка, мотыги из ребер мамонта, обломки ножей и острия из бивня, молоток из рога северного оленя, на рукояти которого вырезаны фигуры, напоминающие рогатину-двузубец (рис. 1). Разнообразны украшения: бусы различной формы с прорезанным отверстием, подвески, обломки браслетов, пластинки. Обломки лопаток, поверхность которых покрыта линейными следами, служили, вероятно, подставками. Особо выделяются 3 куска бивней, поверхность которых покрыта различным орнаментом в виде ромбов, зигзагов, линий, заполненных внутри поперечными штрихами. В целом, ромбовидный орнамент преобладает на изделиях, но иногда встречается на отдельных участках поверхности ребер, трубчатых костей, кусков бивней. Любопытны бивни с различными орнаментальными мотивами на поверхности. Материалы Юдинова свидетельствуют о высоком мастерстве охотников на мамонтов, живших 13000–15000 л. т. н.

**Г. Ф. Коробкова, В. Е. Щелинский**  
**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ КОЛЛЕКЦИИ**  
**ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ SEGEVRO**  
**В ЮЖНОЙ ШВЕЦИИ**

В 1996 г. нами было закончено трасологическое изучение каменного инвентаря стоянки финального палеолита Segebro, начатое еще в 1995 г. (Коробкова, Щелинский 1996). Это стало возможным благодаря договору о научном сотрудничестве между ИИМК РАН и Королевской Академией наук Швеции, а также любезному содействию профессора Ларса Ларссона из Института археологии Университета г. Лунда.

Стоянка Segebro является одним из самых древних археологических памятников на территории Швеции. Она находится на крайнем юго-западе страны, недалеко от г. Мальме. Стоянка была обнаружена при строительных работах и раскапывалась в 30-е гг.

(Kalling 1936). После повторных раскопок Б. Саломонссона в 1960-е гг. было высказано предположение, что занимаемая ею площадь могла быть местом обитания небольшой группы людей, соразмерной с семьей (Salomonsson 1964; Larsson 1994). По наличию в коллекции специфических наконечников, стоянка была отнесена к культуре Бромме. Датировка последней (на территории Швеции) – 11300–10900 л. до н. э. (Larsson 1996).

В технико-типологическом отношении инвентарь стоянки довольно беден. Широко представлены разнотипные сколы, включающие многочисленные отходы от расщепления камня. Традиционной моделью техники расщепления было получение неправильных, реже правильных, крупных и средних пластин, а также отщепов. Однако законченных форм – изделий со вторичной обработкой, совсем немного. Наиболее выразительными и показательными среди них являются несколько кремневых наконечников стрел типа Бромме, скребки и резцы. Вместе с тем, как показали результаты трасологического анализа каменных изделий, в качестве орудий использовались самые разнообразные заготовки, напоминающие в типологическом плане скорее отходы техники расщепления, нежели сами орудия. Рабочими лезвиями у них служили заостренные углы, угловые участки ударных площадок, а также боковые края, верхние и нижние торцы, не имеющие никакой вторичной обработки. Такой рациональный подход к выбору необходимых для конкретной работы частей заготовок – специфическая черта Сегебро. По нашим наблюдениям, для прорезания и выскабливания тонких узких пазов в дереве, кости, роге, или для просверливания отверстий, либо прокалывания шкур использовали остроугольные, заостренные участки. В такой технике осуществлялось изготовление разнообразных оправ для вкладышевых орудий. Вогнутые части сколов употреблялись для скобления и строгания дерева, кости, рога. Выровненные участки боковых краев были эффективны при резании мяса, выпуклые – для скобления шкур. Поскольку заготовок подобного рода было в избытке, обитатели Сегебро не задумывались над тем, как трансформировать их в готовые орудия, не прибегая к дополнительному оформлению. Они заведомо знали потенциальные возможности конкретных сколов, полученных путем расщепления. Поэтому на-



бор выявленных нами инструментов на первый взгляд напоминает отбросы производства, а не ансамбль орудий. Об этом свидетельствует и типологический расклад индустрии Сегебро, где выделенные под микроскопом изделия были ранее отнесены исследователями к категории отходов.

Основной задачей наших изысканий было полное изучение всей коллекции Сегебро под микроскопом в целях восстановления хозяйственно-производственной деятельности ее обитателей. Это позволяет в дальнейшем провести сравнение характера производственной деятельности, осуществлявшейся на территории Сегебро и других памятниках финального палеолита, оставленных группами охотников Севера Европы, принадлежавших к иным культурным традициям. Особо следует подчеркнуть, что это первое (для Центральной и Западной Европы) полное трасологическое исследование всего материала стоянки, представленного достаточно солидной выборкой – 2658 кремневых изделий.

Обитатели Сегебро использовали для расщепления местный серый и светло-серый меловой кремнь в виде конкреций. Весь процесс расщепления осуществлялся на стоянке – на ее территории встречено много разбитых желваков и желваков с начальным расщеплением. Есть пренуклеусы и сработанные нуклеусы. Как отмечалось, много отходов от расщепления камня: разнообразные отщепы и обломки пластин, в т. ч. с желвачной коркой, чешуйки, осколки, куски кремня. Техника расщепления камня пластинчатая, ориентированная на получение грубых, порою массивных, крупных неправильных пластин изогнутого профиля и, реже, призматических крупных, средних пластин и микропластин правильных очертаний. Последние представлены значительно меньшим числом. Изделия со вторичной обработкой немногочисленны.

В целом комплекс каменных изделий имеет неплохую сохранность. Сильно поврежденных и непригодных для трасологического анализа предметов сравнительно немного. На них зафиксированы следы сглаженности, локальной заполировки, случайных выломов и выкрошенности тонких краев как следствие эпигенетических преобразований культурного слоя (просадка, подвижки, уплотнение). На ряде предметов, особенно мелких, фиксируются следы водной окатанности.

По данным трасологического анализа обнаружено довольно большое количество изделий, на которых сохранились следы срабатанности, позволяющие определить их функции. Таких изношенных предметов, служивших орудиями труда и элементами оружия – 323 экз. (12,2% от всей коллекции). С учетом изделий со вторичной обработкой без следов износа или с деформацией, весь комплекс орудий (включая изношенные) насчитывает 445 экз. (16,7%). Остальные категории распределяются так: нуклеусы, пренуклеусы и их обломки – 235 (8,9%); пластины без ретуши и следов использования – 279 (10,5%), в том числе с деформацией – 4; отщепы без ретуши и признаков износа – 1252 (47,1%), включая деформированные – 101 (3,8%); осколки кремня без вторичной обработки и утилизации – 18, в том числе с деформацией – 2; осколок гальки – 1; чешуйки – 428 (16,1%).

По морфологии орудия труда очень разные. Часть из них представлена изделиями со вторичной обработкой вполне определенных типов, другая, явно преобладающая – разного рода сколы без какой-либо отделки.

Среди изношенных орудий выделены: отбойники – 3; мясные ножи – 97; наконечники стрел – 3; скобели для дерева – 24 и кости, рога – 8; резчики для дерева – 11 и кости, рога – 25; резцы для кости, рога – 9; строгальные ножи для дерева – 11; ножи для дерева – 1 и кости, рога – 1; микросверла для дерева – 2 и сверло для кости, рога – 1; пилка для дерева – 1. Особую группу составляют бифункциональные изделия: скобели-строгальные ножи для дерева – 5; нож-строгальный нож для дерева – 1; нож-скобель для дерева – 1; резчики-скобели для дерева – 2 и кости, рога – 11; резчик-строгальный нож для дерева – 1 и резец-скобель для кости, рога – 1. В отдельную группу выделены инструменты, не расчленяющиеся по обработке конкретного материала. Это пилка-скобель – 1; скобели – 33; резчики – 12; пилки – 2; резчик-скобель – 1, которые могли использоваться для твердого дерева и кости, рога. Среди других орудий выделены скребки для шкур – 20; проколки – 18; кожевальный нож – 1.

В целом многие орудия можно объединить в группы, связанные с обработкой каких-то конкретных материалов. Это группа деревообрабатывающих инструментов – 60 (13,5%); орудия по

кости, рогу – 51 (12,5%); по твердому дереву и кости, рогу – 49 (11%); по выделке шкур и кож – 41 (9,3%). Кроме них, в коллекции Сегебро выделены орудия без следов употребления: скребки – 2, резцы – 9, резцовые сколы – 9, сегментовидное изделие – 1, пластины с ретушью – 5; в целом они составляют 26 экз. (5,3%). Есть изделия с деформированной поверхностью, функция которых определяется типологически: резчики – 4, сверла – 3, орудия – 3, пластины с ретушью – 34, отщепы с ретушью – 49. Таких предметов обнаружено 93 экз. или 21,1% (от числа всех орудий).

Как видно из приведенного набора изношенных инструментов, приоритетное значение имеют мясные ножи – 23,8%, находившиеся в длительном употреблении и представленные по характеру использования двумя типами – безрукояточными и вкладышевыми. Заметной популярностью пользовались группы орудий, задействованных в обработке дерева и кости, рога. В количественном и процентном соотношении обе группы представлены почти поровну – 13,5% и 12,5% соответственно, не считая показателей нерасчленной группы инструментов, которые могли использоваться как для обработки твердого дерева, так и кости, рога – 11%. Большой удельный вес видов деятельности, связанных с обработкой дерева, кости, рога, имеет принципиально важное значение, так как никаких других свидетельств данного производства, кроме выявленных нами каменных орудий, на территории стоянки не зафиксировано. Большую роль на стоянке играло коженное дело, в котором было задействовано 9,3% всех орудий.

Обращает на себя внимание отсутствие на стоянке костяных орудий, оправ, рукояток и наличие незначительного количества законченных инструментов. Возможно, часть их унесена на другое местожительство. Что касается костяных изделий, они могли и не сохраниться в слое. Однако, судя по разнообразию дошедшего до нас набора кремневых орудий, его представительной выборке, наличию интенсивных следов сработанности на рабочих поверхностях, на территории Сегебро существовала активная производственная деятельность, обеспечивавшая обитателей стоянки жизненно необходимыми продуктами питания, орудиями и оружием, одеждой и другими предметами бытового назначения, которыми они пользовались в повседневной жизни длительное время.

Проведенный трасологический анализ полного археологического комплекса и, особенно, полученные при этом результаты характеризуют Сегебро не как кратковременную стоянку, которую заселяла группа охотников в период добычи кремня. Скорее всего это было небольшое сезонное поселение охотничьей общины с разнообразными видами деятельности.

- КОРОБКОВА Г. Ф., ЩЕЛИНСКИЙ В. Е. 1996. Первые исследования петербургских трасологов в Швеции // Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации. СПб.
- KALLING S. 1936. Fynd från stenåldern vid Sege Bro. Malmö Fornminnesförenings Årskift.
- LARSSON L. 1994. The Earliest Settlement in Southern Sweden Late Paleolithic Settlement Remains at Finjasjön, in the North of Scania // Current Swedish Archaeology. V. 2.
- LARSSON L. 1996. The Colonization of South Sweden during the Deglaciation // The Earliest settlement of Scandinavia. Stockholm. Series in 8<sup>o</sup>, N<sup>o</sup> 24.
- SALOMONSSON B. 1964. Découverte d'une Habitation du Tardi-Glaciaire a Segebro, Scanie, Suède // Acta Archaeologica. XXXV, pp. 1–28.

**В. Я. Шумкин**

## **ИССЛЕДОВАНИЯ НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ – НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ**

За почти 100 лет археологических изысканий на Кольском п-ве выявлено более 500 археологических объектов. Развитие исследований шло от первых почти случайных работ к осознанию целей и задач археологического изучения региона (30–40-е гг.) и необходимости планомерного и регулярного проведения исследований (60–80-е гг.), и, в последние годы, к аналитическому рассмотрению закономерностей, прогнозных построений.

Несмотря на значительные успехи, территория обследована крайне неравномерно и далеко не полностью. Одной из причин такого положения является сохраняющееся до сих пор неудовлетворительное состояние наземных транспортных артерий и, как следствие – более успешное, результативное в количественном и качественном отношении обследование приморских районов. Помимо этого, сложность и обширность региона при стремлении более широкого и быстрого его охвата выливались в довольно беглое посещение археологических объектов, составление не достаточно солидной документации археологических разведывательных

работ. Практически на всем Кольском п-ве только побережье Нюквева залива Баренцева моря (восток Мурманского берега) можно отнести к разряду основательно изученных микрорайонов. Не удивительно, что именно здесь выявлена самая значительная концентрация археологических памятников (более 60) от среднего мезолита до саамского средневековья. Основная часть этих памятников в последние годы получило строгую топографическую привязку и современную инструментальную съемку, что позволяет оперативно, без особых сложностей вносить информацию об указанных объектах в разного типа банки данных, реально планировать дальнейшее изучение, осуществлять исследования культурно-географического направления и прогнозные построения. Археологическое изучение Восточной (Мурманская обл. России – Кольский п-в) и Западной Лапландии (северные провинции Норвегии, Швеции, Финляндии) до 60-х гг. нашего столетия осуществлялось практически в одном русле, не считая временной “форы”, широты охвата и интенсивности исследований, связанных в первую очередь с хорошо отлаженной практикой делового и уважительного взаимодействия научных учреждений и законопослушных промышленных компаний, а также с более высоким культурным и гражданским уровнем населения Скандинавских стран. Однако, до нач. 90-х гг. сохранялся удивительный феномен – отсутствие углубленных жилищ на поселениях каменного века и эпохи раннего металла в восточной части региона и фиксация ок. 10 000 таких сооружений в западной, при принципиальной схожести черт остатков материальной и духовной культуры древнего населения Баренцевоморской ойкумены и единстве физико-географических условий. Попытки объяснить данное положение “некоторыми локальными различиями” явно не выдерживали критики.

Совместные работы российско-скандинавских специалистов на территории всей северной Лапландии позволили несколько сnivelировать создавшееся противоречие. Выяснилось, что существовали определенные законсервировавшиеся стереотипные методы поиска качественно разных археологических объектов, разрушение которых (стереотипов) дало серьезные результаты в виде открытия серии объектов с углубленными жилищными структурами

в Восточной Лапландии и поселений открытого типа, обычных ранее для нашей территории – в Западной Фенноскандии.

Планомерное обследование только двух микрорайонов Кольского п-ва (Нокуев залив и п-в Рыбачий) выявило более 100 жилищ каменного века, эпохи раннего металла и саамского средневековья, идентичных по топографии, размерам, форме и конструкции аналогичным комплексам Северной Норвегии. Постепенно становится реальной закономерностью исключительная приуроченность данных памятников к морскому побережью Северной Фенноскандии (провинции Тромсо и Финнмарк в Норвегии, Мурманский берег в России). Имеются уже и данные о наличии поселений с иными своеобразными жилищными комплексами в материковой части региона, что подтверждает предложенную ранее гипотезу о присутствии у древнего моноэтнокультурного населения Лапландии двух разных хозяйственно-культурных типов. Определенное своеобразие поселений и жилищных структур южного побережья Кольского п-ва (Терский и Кандалакшский берега) свидетельствует, видимо, о несколько иной модели той же приморской системы адаптации населения на этой территории и более налаженных контактах (особенно в эпоху раннего металла и позднее) с западными (Ботнический залив), южными (Северная Карелия) и восточными (Европейский Северо-Восток и восточнее?) иноэтническими сообществами.

Исследования, проведенные в последние годы на Кольском п-ве, позволяют не только качественно расширить имеющиеся представления о древнем населении, но и делают необходимыми расширенные (и определенно повторные) обследования региона. Конечно, крайне желательным было бы проведение стационарных работ на выявленных жилищных комплексах, но в силу экономического и правового состояния страны, вероятно, более насущным и неотлагательным все же представляется скорейшая реализация разведывательных работ с детальной фиксацией всех археологических объектов, активно разрушаемых особенно в последние годы в результате бесконтрольной промышленно-хозяйственной экспансии. В противном случае археологическая наука безвозвратно потеряет огромное количество ценнейших памятников пока еще сохранившихся на территории крайнего Северо-Запада России. За-

дача эта может быть реализована только при детальном, сплошном, комплексном изучении микрорайонов, в первую очередь тех, которые испытывают наибольшее промышленное "давление", иначе и мы, и последующие поколения никогда не узнаем, что является реальной причиной лакуарности наших знаний об отдаленных периодах, процессах и событиях древней истории.

**Н. Н. Скакун**

### **РАСКОПКИ ТРИПОЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ БОДАКИ**

Бодаки, одно из самых северо-западных поселений трипольской культуры, расположено на террасе левого берега р. Горыни, вблизи областного центра г. Тернополя. Оно было открыто перед Второй мировой войной археологом А. Цинкаловским и исследовалось им в течение двух полевых сезонов (Cyncalowsky 1961). В 1967 г. здесь были проведены небольшие работы Трипольской экспедицией (Попова, Черныш 1967). К сожалению, богатые и разнообразные материалы, в особенности, полученные А. Цинкаловским, не нашли достаточного отражения в литературе, но в обобщающих работах по Триполю этот памятник неоднократно упоминается как один из интересных объектов времени VII по периодизации Т. С. Пассек (Черныш 1982; Виноградова 1983). Его большое значение для изучения многих проблем трипольской культуры стало еще более очевидным после возобновления раскопок в 1987 г. Энеолитическим отрядом ЛОИА АН СССР (Скакун 1990; Скакун и др. 1994), когда стало ясно, что Бодаки представляют собой специализированное поселение-мастерскую по обработке кремня (Скакун 1996). Об этом свидетельствуют не только изобилие кремневых находок, среди которых выделяется большое число предметов, связанных с расщеплением кремня, но и открытие мастерской, где обнаружено 46 нуклеусов, 12 отбойников и ретушеров, многочисленные отходы производства, заготовки и оформленные орудия труда. Как показал трасологический анализ, многие из последних в работе не использовались. Эти находки имеют большой интерес для изучения технологии расщепления кремня на последних этапах каменного века, когда во многих высокоразвитых культурах Юго-Восточной Европы, Малой Азии и

Ближнего Востока, наряду с медью, продолжает широко применяться кремьень, а качество его обработки достигает совершенства. До сих пор этот феномен недостаточно изучен с точки зрения техники обработки сырья и способов функционирования кремнеобработывающего производства в системе энеолитического хозяйства.

Материалы пос. Бодаки позволяют затронуть не только вопросы палеоэкономики. Географическое положение на стыке нескольких культурных регионов придало ему своеобразный отпечаток, позволяющий проследить контакты Триполья этого района.

В течение нескольких последних лет в Бодаках была проведена археомагнитная разведка для выяснения площади поселения (1,3 га), его планировки и поиска наиболее перспективных для раскопок объектов. В результате было выяснено, что жилые и хозяйственные сооружения, сосредоточенные в восточной и западной частях поселения, были вытянуты в 2 ряда по линии С-Ю, а центральная часть между ними мало застроена (рис. 2).

С напольной стороны поселение окружено подковообразным рвом дл. 245 м. В 1996 г. раскопки рва проводились на двух участках и показали, что ширина его в верхней части – 2 м, в нижней – 0,2 м, а глубина – около 2 м. Профиль рва – клиновидный, но не остrokонечный. Раскопаны еще 2 сооружения, верхние части которых, после снятая пахотного слоя, напоминали типичные трипольские глинобитные “площадки”. Однако конструкция их оказалась сложнее. Под первой площадкой обнаружена восьмеркообразная в плане яма, причём в центре ее, непосредственно под “площадкой”, найдены 2 ямки от столбов. Подобные конструкции жилищ, где верхняя часть – глинобитная, а нижняя – углубленная, известны в Триполье; в Бодаках это уже второй объект. Верхняя часть другой постройки также была похожа на обычную трипольскую “площадку”, но с более мощными, чем в первом раскопе, пластами обожженной глины. После их расчистки оказалось, что это развал свода двухчастной печи с углубленными топочными камерами, разделенными материковой перемычкой. Печь находилась в полуземлянке, раскопки которой в 1996 г. не завершены. В описанных сооружениях и во рву обнаружен богатый археологический материал: фрагменты расписной и кухонной керамики, кремневые и костяные орудия труда.



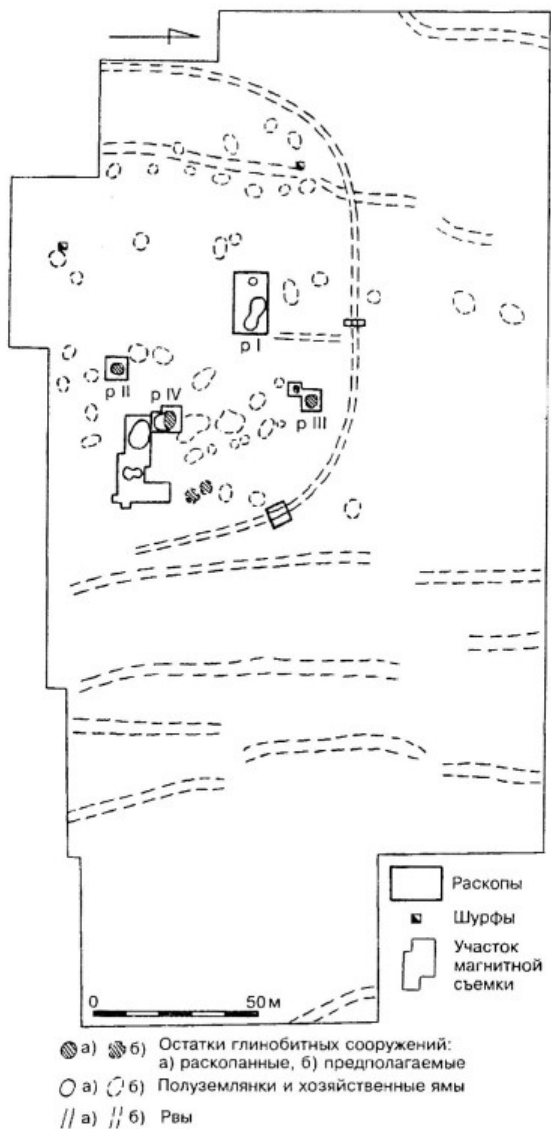


Рис. 2. Бодаки. Схема расположения энеолитических объектов.

Таким образом, в Бодаках, кроме уникальной кремнеобрабатывающей мастерской, обнаружены углубленные жилища с глинобитной надземной частью и ров, которые мало известны в этой части Трипольской окраины.

- ВИНОГРАДОВА Н. М. 1983. Племена Днепровско-Прутского междуречья в период расцвета трипольской культуры. Кишинев.
- ПОПОВА Т. А., ЧЕРНЫШ Е. К. 1967. Трипольское поселение у села Бодаки // ЗОАО, т. II. Одесса, с. 35.
- СКАКУН Н. Н. 1990. Вивчення енеолітичного поселення-майстерії біля с. Бодаки // Тези доповіді і повідомлень Тернопільскої обл. наукової історико-краснознавчої конф. Тернопіль, с. 43.
1993. Развитие кремнеобрабатывающего производства в эпоху развитого энеолита в Юго-Восточной Европе // Трипольська культура України. Тез. докл. конф. Львів, с. 60.
1996. Раскопки поселения-мастерской у с. Бодаки // Северо-Восточное Приазовье в системе свразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Мат. межд. конф. Ч. 1. Донецк, с. 19.
- СКАКУН Н. Н., СТАРКОВА Е. Г., АМОСОВ Д. А., ТАРАСОВ В. А. 1994. Применение магнитной съемки при исследовании поселения трипольской культуры у села Бодаки // Применение методов естественных наук в археологии. Тез. докл. межд. конф. СПб., с. 182–183.
- ЧЕРНЫШ Е. К. 1993. Энеолит правобережной Украины и Молдавии // Энеолит СССР. М., с. 165–320.
- CYNCALOWSKY A. 1961. Materiały do prodziejow Wolyniai Polesia Wolynshiego. Warszawa.

**В. А. Трифонов**

### **ЛАНДШАФТНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ГРАНИЦЫ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА – БРОНЗЫ**

Исключительное ландшафтное разнообразие СЗ Кавказа сочетается со значительной культурной вариабельностью. В эпоху энеолита – бронзы более 10 культур и культурных групп занимали различные районы СЗ Кавказа, сменяя друг друга на одних территориях или сосуществуя одновременно на разных. При сопоставлении с региональным физико-географическим районированием, анализ особенностей распространения культур становится источником косвенной информации о характере возможной зависимости систем жизнеобеспечения этих культур от местных эко-

номических ресурсов, типа экономической активности и степени специализации хозяйственной деятельности.

В условиях ярко выраженной ландшафтной зональности СЗ Кавказа неоднократные и существенные климатические изменения в период V–II тыс. до н. э. (Александровский 1988; Левковская и др. 1990) создавали одновременно благоприятные условия для территориальной экспансии одних культур и экстремальные условия существования для других. В зависимости от уровня экономической и внеэкономической адаптивности культур к экологическим изменениям, культурные границы могут меняться вместе с физико-географическими или независимо от них. В свою очередь, климатическая стабильность и устойчивость ландшафтных границ способствуют формированию локальных культурных вариантов.

Независимо от периодической миграции ландшафтных границ благодаря изменениям климата, физико-географическое районирование СЗ Кавказа остается, в целом, устойчивым на протяжении всего позднего голоцена. Эта позволяет использовать современную систему зонирования как базовую для сравнительного анализа физико-географических и культурных границ.

СЗ Кавказ – исторически условное объединение Предкавказской равнины и северной части Большого Кавказа, относящихся к двум разным географическим странам, соответственно – Европейской равнине и Кавказу. Основу физико-географического районирования этой области составляет территориально-ландшафтная дифференциация природных региональных комплексов в системе основных таксономических единиц: провинция – округ – район. На территории СЗ Кавказа, таким образом, выделены 2 основных провинции: степная (Кубано-Приазовская) и горная (Причерноморско-Кубанская). В свою очередь, степная провинция подразделяется на 2 физико-географических округа и 7 районов. Горная провинция состоит из 2 округов и 4 районов (Федина, Гвоздецкий 1960; Чупахин 1974).

Сравнительный анализ физико-географических и культурных границ дает следующие результаты.

Незначительное количество известных памятников эпохи раннего энеолита (с учетом необходимых поправок к традиционной абсолютной хронологии – кон. V – 1-я четв. IV тыс. до н. э.) ста-

вят существенные пределы достоверности выводов, поэтому сейчас можно говорить только о тенденции. Памятники типа Свободное – Мысхако, представляющие западнокавказский субстрат майкопской культурной общности, тяготеют к причерноморско-кубанской провинции и не выходят на севере за пределы распространения зоны широколиственных (дубовых) лесов, естественной границей которых является р. Кубань. Кубано-приазовская степная провинция в это же время была неплотно заселена культурными группами, родственными энеолитическим группам Нижнего Подонья (Раздорское I, слой IV) и Северного Приазовья, оставаясь зоной взаимных контактов (Новоданиловка, Свободное).

В эпоху позднего энеолита – начала ранней бронзы (2-я и 3-я четв. IV тыс. до н. э.) наиболее очевидно зональное распространение локальных вариантов майкопской культурной общности. Памятники типа Мешоко – Хаджох занимают преимущественно горные области по обеим сторонам Кавказского хр. в интервале 2000–500 м выше уровня моря. В свою очередь, памятники типа Майкоп – Усть-Джегута (могильники и поселения) занимают относительно узкую подгорную зону, не поднимаясь, как правило, выше 500 м и не опускаясь ниже 200 м над уровнем моря. В целом, эта группа памятников тяготеет к зоне с наиболее благоприятными условиями для неполивного земледелия (выщелочные или горные черноземы, оптимальный режим летних и зимних температур и уровня осадков).

В кон. IV тыс. до н. э. в распространении майкопской культуры происходят существенные изменения. Памятники типа Иноземцево в этот период распространены не только в подгорной зоне, но и в степной, охватывая почти всю кубано-приазовскую провинцию вплоть до Нижнего Дона (Константиновка, Раздорское I, слой VI–VII) и Калмыкии. В контактных зонах появляются гибридные майкопско-константиновские памятники. Экспансия майкопской культуры на север была скорее всего стимулирована климатическими изменениями (увлажнение и потепление), превратившими бассейны степных рек в благоприятные зоны обитания для культур практикующих земледелие.

Видимо, те же климатические изменения превратили и открытую степь в зону более благоприятную для освоения культурами,

отдающими предпочтение скотоводству. Именно благодаря давлению этих культур с севера зона распространения майкопской культуры к нач. III тыс. до н. э. сократилась до первоначальной. Постепенное вытеснение майкопской культуры (поздненовободненское время) из прикубанской степи ямной и новотиторской культурами отмечено появлением синкретических комплексов (Старокорсунская 2/18).

К концу 1-й четв. III тыс. до н. э. завершилось новое культурное перераспределение территории СЗ Кавказа. Горные области, прежде занятые новободненскими памятниками и памятниками типа Мешоко – Хаджох, теперь занимают памятники т. н. дольменной культуры, а вся степная часть Прикубанья и черноземная зона Закубанья распределены между ямной и новотиторской культурами. Памятники ямной культуры преобладают в восточной части Прикубанья (кубанский округ), а памятники новотиторской культуры – в западной части (ЮВ Приазовский округ). Со временем, новотиторская культура осваивает степную и подгорную части Закубанья. Возможно, на стремление к освоению новых территорий оказало влияние наступившее в это время похолодание и увлажнение климата (Левковская 1996).

В последующие периоды, вплоть до нач. II тыс. до н. э., все культурные изменения происходят в пределах трех основных физико-географических зон: степном Прикубанье, подгорном Закубанье и горной части СЗ Кавказа.

Наиболее эволюционным образом с 1-й пол. III тыс. до н. э. до нач. I тыс. до н. э. развиваются культуры горной зоны, формирующие основу протомеотского субстрата. Подгорная зона Закубанья практически в одних и тех же границах последовательно заселялась с востока и северо-востока сначала носителями северокавказской культуры (с сер. III тыс. до н. э.), затем катакомбной предкавказской (с кон. III тыс. до н. э.). Степное Прикубанье в это же время занимали предкатакомбная, затем раннекатакомбные культурные группы, а с нач. II тыс. до н. э. – батури́нский вариант предкавказской культуры. Все это время р. Кубань оставалась естественной генеральной физико-географической и культурной границей, не являясь препятствием для контактов и культурного доминирования горных районов над степными.

Новые радикальные перемены произошли, видимо, в нач. 2-й четв. II тыс. до н. э. с появлением в кубанской степи памятников позднемноговальной и срубного типов. В отличие от предшествующих периодов и культур, новые мигранты с севера, видимо за счет комплексного и поэтому более адаптивного типа хозяйства, с легкостью приспособились к физико-географическим различиям СЗ Кавказа и заняли все экологические ниши, исключая горные.

**Н. А. Боковенко**

### **НОВЫЙ ТИП ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ КАРАСУКСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

Погребальные памятники карасукской культуры в Хакасско-Минусинских котловинах – самые многочисленные объекты археологии Среднего Енисея. Они встречаются повсеместно, могильники насчитывают сотни, а то и тысячи оградок – свидетельство большой плотности населения этой культуры в конце II тыс. до н. э. в регионе. Преобладающее большинство из них представляют собой вертикальные квадратные или прямоугольные каменные ограды, часто пристроенные друг к другу, образуя семейные погребальные комплексы (Киселев 1951: 10; Грязнов, Пяткин, Максименков 1968: 180; Вадецкая 1986: 53). Круглые ограды встречаются очень редко и свидетельствуют о пережитках традиций предшествующих культур.

На могильнике Анчил чон (у с. Казановка в Аскизском р-не Респ. Хакасия) в 1996 г. начато исследование разрушающегося под проселочной дорогой погребального сооружения эпохи поздней бронзы. Каменные конструкции состоят из центральной круглой ограды (диам. 7,5 м), сооруженной из вертикально вкопанных плит (до 40 см выс.), от которой отходят 8 “лучей”, образующие стенки других каменных оград. В центре вкопан каменный ящик из массивных плит, перекрытый тремя большими плитами, где и было произведено захоронение, по-видимому, особы высокого ранга. Ориентировка погребенного – головой на ЗЮЗ. Вокруг ящика обнаружено еще десяток плит, которые, скорее всего, образовывали своеобразную цисту над центральной могилой.

Между этими вертикальными “лучами”, отходящими от центральной круглой ограды, в древности произведено еще 7 захоронений взрослых и детей, также в каменных ящиках с мощным перекрытием из плит. Все это, видимо, обрамляла еще одна ограда (диам. ок. 14–15 м), прослеженная практически со всех сторон, но также частично уничтоженная дорогой. За этой оградой, с ЮЗ пристроены еще 3 небольшие подпрямоугольные оградки аналогичной конструкции, в которых обнаружены захоронения детей. Таким образом, общий диаметр внешней (третьей) ограды был ок. 18 м. Всего в этом погребальном комплексе обнаружено 11 погребенных. Взрослые были ориентированы головой на ЗЮЗ, детская ориентировка пока не ясна. Хотя все могилы ограблены в древности, в каждой могиле обнаружены орнаментированные сосуды и бронзовые вещи (бляшки, подвески и украшения), позволяющие по совокупности погребального обряда и сопроводительного инвентаря достаточно надежно относить этот памятник к раннему этапу карасукской культуры (XIII–XI вв. до н. э.).

Полных аналогий столь сложному сооружению пока нет, хотя круглые ограды изредка встречаются в карасукских могильниках Енисея (Грязнов, Пяткин, Максименков 1968; Комарова 1975; Зяблин 1977 и др.). Так, на могильнике Малые Копены 3 встречены усложненные варианты карасукских памятников, сочетающие круглые и прямоугольные ограды (ограда 16). Она, правда, сооружена из горизонтально сложенных плит, а четыре прямоугольные пристройки находятся только в южной части, а не по всей окружности. Простые круглые ограды встречены также на могильниках Карасук и Кюргенер I. И если круглые ограды, сложенные из горизонтально уложенных плит, действительно восходят к многочисленным андроновским оградкам, то круглые ограды из вертикально вкопанных плит (типа Анчил чон) – видимо, следующий этап в развитии погребальных круглых сооружений карасукской культуры.

Характерной особенностью конструкций и погребений Анчил чона является четкая ориентация на небесные светила (восход и заход солнца, полярную звезду), наличие заостренной стелы в восточной части круглой ограды, что, видимо, свидетельствует об определенной мифологеме, заложенной древними строителями.

Не исключено, что памятник функционировал как погребально-поминальный длительное время в пределах своей эпохи и являлся своеобразным сакральным астрономическим центром. В следующую, скифскую эпоху, идея создания сложных погребально-поминальных обрядовых центров в среде кочевников Центральной Азии нашла отражение в таких мегакомплексах, как Аржан.

**Вл. А. Семенов**

### **МОГИЛЬНИК СЫПУЧИЙ ЯР – НОВЫЙ ПАМЯТНИК АЛДЫ-БЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПРАВОБЕРЕЖЬЕ УЛУГ-ХЕМА**

В 1996 г. продолжались раскопки на могильнике Сыпучий Яр, расположенном в 12 км к З от пос. Баян-Кол (Респ. Тыва) на правом берегу р. Улуг-Хем. Раскопки носили спасательный характер, так как могильник Сыпучий Яр интенсивно размывается паводковыми водами Улуг-Хема. Исследованные здесь курганы – это сложные комплексы, состоящие из нескольких последовательно пристраиваемых друг к другу сооружений, содержащих, как правило, 1 центральное коллективное погребение и боковые захоронения детей и подростков. Закончены исследования (начатые в 1995 г.) цепочки из трехвалунных насыпей, границы между которыми не всегда отчетливо прослеживаются. По длинной оси памятник ориентирован с СВ на ЮЗ. С северо-западной стороны он имеет общую четкую валунную ограду, не столь отчетливую по юго-восточной границе кургана. В трех грунтовых ямах глуб. 1,5–2,0 м были отмечены остатки деревянных конструкций (иногда только слабые следы дерева). Здесь выявлены коллективные захоронения (4–7 чел., включая подростков и детей). Одна из могил сильно разграблена и в ней найдено только зеркало с бортиком и дужкой в центре и мелкий бисер. Другая могила, в яме с уступом, содержала захоронения двух взрослых и младенца, помещенных в деревянную раму. На уступе находилось еще одно захоронение взрослого человека. Погребальный инвентарь беден – бронзовый нож, шило, гребень и 3 конусовидные костяные подвески. Третья грунтовая могила и захоронение в каменном ящике, находящееся к С от нее, содержали многочисленные изделия из бронзы, среди которых: наборный пояс из обойм, украшенных с



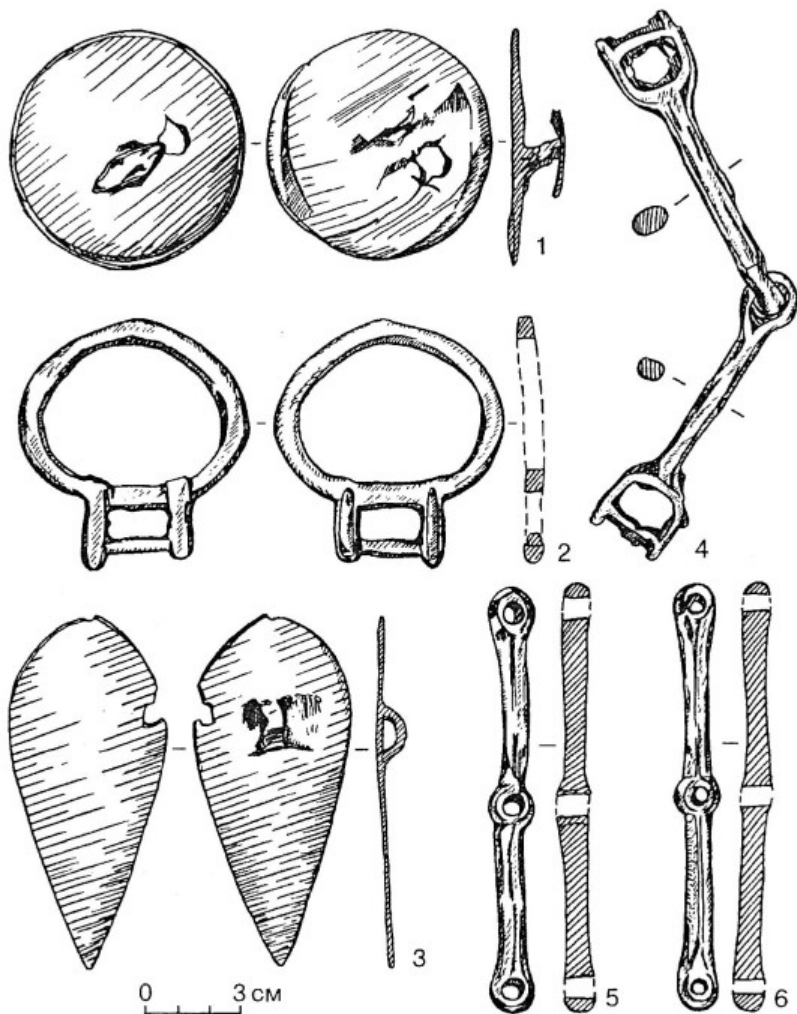


Рис 3. Могильник Сыпучий Яр (Центральная Тува).  
 Объект 4-6. Клад конского снаряжения. Бронза.

двух сторон парными изображениями козлов, пряжки с диаметрально развернутыми головами орлов или грифонов, бляшка в виде кабана, бляшки с протомами верблюдов. В восточной поле кургана найден клад конского снаряжения, включающий стремечковидные удила, прямые трехдырчатые псалии, нащечные бляхи и подпружную пряжку (рис. 3).

Три других объекта, раскопанных в 1996 г., представляли сложный комплекс сооружений, состоящий из кургана с наземной валунной камерой округлой формы, который был перекрыт двумя пристроенными друг к другу курганами алды-бельского типа. В этих курганах исследовано 3 захоронения в грунтовых ямах глуб. 1–1,2 м и 2 захоронения в каменных ящиках. В грунтовых ямах выявлены остатки деревянных рам. Все захоронения сильно разграблены. Погребения в каменных ящиках оказались не тронутыми грабителями, но погребального инвентаря не содержали.

**М. Н. Пшеницына**

#### **НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ РАННЕТАГАРСКОЙ ЭПОХИ НА ЮГЕ ХАКАСИИ**

Бейская экспедиция в течении шести лет ведет ставшие уже традиционными исследования археологических памятников в зоне индивидуального строительства жилья в местности Ай-Дай у юго-западной границы г. Саяногорска в Бейском р-не Респ. Хакасия. В 1991 г. при обследовании этой территории было зарегистрировано 40 курганов тагарской культуры. Для удобства фиксации обнаруженные курганы условно были разделены на 3 группы. Пять больших курганов в восточной части обследованного участка получили название могильника Ай-Дай I. В 300 м к 3 от них группа из 29 объектов выделена в могильник Ай-Дай II. Еще 6 курганов с высокими земляными насыпями в западной части могильного поля объединены в могильник Ай-Дай III.

В 1991–94 гг. могильник Ай-Дай I и 5 курганов могильника Ай-Дай III были исследованы экспедицией полностью. Раскопанные 10 курганов с индивидуальными и коллективными захоронениями датируются сарагашенским этапом тагарской культуры (IV–III вв. до н. э.; Пшеницына 1993; 1995).

Промышленно-хозяйственное освоение пригородной зоны Саяногорска самым негативным образом отразилось на состоянии археологических памятников в местности Ай-Дай. Особенно это коснулось курганов могильника Ай-Дай II. Через его территорию проложено несколько грунтовых дорог, при строительстве которых насыпи большинства курганов были полностью разрушены. Только 5 имеют насыпи выс. 1,5–2 м, у остальных же они сохранились на выс. 0,3–0,6 м, либо вообще отсутствуют. В 1992 и 1995 г. экспедиция исследовала 6 курганов могильника (Пшеницына 1993; Пшеницына, Николаев 1996), в 1996 г. – еще 2. Четыре из раскопанных курганов (кург. 1–3, 5) с коллективными захоронениями (4–18 чел.) по устройству погребальных камер, обряду захоронения и инвентарю относятся к памятникам сарагашенского этапа тагарской культуры (IV–III вв. до н. э.). Наибольший интерес при изучении могильника Ай-Дай II в 1995 г. вызвали раскопки двух курганов (кург. 4 и 6) с пятью неграбленными коллективными захоронениями в бревенчатых срубках (3–20 чел. взрослых и детей). Эти курганы по размерам и устройству своих погребальных камер, а также по набору сопроводительного инвентаря – типам бронзовых орудий (рис. 4: 1–3), бронзовых (рис. 4: 10) и костяных (рис. 4: 12, 15, 16, 18) наконечников стрел, предметов туалета (рис. 4: 7, 21) и украшений, формам и орнаментации глиняных сосудов, могут быть отнесены к переходному подгорновско-сарагашенскому типу памятников тагарской культуры. Комплексы этого типа выделены М. П. Завитухиной в самостоятельный хронологический этап (1968), названный ею и М. П. Грязновым биджинским по характерным курганам на р. Бидже, раскопанным А. Н. Липским (1966) и датированным М. П. Грязновым V в. до н. э. (1979). Устройство погребальных камер типично как для биджинских, так и для сарагашенских памятников. Керамика представлена баночными сосудами и мисками. При этом следует отметить некоторые архаические черты, присущие еще подгорновскому этапу: утолщение по краю венчика и орнаментация желобками под ним. Есть сосуды, украшенные резным орнаментом под венчиком. Следует отметить находки сосудов цилиндрической формы, характерных только для биджинского этапа.

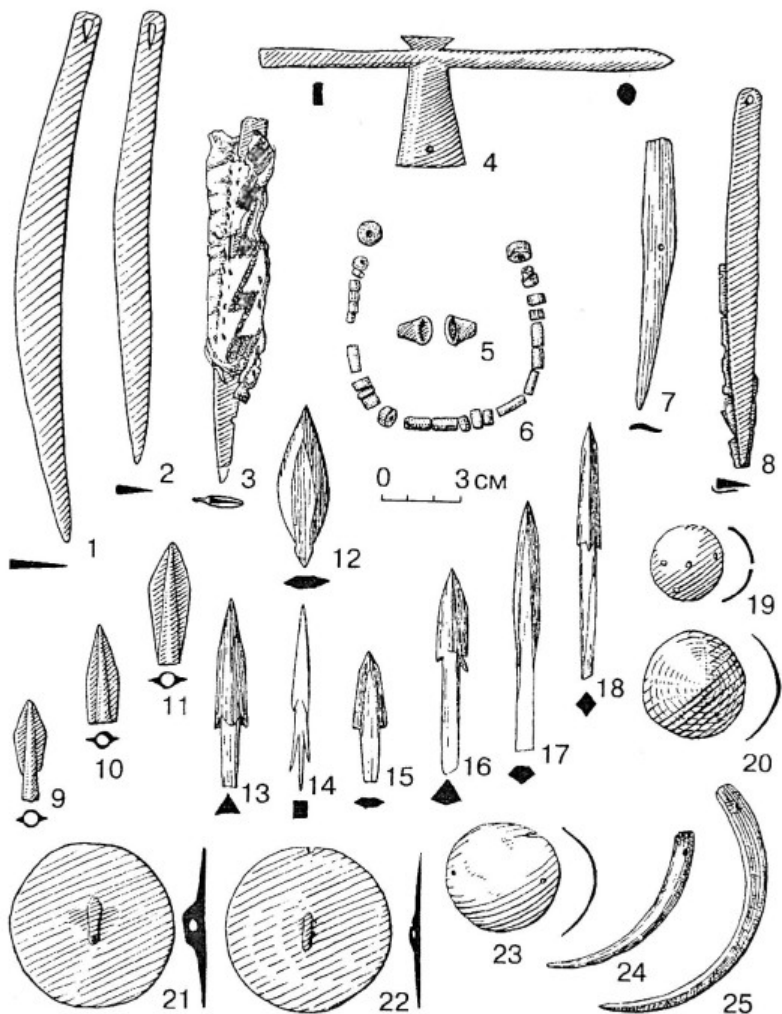


Рис. 4. Могильник Ай-Дай II. Инвентарь из курганов 4, 6-8.  
 1, 7, 15, 16, 21 - кург. 6 мог.; 2 - кург. 4 мог. 2; 3, 10, 12, 18 - кург. 6 мог. 1;  
 4, 8, 9, 11, 13, 14, 17 - кург. 8 мог. 2Б; 5, 6, 20, 22-24 - кург. 8 мог. 2А; 19 -  
 кург. 8 мог. 1; 25 - кург. 7 мог. 2. 1-5, 8-11, 19-23 - бронза; 7, 12-18, 24, 25 -  
 кость; 6 - бусы из мягкого камня, пастовые, глазчатая.

Два тагарских кургана (кург. 7 и 8), раскопанных в 1996 г., также можно отнести к переходному подгорновско-сарагашенскому типу. Под остатками их земляных насыпей выс. ок. 0,5 м обнаружены каменные ограды (12,5x8,5 м; 12x15 м) из валунов. Внутри каждой из них – по 2 могильных ямы глуб. 1–1,3 м. В яму поставлен сруб из бревен в 7–8 венцов. Размеры срубов в среднем 2,2x2,5 м. Сверху ямы покрыты бревенчатыми накатами. В трех погребальных камерах – коллективные захоронения 4–8 чел. Особо следует остановиться на двух смежных могилах 2А и 2Б кург. 8. Погребальные камеры представляли собой срубы из бревен в 4–8 венцов с дощатым потолком. Сверху могильные ямы закрыты бревенчатыми накатами, поверх которых зафиксировано общее покрытие из валунов и камня, так что первоначально эти могилы были приняты за одну и обозначены одним номером. Две такие же смежные неграбленные могилы были обнаружены в кург. 3 (мог. 2А и 2Б) на оз. Сарагаш (Грязнов, Пшеницына 1966) и в пункте Тепсей XV огр. 1 (мог. 3 и 4; Пшеницына 1979). Погребенные уложены на спину, вытянуто, головами на В. В мог. 2Б при двух захороненных обнаружены 2 бронзовых чекана (рис. 4: 4), 2 втульчатых наконечника стрел (рис. 4: 9, 11), 2 ножа (рис. 4: 8), 6 костяных наконечников стрел (рис. 4: 13, 14, 17), бронзовое зеркало, серия бронзовых полусферических бляшек и биконические бусы, глиняные миска и сосуд с желобками под венчиком. Судя по набору сопроводительного инвентаря, в мог. 2Б были захоронены воины. В соседней мог. 2А погребено трое. На грудной клетке одного из умерших зафиксированы остатки ожерелья из пастовых и глазчатых бус (рис. 4: 6), бронзовых трубочек-пронизок и биконических бус, подвеска из клыка кабарги (рис. 4: 24). При погребенных находились 3 бронзовых зеркала (рис. 4: 22), несколько крупных (рис. 4: 20, 23) и мелких полусферических бляшек, биконические бусы (рис. 4: 5) и 3 шила. Здесь же стояли 2 глиняные миски и 2 сосуда с желобками под венчиком и прочерченным орнаментом. Следует также отметить подвеску из клыка кабарги (рис. 4: 25) из мог. 2 кург. 7 и бронзовую полусферическую бляшку из мог. 1 кург. 8 (рис. 4: 19).

Два кургана, исследованные в 1996 г., также как и кург. 4 и 6, можно считать и биджинскими, и сарагашенскими, предвари-

тельно датируя их VI–IV вв. до н. э. К этой же хронологической группе памятников относится курган в п. Тепсей XV (Пшеницына 1979), серия могил в курганах могильника Кичик-Кюзюр I (Завитухина 1967) и курган 5 в могильнике Улуг-Кюзюр I (Пшеницына 1967). Это примеры того, когда определить конкретный этап памятников тагарской культуры нелегко.

Результаты раскопок четырех курганов VI–IV вв. до н. э. в могильнике Ай-Дай II дали существенную информацию для реконструкции погребального обряда в раннетагарское время, поскольку 7 погребальных камер в них оказались неграбленными. Эти памятники представляют собой наиболее раннюю на сегодняшний день группу курганов тагарской культуры в окрестностях г. Саяногорска. Выявление их в предгорьях Саян дает теперь возможность проследить развитие погребального обряда на всем протяжении существования тагарской культуры на юге Хакасии.

**Н. Н. Николаев**

### **ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПОСЕЛЕНИЯ АЙ-ДАЙ IV В ХАКАССИИ**

В 1993–95 гг. Бейская экспедиция ИИМК РАН исследовала поселение в пункте Ай-Дай IV в 9 км к ЮЗ от г. Саяногорска (Пшеницына 1995; Пшеницына, Николаев 1996). Поселение занимало площадь около 12 га, однако, культурный слой сохранился только на незначительном участке в северной части памятника. Вещевой комплекс достаточно разнообразен. Вместе с тем, большую часть материала составляет фрагменты красноглиняной и темноглиняной керамики. Предварительный анализ позволяет предположить, что красноглиняные сосуды изготавливались с меньшей тщательностью и, как правило, не орнаментировались. Темноглиняная керамика представлена венчиками (в т. ч. “рассеченными”) и значительным количеством орнаментированных фрагментов. Хотя типологическая идентификация керамики серьезно затруднена, находки, сделанные в я. 1 тр. 6 и мог. 1 тр. 3, позволяют предположить, что для гончарной традиции Ай-Дая IV характерны баночные и горшковидные формы (рис. 4: 2, 5). Кроме того, в я. 4 р. 1 был найден фрагмент квадратного сосуда “с упло-

ценным дном и прямым обрезом венчика”. Форма и орнаментация айдайских находок сопоставимы с образцами таштыкских комплексов Минусинской котловины (Кызласов 1960; Грязнов 1979). Однако датировать поселение Ай-Дай IV на основании существующей выборки практически невозможно.

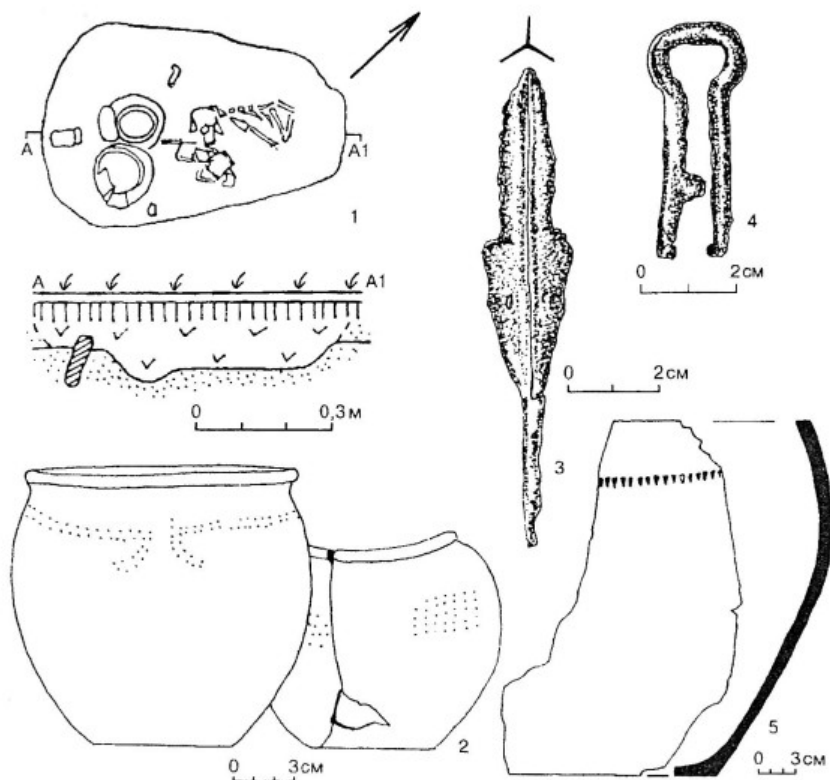


Рис. 5. Материалы поселения Ай-Дай IV.

Квадратные сосуды очень редки в таштыкских комплексах и скорее всего являются “отголоском” тесинской традиции; по мнению Л. Р. Кызласова они не встречаются в памятниках, датируе-

мых позднее II в. н. э. (1960; Пшеницына 1979). Вместе с тем, тепсейские аналогии горшковидным и баночным сосудам Ай-Дая IV позволяют датировать исследуемый комплекс не ранее 2-й четв. I тыс. н. э. (Грязнов 1979). Отмеченные несоответствия обусловлены расхождениями во взглядах на периодизацию и хронологию таштыкской культуры. Поэтому особое значение приобретает изделия, позволяющие синхронизировать Ай-Дай IV в рамках культурно-хронологической шкалы, не прибегая к аналогиям среднеенисейских комплексов. В связи с этим обращает внимание ярусный наконечник стрелы, происходящий из я. 4 р. 1 и пряжка из я. 1 тр. 3 (рис. 5: 3, 4).

Появление ярусных наконечников стрел в комплексах Саяно-Алтая связано с распространением хуннских традиций. Однако, существующая подборка наконечников этого типа не позволяет датировать памятники, в которых они были встречены, ориентируясь на хронологию хуннских комплексов (Николаев 1988). Конкретный наконечник из Ай-Дая IV отличается от хуннских размерами, пропорциями и вариационно тяготеет к алтайским и тувинским находкам. Примечательно, что алтайские аналогии в подавляющем большинстве случаев датируются не ранее II в. н. э. (Сорокин 1977; Елин 1987). Соответствующие параллели находит пряжка из я. 1 тр. 3, алтайские аналогии которой датируются II–IV вв. н. э. (Уманский 1974; Сорокин 1977).

Таким образом, вполне допустимо датировать таштыкское поселение Ай-Дай IV в пределах II–IV вв. н. э., впрочем, не исключена более поздняя дата, в рамках 2-й четв. I тыс. н. э.

**С. В. Красниенко, А. В. Субботин**  
**СИБИРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ:**  
**ИТОГИ ДВАДЦАТОГО ПОЛЕВОГО СЕЗОНА**

В 1996 г. Сибирская экспедиция продолжала работы по паспортизации памятников древней истории и созданию археологической карты Шарыповского и Ужурского р-нов Красноярского края, начатые в 1994 г. Работы экспедиции охватили центральную и южную часть Шарыповского, а также, западную часть Ужурского р-нов. Именно на этих землях с горно-степным ланд-



шафтом сосредоточено большинство памятников. В течение полевого сезона проведена инструментальная съемка и подготовлена охранная документация на 50 объектов, в том числе 19 курганных могильников: 14 в Ужурском р-не и 5 – в Шарыповском, 7 (3 – в Шарыповском и 4 – в Ужурском р-не) одиночных курганов, 23 поселения и каменную крепость (все – в Шарыповском р-не). Часть памятников была известна ранее, однако большинство выявлено и зафиксировано впервые.

Почти все курганы (109 – в Шарыповском р-не и 238 в Ужурском р-не) – по внешним признакам традиционно относятся к тагарской культуре. При этом исследованные могильники и одиночные курганы представляют все этапы этой культуры. Ранние погребальные комплексы (Ашпан X, Красное Озеро I, II, III, IV, Кулун IV) располагались на ровных площадках, как правило на невысоких террасах вблизи рек и озер. В ряде случаев это террасы, находящиеся достаточно высоко над современным уровнем водоемов (Гляден V, Кедровая III). Расстояние между отдельными сооружениями невелико, иногда между ними трудно провести границу (Кулун IV). Напротив, поздние комплексы тяготеют к пологим подножиям возвышенностей или даже водоразделам. При этом группы поздних курганов отличаются относительно небольшим количеством курганов в группе, большими расстояниями между отдельными курганами и, вследствие этого, большей площадью могильников. Примерами таких памятников служат Ашпан IV, VII, IX, XII, Вязкая II, Красная Сопка I, II, VII. При сочетании в одном могильнике разновременных комплексов, обе указанные ландшафтные тенденции проявляются особенно ярко (Можары III). Кроме тагарских курганов, в 1996 г. впервые обнаружены, вероятно, афанасьевские каменные кольца и каменные плоско-конические наброски небольшого диаметра, вероятно, более позднего, чем тагарское, времени. Указанные сооружения располагались среди насыпей самого крупного в данной местности раннетагарского могильника Кулун IV.

Кроме курганов, в Шарыповском р-не экспедиция обследовала поселения. Впервые в 1996 г., благодаря помощи шарыповского краеведа-энтузиаста С. А. Краснолуцкого, появилась возможность целенаправленно и методично обследовать берега мелких водое-

мов Шарыповского р-на: рр. Кадат, Темра, Ожа, их притоков-ручьев, оз. Ближнее, Вязкое, Согринское. Таким образом, было обследовано 23 памятника, причем лишь пос. Большое Озеро было известно ранее. С началом паспортизации подготовлена охранная документация на 33 археологических памятников района, в том числе на 16 ранее известных. Подъемный материал (в основном, керамика) учтенных в 1996 г. памятников датирует их I тыс. до н. э. Обнаружен прекрасно сохранившийся бронзовый ранне-тагарский кинжал. На некоторых поселениях собраны коллекции каменного и кремневого инвентаря, что позволяет предположительно датировать обживание их и более ранним временем (III–II тыс. до н. э.). В стенах траншеи, сильно разрушившей террасу, где расположено пос. Гляден VIII, обнаружены крупные фрагменты больших круглодонных сосудов с лощеными и затертыми пучками травы стенками, характерных для афанасьевской культуры (сер. III тыс. до н. э.). До сих пор памятники этой культуры не были известны так далеко на севере.

В книге Я. Аппельгрена Кивало (Apelgren-Kivalo 1931: 3, 7–9, Abb. 2–64), опубликовавшего результаты работ экспедиции И. Р. Аспелина (1887 г.), есть упоминание о укрепленных сооружениях на вершинах некоторых гор. Одно из таких сооружений находится в Шарыповском р-не в 7 км к СВ от дер. Малое Озеро, на вершине г. Свялик (высота над уровнем моря ок. 800 м, над уровнем озера – более 350 м). Крепость представляет собой каменную стену (выс. до 1,5 м, шир. 2,4–2,7 м), имеющую в плане вид прямоугольного треугольника с заovalенными углами, широким катетом обращенного на Ю, к скалистому (выс. до 50 м) обрыву, узким – на З. В 8 м к ЮВ от угла, противоположного обрыву, в длинной стороне стены, за которой начинается пологий лесистый склон, находится широкий проход в центральную часть крепости. В проходе вертикально вкопаны 2 плиты (высотой до 0,6 м). Одна из плит прислонена к стене, а вторая делит проход на 2 неравные части. Край обрыва представляет собой возвышение и является как бы третьей стеной. Средняя часть возвышения нарушена. Стены сложены из больших плит песчаника (шириной до 1 м). В проходе по разрезу определен характер кладки, которая имеет вид “елочки” с понижением к центру. До недавнего

времени считалось, что подобные сооружения в Хакасии датируются ранним средневековьем, однако раскопки, проведенные на одной из таких крепостей, дали окуневский (нач. II тыс. до н. э.) материал.

В результате работ 1996 г. значительно расширилась номенклатура известных памятников и их стратиграфическая колонка, что позволило заполнить некоторые лакуны в древней истории данного района. Однако, даже Шарыповский р-н исследован далеко не полностью. Что касается Ужурского р-на, то здесь наряду с учетом известных памятников, практически только погребальных, предстоит значительная работа по выявлению новых, особенно пока неизвестных здесь поселений.

Apelgren-Kivalo J. 1931. Alt-Altaiische Kunstdankmalen. Briefe und Bildermaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und Mongolei 1887–1889. Helsingfors.

### **Б. И. Маршак, В. И. Распопова, В. Г. Шкода РАСКОПКИ ДРЕВНЕГО ПЕНДЖИКЕНТА В 1996 г.**

Совместная экспедиция Государственного Эрмитажа, Института истории материальной культуры РАН и Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Респ. Таджикистан в 1996 г. проводила работы на шахристане древнего Пенджикента. Продолжались раскопки храма II, жилого квартала VII–VIII вв. (объекты XXVI и XXVI-с), южной первоначальной городской стены (V–VI вв) и строений V–VI вв. близ нее, а также двух помещений VIII в. к С от южной широтной улицы (объект XXV). С помощью экскаватора, самосвала и трактора с тележкой были удалены обширные отвалы старых раскопок.

В храме II (объекты II и X, рук. В. Г. Шкода) исследовался внешний (восточный) двор. Раскрыта по верхнему горизонту северо-восточная четверть этого двора. Вдоль северной стены открыты суфа с выступом-подиумом приблизительно посередине и три базы перистиля. В завале перед суфой обнаружены обломки упавшей глиняной штукатурки с живописью. Напротив выступа найдены обломки культовой композиции с фигурами на синем фоне. Изображения, относящиеся к миру людей, выполнены в

мелком масштабе (коленопреклоненный жрец? в белой одежде, стоящий воин в доспехах с мечом и копьем), а относящиеся к миру богов – в крупном (канделябр с тремя ножками, растение с цветком). К северу от выступа обнаружены фрагменты батальной сцены с фигурами на красном фоне, похожими на те, которые были найдены ранее близ восточной части суфы.

На объекте XXVI (рук. Ш. Ф. Курбанов) возобновлены работы, прервавшиеся 20 лет назад. Расчищен зал на втором этаже; сводчатое помещение первого этажа под ним; другое помещение первого этажа, связанное проходами с предыдущим и с переулком. Жилище, к которому относились все эти комнаты, было пристроено к внутренней стороне восточной городской стены.



Рис. 6. Пенджикент. Фрагмент терракотового образца.

Неподалеку продолжались раскопки ещё одного здания, также пристроенного к этой стене (объект XXVI-с, рук. И. К. Малкиель). Обнаружены коленчатый, частично крытый переулок, на который выходят два дома: жилище, изученное в 1993–95 гг. и другое жилище, к которому относится вновь раскопанный коридор.

Переулок подходит с Ю к широкой арке, к С от которой он, видимо, продолжался под сводом. На раскопанном участке открыты, в основном, слои 740–770-х гг. Среди находок надо отметить фрагмент терракоты с головой мужского божества и венчик хума

с согдийской надписью (имя "Атархуман"). На объекте XXV (рук. Д. Абдуллоев) раскопана кладовая V – 1-й пол. VI вв. с тремя хумами и деревянной полкой. Уточнен план зернохранилища того же времени, устроенного в первоначальной южной городской стене. Выяснилось, что стена здесь, в отличие от восточной ранней городской стены, не возобновлялась в VII в. и фортификационные работы, предпринятые тогда, не привели к воссозданию внутренней линии обороны. К северу от южной широтной улицы вскрыты 2 помещения пахсового одноэтажного здания. Одно из них – первоначально квадратный зал – было позже использовано как кухня с очагами и тануром. Дату постройки здания предстоит уточнить. Слоев старше VIII в. в нем пока не обнаружено. Из находок надо отметить обломок образка с мужской фигурой, держащей в левой руке ваджру (рис. 6).

**А. Н. Кирпичников**

**ДРЕВНЕРУССКОЕ ВООРУЖЕНИЕ  
из коллекции И. Хойновского  
(по материалам польских музеев)**

В 1902 г. известный киевский собиратель древностей И. Хойновский перевез свою огромную и очень ценную коллекцию старинных предметов в Варшаву. В 1903 г. он преподнес их в дар Обществу поощрения художеств царства Польского. В 1902 и 1907 гг. Хойновский дополнял свой дар новыми приобретениями. После смерти собирателя в 1919 г. в Киеве, военные предметы его коллекции в 1919 и 1923 гг. были переданы из Национального музея в Варшаву в Музей войска Польского, где находятся и ныне. Часть вещей оказались в Археологическом музее в Варшаве.

В составе коллекции Хойновского находилось и средневековое оружие: несколько мечей, наконечники копий и стрел, топоры и выдающийся по составу и значимости набор вооружения из черноклобуцкого погребения из Таганчи бывш. Киевской губ. Предметы из Таганчи относятся к 1206–1240 гг., они заново изучены сотрудниками Археологического музея в Варшаве, в Польше готовится их публикация.

В 1996 г. во время работы в Музее войска Польского мне были любезно предоставлены находки из коллекции Хойновского и с помощью карточного каталога и рисунков, хранящихся в Отделе специальных собраний архива упомянутого музея, удалось изучить привезенные из Киева меч, 4 бронзовых и 1 железную булавы, а также 7 бронзовых кистеней. Часть этих вещей была учтена в нашем своде о древнерусском оружии, теперь возможна их целостная характеристика.

Меч типа Т-2 имеет на лезвии дамаскированный узор в елочку. Перекрестье и основание навершия утрачены. Место находки не указано. Запись на карточке гласит "славяне среднего Поднепровья", из чего следует, что клинок обнаружен в Киеве или Киевской обл. Примерная дата – X в.

Перечислим изученные ударные средства. В их состав входят 2 булавы с 12 пирамидальными шипами (Киев? и Хмельная бывш. Киевской губ.), навершие округлой формы с как бы выпиленными гранями (Киевская губ.), навершие с шестью фигурно оформленными гранями (Хмельная бывш. Киевской губ., это один из европейски известных наиболее ранних по времени шестоперов). Среди кистеней оказались: 4 шарообразных продолговато-округлой формы (бывш. Киевская губ., включая Таганчу и Княжу Гору), 2 грушевидных образца с черневым орнаментом на лицевых поверхностях в виде лент и завитков (бывш. Киевская губ.), наконец, 1 – в виде куба со срезанными углами (Княжа Гора бывш. Киевской губ.).

Большинство перечисленных булав и кистеней имеют древнерусские аналогии. Они изготовлены в Киеве и других южнорусских городах во 2-й пол. XII – 1-й пол. XIII вв. Грушевидные кистени – южнорусское изобретение предмонгольского времени. Рассматриваемые ударные средства употреблялись как конными, так и пешими воинами, чтобы в рукопашной схватке оглушить, вывести на время из боя противника, но не обязательно убить.

В целом, воинские изделия из коллекции Хойновского – ценный источник для изучения вооружения домонгольской Руси. Они свидетельствуют об активной работе высококвалифицированных городских мастеров-ремесленников и соответствуют евразийским военно-техническим достижениям своего времени.

**В. А. Лапшин, Т. А. Чукова, А. В. Курбатов,  
Н. Е. Персов, И. Н. Черных  
(Санкт-Петербург, Москва, Тверь)  
РАСКОПКИ В ТВЕРСКОМ КРЕМЛЕ**

Экспедиция Тверского гос. объединенного музея и ИИМК РАН в 1996 г. продолжила раскопки на месте строительства нового здания музея в центральной части Тверского кремля. Работы велись на двух участках общей площадью 400 м<sup>2</sup> (при общей площади раскопа 1500 м<sup>2</sup>). Под слоем строительного мусора, заполнявшего подвалы XIX в., сохраняется влажный, хорошо консервирующий органику, слой мощн. 2 м, который датируется XIII–XIV вв. Зафиксированы несколько строительных горизонтов со следами пожаров. На раскопанном участке находилась угловая усадьба, выходящая на улицу и переулок зафиксированные в 1995 г. Для участка характерны многократные перепланировки и плотная застройка. Эта часть кремля была впервые застроена в нач. XIII в. После взятия города монголо-татарами в 1238 г. в течение нескольких десятилетий строительство не велось, во всяком случае до нас не дошли сколько-нибудь значительные строительные остатки этого времени. В кон. XIII – нач. XIV в. участок был заново застроен, при этом основания построек оказались уложенными непосредственно на домонгольский слой. Произошла полная смена ориентации застройки. Строительный горизонт сер. XIV в. сохраняет общую ориентацию предыдущего периода, но наблюдается частичная перепланировка: изменились границы усадеб и ориентировка отдельных построек. Для этих двух горизонтов характерны относительно крупные срубы из бревен дл. 5–6 м. В кон. XIV в. еще раз меняется характер застройки: господствуют стандартные срубы 3x3 и 4x4 м.

Коллекция насчитывает 3000 индивидуальных находок, несколько десятков тысяч предметов из кожи и фрагментов керамики. В слое 1-й трети XIII в. найден серебряный оплавленный перстень-печатка со знаком Рюриковичей (рис. 7: 3). Строительные горизонты нач. и сер. XIV в. выделяются обилием импортов, поступление которых связано с Золотой Ордой (сиро-египетское стекло, поливная полихромная керамика из Средней Азии и Зо-

лотой Орды, люстровая керамика из Ирана). Найдена серия ножей, лезвия которых инкрустированы насечкой медной проволоки имитирующей арабскую вязь. Находки из слоя кон. XIV в. в целом носят более рядовой характер.

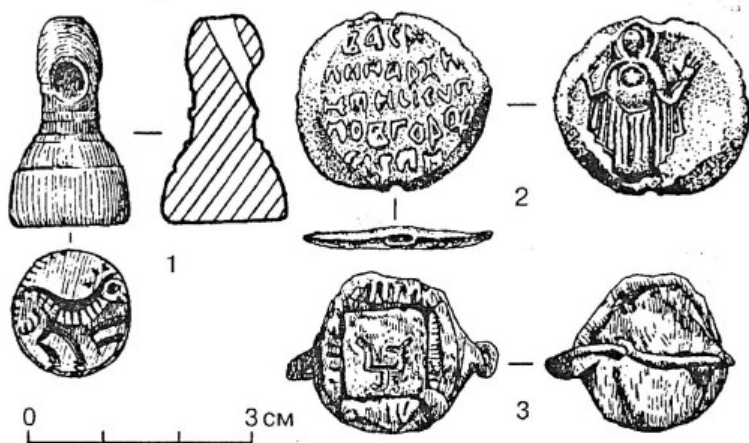


Рис. 7. Находки из раскопок Тверского кремля в 1996 г.:  
 1 – печать с “лютым зверем” (2-я пол. XIV в.), 2 – вислая печать новгородского архиепископа Василия Калики (1331–1352 гг.), 3 – перстень-печатка с изображением знака Рюриковичей (нач. XIII в.).

В слое нач. XIV в. найдены 3 берестяные грамоты (№ 3–5). В слое сер. XIV в. на той же усадьбе найдена вислая печать новгородского архиепископа Василия Калики (1331–1352 гг.; рис. 7: 2). Представляется, что это не просто совпадение. Грамоты относятся ко времени, когда тверской князь Михаил Ярославич стал одновременно великим князем Владимирским (с 1304 г.) и новгородским князем. Напомним, что одна из двух ранее найденных в Твери грамот принадлежит к тому же хронологическому периоду, обе они связана тематически с Новгородской землей. В 1995 г. на соседней усадьбе, в том же слое найдена костяная печать, на которой вырезано изображение архангела без рук, сферы и посоха.



Такая же схема изображения известна только на свинцовых печатях периода княжения в Новгороде Михаила Ярославича (1304–1318 гг.) и его сына Дмитрия Михайловича (1322–1325 гг.). Эти находки, в сочетании с золотоордынскими импортами и упомянутыми особенностями застройки нач. – сер. XIV в., позволяют предположить, что на исследованных усадьбах жили представители администрации князя, связанные с Новгородом, а, возможно, и сами новгородцы. К этому же кругу нерядовых находок относится печать новгородского архиепископа. Василий Калика вошел в историю древнерусской литературы как автор “Послания архиепископу тверскому Феодору о рае”, написанного около 1347 г. С Тверью его связывали особые отношения: Василий был крестным отцом и воспитателем будущего великого князя Тверского Михаила Александровича (1368–1399 гг.), при котором Тверское княжество достигло наибольшего могущества.

**С. В. Белецкий**

### **НОВЫЕ СФРАГИСТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ИЗ ПСКОВА**

В декабре 1996 г., при содействии сотрудников Псковского музея-заповедника мне удалось познакомиться с четырьмя сфрагистическими памятниками, хранящимися в частных коллекциях в Пскове. Их публикации посвящено настоящее сообщение.

#### **Печати**

1. *Av*: изображение Ветхозаветной Троицы. Фигуры ангелов равновелики, занимают все поле печати. Центральный ангел размещен позади трапезы анфас. Изображение ангела, сидящего одесную от центрального, почти совершенно не оттиснулось, виден только фрагмент правой руки. Изображение ангела, сидящего ошую, размещено перед трапезой, голова его наклонена. Крылья ангелов развернуты, опущены. Крещатый нимб только у центрального ангела. Трапезный стол покрыт покрывалом, опускающимся со стола геометрическими складками. В центре трапезного стола размещена чаша на высоком поддоне. Боковые ангелы перстами правых рук указывают на чашу, центральный ангел благословляет чашу правой рукой. *Rv*: надпись в четыре строки [G]ЄМЄН[Ъ]//АРХ-П[Ъ]//Н[O]ВГОР[O]//[ДG]КЫ[И]. Д.:

26,5–29 мм. В.: 11 г. М. н.: Псков (?). Пр.: псковский антикварный рынок. Сохр.: булла оттиснута на заготовке фигурного сечения, сегмент слева от канала на аверсе и соответствующая часть реверса не оттиснулись; печать прошла антикварную чистку, покрыта черной наведенной патиной.

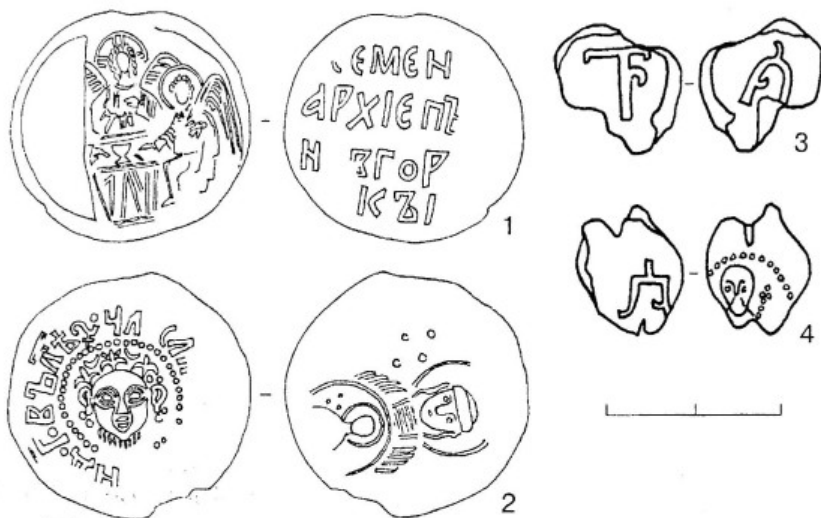


Рис. 8. Печати (1, 2) и пломбы (3, 4) из частных коллекций (Псков).  
Номера соответствуют порядковым номерам в тексте.

Булла оттиснута неизвестной парой матриц. Она принадлежит к разряду сфрагистических регалий псковских владычных наместников. Печати с именем новгородского архиепископа Симеона (1415–1421) до настоящего времени не были известны: древнейшей “именной” печатью в ряду псковских наместничьих регалий традиционно считалась печать с именем архиепископа Евфимия, атрибуированная архиепископу Евфимию II. Публикуемая булла позволяет относить переход от наместничьей печати с формулой “Печать архиепископа новгородского” к печати, включающей в формулу легенды не только титул, но и имя владыки, ко 2-й половине второго десятилетия XV в. Это прочно привязывает пере-

мены во взаимоотношениях Пскова с новгородским архиепископом к реформам государственного устройства Псковской республики 1415–1424 гг. (Белецкий 1994а: 24, 28–29, табл. 2). Именно с этого времени полномочия владычных наместников в Пскове стабилизируются и в дальнейшем сохраняются неизменными на протяжении всего XV и нач. XVI в. (Белецкий 1994а: 28).

**2. Сторона “а”:** аверс т. н. “печати псковской” 6933 г. от 1-й, наиболее распространенной пары матриц (Белецкий 1994б: 8–11, № П/VII.2.Аи/1, рис. 1: 2), находившейся в делопроизводстве в 1443–1468 гг. (Белецкий 1994а: 29, табл. 2). **Сторона “б”:** аверс т. н. “Троицкой печати” от позднейшей в этом разряде пары матриц (Белецкий 1994в: 11–12, № П/III.2.Д-А-В/13, рис. 3: 1), находившейся в делопроизводстве в 1468–1510 гг. (Белецкий 1994а: 29, табл. 2). *Д.:* 26–28 мм. *В.:* 17,3 г. *М. н.:* Псков (?). *Пр.:* псковский антикварный рынок. *Сохр.:* канала нет, периметр (гурт) заплавлен, но на изломе гурта хорошо читается шов, разделяющий “печать” на две соединенные между собой плоскостями (склеенные?) буллы; “печать” прошла антикварную чистку, покрыта черной наведенной патиной.

“Печать” состоит из двух подлинных псковских печатей XV в., склеенных (?) реверсами. Кроме облика “печати”, объединяющей два аверса от двух различных и находившихся в делопроизводстве в разное время булл, об этом же свидетельствует и совершенно невероятный для каждой из печатей в отдельности вес, представляющий собой удвоенный “нормальный” вес псковской печати XV в. Отсутствие канала для шнура не должно смущать — канал имелся у каждой из двух печатей в отдельности. Очевидно, что антикварная чистка и наведение патины произошло уже после соединения двух булл в одну “печать”, поскольку на изломе гурта наведенная патина отсутствует.

### Пломбы

**3. Ав:** двузубец прямоугольных очертаний с отогнутым наружу правым зубцом; завершение левого зубца не вошло в площадь заготовки (отогнута наружу ?); на левом зубце отрог внутрь; ножка прямая; ободок не прослежен. *Рв:* голова святого; над левым плечом — крест на длинной рукояти (Св. Андрей Первозванный ?); ободок точечный. *Д.:* 10–13 мм. *В.:* 1,12 г. *М. н.:* Псков,

левый берег р. Великой, напротив Мстиславской башни. *Пр.*: Кольцов, сер. 1980-х гг. *Сохр.*: сильно стерта.

Тип пломбы с изображением на аверсе княжеского знака, а на реверсе святого можно с большой степенью вероятности атрибутировать чиновникам княжеского аппарата в должности посадника (Белецкий 1992: 5–8). Ближайшими аналогиями знаку являются знаки на печатях из Новгорода (Янин 1970: № 285, 286) и Дубны (Белецкий, Крымов 1990: 233–246), а также на пломбах из Новгорода (Ершевский 1985: № 63, 67, 86), Ладоги (Белецкий, Петренко 1994: № 72). Кроме того, в Пскове зафиксированы 9 пломб оттиснутых одной парой матриц, три пломбы от другой пары матриц и еще одна пломба от третьей пары матриц, на аверсе у которых помещены изображения аналогичного двузубца, а на реверсе – изображения святых. Вероятность того, что пломбы являлись регалиями власти княжеских посадников, представлявших в Пскове владельца двузубца, весьма высока. По мнению А. А. Молчанова (1985), двузубец рассматриваемого типа принадлежал Святополку Мстиславичу, сыну Мстислава Великого, занимавшему в 1138–1140 гг., после смерти брата Всеволода, псковский стол, а в 1142–1148 гг. являвшегося новгородским князем. Рискну связать деятельность в Пскове посадников Святополка Мстиславича с новгородским периодом княжения Святополка.

4. *Сторона "а"*: двузубец колоколовидных очертаний; завершение правого зубца прямое; завершение левого зубца не сохранилось из-за утраты фрагмента поверхности буллы близ канала; на правом зубце отрог внутрь; ножка отогнута вправо. *Сторона "б"*: тамгообразный знак группы багровидных, мачта имеет Т-образное покрытие и отрог вправо на середине высоты мачты. *Д.*: 10–13 мм. *В.*: 1,91 г. *М. н.*: Псков, левый берег р. Великой, напротив устья р. Пскова. *Пр.*: Кольцов, сер. 1980-х гг. *Сохр.*: хорошая.

В Пскове была найдена еще одна пломба, оттиснутая этой же парой матриц. Завершение левого зубца у двузубца на стороне "а" на втором экземпляре также читается плохо, однако отгиба наружу, как будто бы нет. В таком случае аналогией знаку на стороне "а" является двузубец, помещенный на аверсе пломбы из Ладоги (Белецкий, Петренко 1994: № 71). Аналогии знаку на

стороне “б” известны на печатях (Янин 1970: № 306, 307), пломбах (Ершевский 1985: № 33, 49), рукояти ножа из Новгорода (Федоровский-5 раскоп, не издана). Полной аналогией пломбам из Пскова является новгородская пломба, опубликованная Н. П. Лихачевым (1930: 209, рис. 191). Оставляя открытым вопрос о персональной принадлежности каждого из двух знаков на публикуемой пломбе отмечу, что оба знака достаточно определенно соотносятся с деятельностью князей кон. XII – нач. XIII вв., принадлежащих к суздальской ветви Рюриковичей.

Пломбы с изображениями геральдических символов на обеих сторонах являются интереснейшей группой древнерусских сфрагистических регалий. Очевидно, что чиновник, обладавший правом пользоваться в своей правовой деятельности подобного рода регалиями, выступал представителем одновременно двух лиц, лично-родовые знаки которых были помещены на регалии. Данный сфрагистический разряд в XII–XIII вв. являлся одним из массовых. Вероятно, что пломбами данного разряда пользовались печатники при князьях-дуумвирах (Белецкий 1992: 5–8). Но независимо от того, кому из должностных лиц княжеского аппарата было усвоено право пользоваться такими пломбами, подчеркну: рассматриваемые сфрагистические регалии в правовом отношении преемственно связаны с более ранними подвесками, также несущими на разных сторонах различные геральдические символы.

- БЕЛЕЦКИЙ С. В. 1992. Данные сфрагистики о княжеском аппарате в домонгольской Руси // Образование древнерусского государства. Спорные проблемы. М. 1994а. Сфрагистика Пскова XIV–XV вв. (Материалы для истории властных структур в средневековом городе) // Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. СПб. 1994б. “Печати псковские” // Сфрагистика средневекового Пскова. В. 1. СПб. 1994в. Вечевые печати Пскова // Сфрагистика средневекового Пскова. В. 2. СПб.
- БЕЛЕЦКИЙ С. В., КРЫМОВ Е. Ю. 1990. Памятники актовой сфрагистики из древнерусской Дубны // СА, № 3.
- БЕЛЕЦКИЙ С. В., ПЕТРЕНКО В. П. 1994. Печати и пломбы из Старой Ладogi (свод) // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб.
- ЕРШЕВСКИЙ Б. Д. 1985. Дрогичинские пломбы. Классификация, типология, хронология (по материалам собрания Н. П. Лихачева) // ВИД, т. 17. Л.
- ЛИХАЧЕВ Н. П. 1930. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. В. 2. Л.
- МОЛЧАНОВ А. А. 1985. Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X–XIII вв. // ВИД, т. 16. Л.
- ЯНИН В. Л. 1970. Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. 1. М.

ДВЕ АКТОВЫЕ ПЕЧАТИ XV в. ИЗ ИЗБОРСКА

Сфрагистические памятники из Изборска – второго по величине города Псковской боярской республики XIV–XV вв., – многочисленны, поэтому каждая вновь найденная печать вызывает повышенный интерес. В частной коллекции в Санкт-Петербурге хранятся две актовые печати, связанные своим происхождением с Изборском: по сведениям владельца коллекции, обе печати найдены А. И. Макаровским в 1920–1930-х гг. в Талавской башне Изборской крепости при расчистке ее внутреннего пространства от мусора для показа туристам.

1. *Av*: бородатое мужское лицо в короне, окружено надписью, заключенной между двумя точечными ободками: **ВЪ ЛѢ СЦАГ САН ЗІ АН ЗІ ІНД Г**, т. е. – В лето 6933 солнца (круг) 17, луны (круг) 17, индикта 3. *Rv*: надпись в шесть строк **ПЕЧАТЬ ПСКОВСКАГА ТОГДА И ПЕРСИ СВЪРЪШШЬ КАМЕНЬ**, *D.*: 26 мм. *B.*: 7,7 г. *Сохр.*: трещина вдоль канала.

Печать принадлежит к т. н. “печатам псковским” 6933 г., зафиксированным оттисками двух чрезвычайно близких между собой пар матриц. Более ранняя пара матриц (1424–1443? гг.) представлена в известном сфрагистическом фонде всего двумя оттисками, от более поздней пары матриц (1443?–1468 гг.) на 1994 г. было известно более 90 оттисков (Белецкий С. 1994б: 8–12). Публикуемая булла оттиснута позднее, наиболее распространенной парой матриц. Вероятно, именно этот экземпляр печати, хранившийся перед войной у А. И. Макаровского, держал в руках Л. Ф. Зуров, сообщивший о печати в письмах к В. В. Косточкину (Янин 1960: 259, примеч.48) и В. В. Седову (копия письма в Печорском музее).

Принадлежность “печатей псковских” долгое время являлась предметом дискуссии: их связывали с деятельностью княжого суда Пскова, суда посадников, боярского совета, деятельностью смесного суда князя и посадника в Пскове, с “посадничьей юрисдикцией” (? – *Авт.*), с “Псковским государством” (?? – *Авт.*). В настоящее время можно с большой степенью вероятности соотно-

сечь “печати псковские” с псковской Господой – судебной коллегией под председательством князя, в юрисдикцию которой входили уголовные и большинство гражданских дел.



Рис. 9. Печати из Старого Изборска (коллекция А. И. Макаровского).  
Номера соответствуют порядковым номерам в тексте.

2. *Av*: восьмиконечный крест на ступенчатом подножии, по сторонам надпись **ІГ – ХЪ** (**ХЪ** вырезано на матрице без учета на оттиск) и **НН – КА**. *Rv*: надпись в четыре строки **П[Є]ЧАТЬ СТГ[О] НИ[КО]Л[Ѣ]**. *Д.*: 22-24 мм. *В.*: 5,78 г. *Сохр.*: заготовка меньше матриц, поэтому края букв остались за пределами оттиска; сегменты поля буллы между каналом и валикообразным выступом по периметру заготовки не оттиснулись.

Печать чрезвычайно близка известной уже в 3 экз. “Печати Святого Николы” (ЛСА, табл. XLIII, 10; Янин 1960: 259, № 71;

Белецкий В., Белецкий С. 1995а: 188, № 574; Белецкий С., Кильдюшевский, Плоткин 1994: 43–47), однако оттиснута иной парой матриц. По мнению большинства исследователей, “Печать Святого Николы” была печатью псковского пригорода Изборска.

Матрицы ранее известной “Печати Святого Николы” датировались XIV в. Публикуемая булла может быть отнесена к XV в.: об этом свидетельствуют технические данные – единственный известный пока экземпляр оттиснут на заготовке фигурного сечения, ранее XV в. в Пскове не употреблявшейся. Таким образом, публикуемая печать подтверждает сделанный ранее вывод о том, что Изборск располагал значительной юридической самостоятельностью не только в XIV в., но и позднее – вплоть до реформы пригородского управления 1467–1468 гг. (Белецкий 1994а: 32).

Возможно не случайным является то, что обе публикуемые печати были найдены одновременно в одном и том же месте и при одних и тех же обстоятельствах. Не исключено, что эти печати скрепляли один и тот же документ подобно тому, как это реконструировано для документов, составлявших комплекс так называемого “архива”, обнаруженного в 1960–1962 гг. при раскопках в Довмонтовом городе Пскова (Белецкий В., Белецкий С. 1995б: 93–96). Если так, то публикуемая находка является иллюстрацией к статье 107 Псковской Судной грамоты (разделение на статьи по Ю. Г. Алексееву), конституировавшей смешанное судопроизводство княжого и судийного суда.

БЕЛЕЦКИЙ С. В. 1994а. Сфрагистика Пскова XIV-XV вв. (Материалы для истории властных структур в средневековом городе) // Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. СПб., с. 3–37.

1994б. “Печати псковские” // Сфрагистика средневекового Пскова. В. 1. СПб., с. 5–74

БЕЛЕЦКИЙ В. Д., БЕЛЕЦКИЙ С. В. 1995а. Псковская сфрагистика [каталог, вступительная статья] // Древности северо-запада России. К 90-летию со дня рождения Г. П. Гроздилова. Каталог выставки. СПб., с. 162–190.

1995б. “Архив” из раскопок в Довмонтовом городе Пскова (состав, хронология, атрибуция) // Древности северо-запада России. Сборник материалов научн. конф., посв. 90-летию со дня рождения Г. П. Гроздилова. СПб., с. 93–96.

БЕЛЕЦКИЙ С. В., КИЛЬДЮШЕВСКИЙ В. И., ПЛОТКИН К. М. 1994. Пятилетние раскопки на Романовой горке в Пскове // Изучение древних культур и цивилизаций. Материалы к пленуму. СПб., с. 43–47.



**К. Карпелан, О. В. Овсянников**  
**(Хельсинки, Санкт-Петербург)**

## **РОССИЙСКО-ФИНЛЯНДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ РУССКОГО СЕВЕРА**

В 1993 г. ИИМК РАН (нач. Архангельской Арктической экспедиции О. В. Овсянников) и департамент археологии Университета г. Хельсинки (исследователь К. Карпелан) начали реализацию нескольких исследовательских проектов, связанных с археологией позднего железного века (средневековая и пост-средневековая археология) на территории Русского Севера.

Проект “Средневековая и постсредневековая культура саамов” состоял из двух частей: знакомство с археологическими памятниками Северной Финляндии в пределах саамской музейной зоны (Карпелан, Овсянников 1995) и работой над коллекциями раскопанного в бухте Дворовая (Мурманский берег Кольского п-ва) саамского поселения 1-й четв. XVIII в. (раскопки 1991–92 гг. О. В. Овсянникова). Коллекции, хранящиеся в фондах Архангельского областного краеведческого музея, после тщательного изучения были зафиксированы в компьютерном каталоге, что позволит перевести его в систему Archaeological Data Bank. Авторы пришли к выводу, что характер поселения и материалы, обнаруженные во время раскопок, четко отражают две культурные традиции: саамскую, связанную прежде всего с характерными особенностями жилища (углубленный характер, использование каменных плит и валунов в конструкции основания стен и очагов) и русскую традицию, которая представлена продукцией северопоморских городских ремесленных центров (в первую очередь, Архангельск, Холмогоры) и европейским экспортом (фаянсовые курительные трубки). Выявленные в архивах письменные документы нач. XVIII в. позволили установить характер взаимоотношений местного саамского населения и сезонных русских оброчных рыбопромышленников из Беломорских и Двинских волостей Архангельской губ. Удалось выявить и владельцев-лопарей рыболовецких судов. Для

публикации подготовлены тексты на русском и английском языках и иллюстрации.

2-й совместный проект – “Пустозерск – комплексный международный научно-исследовательский проект”. Пустозерск – первый русский заполярный город (и по существу первый городской центр в Мировой Арктике), возникший как укрепленное поселение с крепостью и посадской частью. Пустозерск несколько столетий играл роль основного (и единственного) в XV–XVIII вв. административного, военного и культурного центра на крайнем северо-востоке европейской части Московского государства, являясь до кон. XVI в. порубежной “государевой крепостью”. Как показали многолетние археологические работы на Пустозерском поселении – это сложный, многослойный памятник, имеющий целый ряд особенностей. Культурный слой памятника, достигающий 4 м, прекрасно сохраняет различные органические остатки (дерево, кожу, ткани, бересту). Однако почти вся толща культурного слоя представляет собой сплошную ледяную линзу, образовавшуюся за несколько столетий существования Пустозерска: в рыхлом культурном слое скапливалась и замерзала во время холодов влага, не успевшая оттаять за короткое лето. По мере роста культурного слоя увеличивалась толщина и ледяной линзы. Такой характер культурного слоя резко снизил возможности раскопок и требовал использования специальных методов исследования памятника.

Практика показала, что наиболее эффективны раскопки, начинающиеся от наиболее разрушенных восточного и южного берегов Городецкого оз., где относительно быстро происходит оттаивание мерзлого культурного слоя в короткий летний период. Кроме того, для проведения археологических раскопок были использованы участки культурного слоя, которые интенсивно разрушаются в период половодий.

Систематические раскопки в Пустозерске и на прилегающих к поселению памятниках VI–XIII вв. позволили поставить вопрос о комплексном междисциплинарном изучении древностей на территории Нижнего Подвинья. В 1995 г. при активном участии К. Карпелана был разработан предварительный план таких исследований, который был реализован в полевом сезоне 1996 г. (Дуркина, Карпелан, Овсянников 1996: 45–51). В реестр исследований

были включены работы на Пустозерском поселении и памятниках, предшествовавшим ему в регионе (Ортинское и Городецкое городища VI–XI вв., Городецкое святилище VI–XIII вв.), а также природные объекты (озера, болота, рощи) по следующим направлениям: 1) геологические, географические и ботанические исследования памятников и их ландшафтного окружения; 2) взятие проб для изучения растительности, остатков насекомых из культурного слоя памятников; 3) взятие проб для изучения споропыльцы и для других палеоэкологических технологий; 4) взятие проб из торфяников; 5) взятие образцов на дендроанализы; 6) бурение донных отложений; 7) взятие образцов на радиоуглерод.

Для реализации проекта 1996 г. был заключен Договор между группой ученых Хельсинкского университета: док. К. Карпелан (археолог), профессор М. Эронен (палеогеолог) и исследователь А. Кякканен (палеоэколог), Администрацией Ненецкого Автономного округа и ИИМК РАН о совместной работе в течении двух недель. Намеченная программа полностью выполнена и обработка взятых проб будет производиться в 1996–97 гг. в лабораториях Хельсинкского университета. Таким образом, возможно будет уточнить датировку исследуемых памятников и более определенно судить о климате и ландшафте, их окружавшем. Уже сейчас предварительно можно говорить о наличии в устье Печоры в VI–X вв. сосновых и березовых рощ и о более мягком климате.

Результаты проведенных совместных работ в 1996 г. позволила поставить вопрос о продолжении аналогичных исследований в 1997 г. На базе Архангельской Арктической экспедиции ведется обсуждение предварительного “Арктического проекта” сроком на 1 год. Весь проект “Археологический банк данных зоны тайги и тундры Европы”, рассчитан на 3 года. Основные исполнители: Академия наук Финляндии и ИИМК РАН.

КАРПЕЛАН К., ОВСЯННИКОВ О. В. 1995. О памятниках саамской культуры на Севере Европы // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. СПб.

ДУРКИНА Л. И., КАРПЕЛАН К., ОВСЯННИКОВ О. В. 1996. Пустозерск – комплексный международный научно-исследовательский проект // Вторые Аввакумовские чтения. Нарьян-Мар.

## ИССЛЕДОВАНИЯ ПО МОРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РОССИИ

В последнее время морская археологии, в ведение которой входит весь комплекс исторических знаний по судовому делу: судостроению, судоходству, навигационным и гидротехническим сооружениям, а также развитию приморских культурных ландшафтов, приобретает все большую популярность в европейских странах. Понятие “морская археологии” давно уже не тождественно понятию “подводная археология”, все еще широко распространенному в России.

Подъем затонувших судов и грузов с них производился в нашей стране издавна. Широкие масштабы такие работы приобрели в XVIII–XIX вв. Первые подводно-археологические исследования в России организуются в начале нашего столетия. Л. П. Колли в 1905 г. обследовал акваторию Феодосийского порта. В 1911 г. опубликованы первые результаты исследований объекта под водой на Северо-Западе – им стала ладья с каменными ядрами, затонувшая в Чудском оз. у истоков Наровы, изученная известным археологом В. Н. Глазовым. Однако, развитие этого направления в нашей археологии происходило неравномерно, испытывая подъемы и спады. Чаще всего интенсификация подводно-археологических исследований была связана с деятельностью отдельных энтузиастов: Р. А. Орбели, В. Д. Блаватского, К. К. Шилика.

В послереволюционный период к обследованиям подводных археологических объектов привлекается, экспедиция подводных работ особого назначения, созданная в 1923 г. Зарождение российской гидроархеологии как науки относится к 30-м гг., когда под руководством К. Э. Гриневича и Р. А. Орбели были проведены широкомасштабные поисковые подводно-археологические работы. По их результатам Р. А. Орбели впервые поставил вопрос о методическом и последовательном изучении подводных объектов, о раскопках в морях, подобно тому, как они производятся на суше, а также сформулировал основные задачи по формированию системы гидроархеологических учреждений. Предусматривалось формирование в стране целой сети научных организаций, занима-

ющихся этой тематикой. В основе ее – музей подводных изысканий всесоюзного масштаба и институт подводной археологии, перед которыми стояли следующие задачи: развитие теоретической работы в области гидроархеологии, сбор найденных в морях, реках и озерах вещей, научное руководство работами краеведческих музеев и ЭПРОНа, создание гидроархеологической карты страны. На опыте первых работ была осознана необходимость создания постоянно действующей, технически оснащенной подводно-археологической экспедиции. Однако, формирование центра морской археологии в Ленинграде было прервано войной.

Возрождение идеи морской археологии приходится уже на 2-ю пол. 50-х гг., когда в Москве под руководством В. Д. Блаватского была организована группа подводных археологов, составившая основу экспедиции Института археологии АН СССР. Экспедиция в течение ряда лет проводила подводно-археологические исследования крупнейших античных поселений на побережье Черного моря. Были изучены остатки кораблекрушения и проведены первые в России подводно-археологические раскопки с применением методики фиксации по квадратам с использованием пневмоэжектора, позволяющего производить послойное снятие грунта.

Широкое применение геофизических методов поиска в подводной археологии связано с деятельностью К. К. Шилика, с 1963 г. начавшего работы в этом направлении на Черном море. Были произведены геофизические обследования (звуковая геолокация) значительных участков прибрежных акваторий античных центров. В 1980-е гг. он руководил Боспорским подводно-археологическим отрядом ЛОИА АН СССР, производившим разведки и раскопки в Керченском проливе. В эти же годы Ленинград становится координирующим центром направления подводной археологии в нашей стране. Подводно-археологические исследования в СЗ России, представлявшиеся перспективными еще Р. А. Орбели, предлагавшему организовать обследования бассейнов Северо-Запада, длительное время отставали по своим масштабам от работ на юге. Первоначально они носили эпизодический характер, причем не всегда велись под руководством профессиональных археологов. В 60-е гг. генералом Г. Е. Караевым были проведены подводные исследования в Псковско-Чудском оз. в целях поиска места ледово-

го побоища 1242 г. В 1973–74 гг. М. М. Баринов предпринял попытку проведения подводных работ на Ильмене с целью поиска древнерусской ладьи.

Профессиональный интерес к подводным объектам Северо-Запада появляется позднее. В нач. 80-х гг. В. П. Петренко совместно с Нарвским музеем производит разведочные обследования в северной части Чудского оз., на р. Нарове и в Нарвском заливе. В результате работ были открыты затопленная неолитическая стоянка и остатки кораблекрушений. В кон. 80-х гг. К. К. Шилик провел подводно-археологические исследования у о. Котлин и в районе Березовых островов. В 1989–92 гг. подводно-археологические работы в р. Неве (Усть-Ижора) и в Ладожском оз. (о. Валаам), были проведены СЗФ НИИ культурного и природного наследия под руководством автора. В ходе работ было выявлено значительное количество подводных объектов и велась отработка методик подводно-археологического поиска с применением геофизических методов (гидролокация, электро- и магниторазведка), а также раскопок с использованием гидромонитора.

С 1983 г. начато подводно-археологическое обследование Выборгского залива под руководством В. А. Тюленева. До 1987 г. зона исследований ограничивалась собственно Выборгской акваторией, а позднее была расширена до пределов всего залива. Основной задачей этих работ были поиски следов Выборгского морского сражения 1790 г. Параллельно с Выборгской экспедицией ИИМК РАН и созданного в 1995 г. Морского историко-археологического центра, работы в акватории Выборгского залива велись и другими общественными и коммерческими организациями: “Память Балтики”, Фонд им. М. В. Ломоносова, клуб “Гангут”, Центр морских технологий. К работам привлекались специалисты и любители из других стран: Дании, Швеции, Италии. В результате этих работ, в акватории Выборгского залива было обнаружено и предварительно обследовано значительное количество затопленных судов. По инициативе ИИМК РАН было начато создание свода подводно-археологических объектов Восточной Балтики. “Памятью Балтики” совместно с Выборгским музеем была организована выставка по морской археологии. В морском историко-археологическом центре велась отработка методик подводно-

археологических раскопок и консервации находок. Однако, наряду с положительными результатами этих работ следует отметить, и значительный ущерб, нанесенный памятникам (затонувшим судам) в результате подъема находок, без какой либо методически обоснованной системы их предварительной фиксации, а также последующего их разрушения в условиях отсутствия надежной консервационной базы. Контроль за методикой проводимых подводных работ Полевым комитетом ИА РАН, без участия ИИМК РАН оказывается зачастую малоэффективным.

В настоящее время необходимо решение этих проблем на основе объединения усилий всех организаций, заинтересованных в деле изучения и сохранения подводных памятников истории и культуры. Основными задачами в этой области представляются: создание свода подводных памятников для постановки их на государственную охрану, работа по подготовке законодательной базы по охране подводных памятников, предотвращение их разграбления и гибели находок из-за непродуманного подъема, ужесточение требований к методике проведения подводных работ на объектах, соединение активности поисковых групп с профессионализмом ученых. ИИМК РАН и Научный совет по историко-археологическим исследованиям на территории Санкт-Петербурга, Ленинградской обл. и в акватории Финского залива в сложившихся условиях могли бы осуществлять научное и методическое руководство подводными работами и выступать в роли координаторов в решении назревших задач.

## **II. НОВЫЕ ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И РАЗРАБОТКИ ДРУГИХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИИ И СНГ.**

**К. М. Байпаков**

**(Алматы)**

### **АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ В 1996 Г.**

Основным исполнителем полевых археологических исследований на территории Казахстана в 1996 г. был Институт археологии Министерства науки – Академии наук Республики. Исследования вели археологические экспедиции и отряды Института.

Совместная казахско-российская археологическая экспедиция (Ж. К. Таймагамбетов и А. П. Деревянко) продолжала исследования на юге Казахстана в районе хр. Каратау. Раскопки велись на памятнике Кошкурбан на травертинах, окружающих жерло древнего источника. Выяснялась стратиграфия отложений, собирались данные на споропыльцевой и палеомагнитный анализы. Проводились работы на памятниках открытого типа – Кызылтау и Ак-коль. Плотность артефактов здесь – до 700 ед. на 1 м<sup>2</sup>.

Семиреченский археологический отряд (А. Н. Марьяшев) изучал памятники бронзового века в Илийской долине. Исследовались могильники в долине р. Коксу и вблизи Кульсайских озер. Получен материал для решения вопросов хронологии, периодизации и культурно-исторической принадлежности памятников.

Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция (Ж. К. Курманкулов) вела раскопки пос. Талдысай в Улутауском р-не Жезказганской обл. Вскрыто 3 жилища на площади 100 м<sup>2</sup>.

Продолжались многолетние работы Семиреченской археологической экспедиции (К. А. Акишев). Вскрыты 8 курганов Иссыкского могильника с подбойными захоронениями сако-усуньского времени. Продолжены работы на усуньском поселении Амирсай I, вблизи которого выявлены остатки древней ирригации.

Кокшетауская археологическая экспедиция (М. К. Хабдулина) вела раскопки поселения раннего железного века Кенатколь X и курганов этого же времени у сопки Кошкарбай. На поселении вскрыто 300 м<sup>2</sup>, мощность культурного слоя – 0,8 м. Это един-



ственное пока многослойное поселение раннего железного века в степной зоне Казахстана IX–VIII вв. до н. э.

Одним из важнейших направлений казахстанской археологии является изучение петроглифов. Казахско-французская экспедиция (З. С. Самашев, А.-П. Франкфор) занимается систематическими поисками и обследованиями наскальных рисунков Казахстана для подготовки многотомного Корпуса петроглифов Центральной Азии (ЮНЕСКО). Изучены святилища на г. Баян-Журек в Приджунгарье, а также в Центральном Казахстане, в местности Теректы Аулие. Здесь сосредоточено большое количество рисунков эпохи бронзы, организованных в многофигурные композиции по принципу кругового развертывания сюжетов. Присутствуют изображения коней, быков, хищников семейства кошачьих. Параллели этим изображениям известны на памятниках в Монголии и Сынцзяне, что позволяет ставить вопросы о миграциях этнических групп населения во II–I тыс. до н. э.

Семиреченским отрядом (А. Н. Марьяшев) изучались петроглифы хр. Ешкиольмес в долине р. Коксу.

Широкие работы были развернуты в Прикаспии Западно-Казахстанской археологической экспедицией (З. С. Самашев). Масштабные рекогносцировки выявили памятники самых разных хронологических эпох. Это мезолитические и неолитические стоянки на дюнах, разветвленные поселения и погребения эпохи бронзы в районе разъездов Бекбике и Каратон. Интерес представляют разветвленные погребения сарматов близ с. Сакамыс. Обнаружены орнаментированные сосуды, зеркала.

Ярким открытием сезона стало поселение эпохи бронзы Токсамбай на чинке плато Устюрт. Поселение круглое, с остатками вала (планировка его сопоставима с поселениями Синташта и Аркаим на Южном Урале), многослойное – ранние постройки появились на нем в III тыс. до н. э., а поздние относятся ко II – нач. I тыс. до н. э. Изучение поселения может дать ценные материалы о возможных путях миграции индоиранских племен.

Исследовались средневековые памятники городской культуры. На городище Сарайчик – важном политическом, экономическом и культурном центре огузов и золотоордынских кыпчаков – проведены масштабные раскопки дворцового комплекса XIII–XIV вв.

и некрополя. Рядом с Сарайчиком обнаружены поселения золотоордынского времени – Ушкаан и другие. Изучались также некрополи казахов с уникальными надмогильными памятниками – кылыптасами, койтасами.

Южно-Казахстанская комплексная арх. экспедиция (ЮККАЭ, К. М. Байпаков) работала в составе нескольких отрядов.

Казахско-американский (Т. З. Савельева, К. Чанг) продолжал изучение сако-усуньского пос. Тузусай и стоянок в уроч. Орман вблизи Талгара. Ранние даты, полученные на основе радиоуглеродных анализов для Тузусая, относят время возникновения этого стационарного поселения к IV в. до н. э. Анализ злаков из поселения показал, что культивирование некоторых из них было возможно только при искусственном орошении.

Продолжались раскопки средневекового города Тальхира – крупного центра на Великом шелковом пути. В раскопанных усадьбах собраны богатые коллекции изделий из железа, бронзовые светильники, китайский фарфор, буддийские поделки из кости индийского производства.

Интересные данные получены ЮККАЭ при раскопках павшего под строительство могильника ранних кочевников Беткайнар на перевале Курдай в 200 км западнее Алматы. В одном из курганов, в разграбленном катакомбном погребении найдена бактрийская керамика и серебряный перстень, щиток которого был обтянут золотой фольгой с изображением греко-бактрийского царя, возможно Евкратиды (рис. 10).

Продолжались раскопки средневековых городов на Шелковом пути – Жувантобе на Арыси, отождествленного с Арсубаникетом, Тортколя на Таласе, отождествленного с Нижним Барсханом. Получены новые данные о городской застройке, культуре и религии населения, международных торговых связях городов.

Казахско-французский отряд (К. М. Байпаков, А. Нортхедж) проводил исследование каменного архитектурного сооружения Ахыртас в 45 км восточнее г. Жамбыла. Это загадочное недостроенное сооружение трактовалось и как буддийский храм, и как караван-сарай, и как рабат. В ходе новых исследований удалось установить что одно из крупных помещений его предназначалось под мечеть, поиски аналогий плану постройки позволили сопоста-

вить Ахыртас с дворцами Самарры, Сирии и Иордании. Предполагается, что Ахыртас был задуман как дворец-резиденция карлуков и строился арабскими зодчими в сер. VIII в., скорее всего после совместной победы арабов и карлуков над китайской армией в битве на Таласе в 751 г.



Рис. 10. Щиток перстня с изображением Евкратида (?)

В 1998 г. намечен юбилей г. Туркестана, которому по археологическим данным насчитывается 1500 лет. Организованная в связи с этим Туркестанская археологическая экспедиция (Е. А. Смагулов) проводила исследования на городищах Яссы-Туркестан и Шойтобе, отождествляемом с г. Шавгаром. Полученные материалы подтверждают прежние датировки нижних слоев Туркестана, а также дают богатый материал, характеризующий этапы жизни одного из известнейших городов Востока.

Расширение масштабов полевых исследований по сравнению с двумя предшествующими полевыми сезонами привело к получению богатой информации по древней и средневековой истории и истории культуры Казахстана.

**НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ НА СТОЯНКЕ ЗАМОСТЬЕ-2  
(РАБОТЫ 1995–96 ГГ.)**

В 1995–96 гг. отрядом археологической экспедиции Сергиево-Посадского историко-художественного музея-заповедника при поддержке Института Открытое Общество были возобновлены раскопки многослойного поселения эпохи каменного века Замостье-2 (Сергиево-Посадский р-н Московской обл.). Памятник расположен в пойме р. Дубны в 100 м выше от впадения в нее р. Сулать. В настоящий момент стоянка прорезана измененным руслом Дубны, которая размывает культурные слои памятника. Впервые памятник был обследован в 1987 г. В. В. Сидоровым и с 1989 г. исследовался экспедицией Института Археологии РАН. В 1989–91 гг. двумя раскопами вдоль берега исследовано ок. 200 м<sup>2</sup>, при мощности отложений 3,5–4 м. Основной целью работ экспедиции Сергиево-Посадского музея в 1995 г. были раскопки участка берега (20 м<sup>2</sup>), оставшегося между раскопами 1989–91 гг.

Одной из основных задач работ 1995 г. было детальное изучение микроструктуры слоев и выявление дневной поверхности культурных горизонтов, которая была четко зафиксирована для верхневолжского и верхнего финально мезолитического слоев. Помимо этого, с целью детального изучения состава слоя, для непотревоженных горизонтов применялась промывка с последующим разделением на фракции.

Первое место в промывке занимают мелкие костные остатки крупных животных, земноводных и рыб. Особый интерес вызывают многочисленные находки позвонков рыб, анализ которых позволяет говорить о сезоне обитания на поселения. По материалам стоянки Замостье-2 этим анализом занимаются проф. Л. Шэ и Ж. Десс (Национальный музей естественной истории Швейцарии).

Вторая по многочисленности и значению фракция – это чешуя рыб. Следующая фракция – находки культурных остатков (мелкие отщепы и чешуйки кремня, осколки костяных орудий).

Отдельную фракцию составляют находки растительных остатков – семян растений и макрофоссилий. В особую группу выде-

лены находки древних раковин, анализ которых позволяет детально говорить о температурном режиме данного водоема. Особое место занимает фракция с микроостатками угля. Новый метод исследования этих остатков – “антракоанализ”, разрабатываемый д-р К. Хейнц (Университет Лангедака, Франция), позволяет детально реконструировать природную обстановку конкретного района. Таким образом, можно скоординировать данные палинологического, карпоботанического, диатомового и антракологического анализов и получить объективную картину среды и обитания стоянки в период позднего мезолита – раннего неолита.

В ходе раскопок памятника прослежена следующая стратиграфия: 1) верхний слой содержащий переотложенные материалы различных периодов; 2) глинистые озерные отложения (1–0,2 м); 3) слой оторфованного суглинка с материалами позднего этапа льяловской культуры, верхняя его часть переработана водными процессами. 4). Ниже, в прослойках торфа и песчаных горизонтов, залегают слои с материалами ранне-неолитической верхневожской культуры. Сам горизонт разделяется на два подгоризонта: верхний – с переотложенными материалами верхневожской культуры среднего и позднего этапов (15–20 см) и нижний – инситуальный горизонт с материалами раннего этапа верхневожской культуры (5–10 см). 5). Под слоем раннего неолита, отделенные стерильной прослойкой торфа, фиксируются 2 непотревоженных мезолитических слоя (мощн. 5–10 см). В 1996 г. в прослое торфа между верхневожским горизонтом и верхним мезолитическим была зафиксирована еще одна прослойка (2–3 см), содержащая немногочисленные культурные остатки без керамики.

По результатам палинологического и радиоуглеродного анализов нижние, непереотложенные слои памятника датируются мезолитом (7900–7300 л. н.), ранним (7200–6800 л. н.) и средним неолитом (6500–4700 л. н.).

Позднельяловский слой характеризуется исключительным обилием фрагментов редкочешуйчатой и позднельяловской керамики, при относительно малом количестве находок из камня и кости. Среди последних вызывает интерес находка маленького игловидного наконечника, насад которого обмотан берестой. Изделия из камня представлены в основном отщепами и небольшой серией не-

выразительных скребков различных форм. Найдены двусторонне ретушированные наконечники стрел.

В верхневолжском слое в большом количестве найдена керамика, орнаментированная главным образом наколами; около трети фрагментов украшены зубчатым штампом в отступающей манере; в меньшем количестве найдены фрагменты с длинным гребенчатым орнаментом; в единичных случаях встречается орнаментация из прочерченных линий. Изделия из камня представлены в основном отщепами, скребками из отщепов, наконечниками стрел из укороченных пластин с двусторонним краевым ретушированием и небольшой серией двусторонне обработанных рубящих орудий. Многочисленны и разнообразны изделия из кости и рога: наконечники стрел – игловидные и с утолщением у острия, зубчатые острия, проколки, ножи, топоры из рога и т. д.

Мезолитические комплексы стоянки Замостье-2 характеризуются в первую очередь яркой костяной и роговой индустрией, в которой ведущее место занимают разнообразные наконечники стрел и острог, ножи из ребер лося, проколки, орудия с углом заострения рабочего кончика  $45^\circ$ , топоры и тесла из рога. Кремневая индустрия менее выразительна и характеризуется доминированием отщепа как основного типа заготовки. Большинство орудий изготовлено из отщепов (скребки, комбинированные орудия, проколки и т. д.). Орудия из пластин представлены немногочисленными наконечниками стрел, скребками, вкладышами, пластинами с ретушью. Одной из ярких черт комплекса является серия шлифованных рубящих орудий и их заготовок. Второй чертой является почти полное отсутствие морфологически выраженных резцов. Однако, как показал трасологический анализ, их функцию выполняли разнообразные комбинированные орудия или орудия с оформленными ретушью режущими кромками.

В целом, в настоящий момент исследования стоянки переходят на качественно новый уровень, когда коллектив специалистов из разных стран позволяет комплексно и детально исследовать систему обитания и адаптации древнего человека.

## КУРГАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ КАК ОПОРА ХРОНОЛОГИИ СРЕДНЕБРОНЗОВОГО ВЕКА ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

Общий объем исследованных к настоящему времени памятников эпохи ранней и средней бронзы в степном и горно-степном поясе Евразии позволяет вести речь о подробной периодизации культур и культурных групп; о более точном сопряжении хронологических колонок сопредельных и отдаленных территорий. В то же время, здесь до сих пор не выявлено ничего подобного эталонным памятникам Ближнего Востока, либо Южной Европы того же времени, содержащих до 20–30 стратиграфических горизонтов III–II тыс. до н. э. Мы вынуждены строить хронологические схемы на базе материалов погребальных памятников, а судя по материалам полевых отчетов и публикаций, в среднем в кургане эпохи бронзы выявляется от 1,5 до 2 горизонтов, причем в подавляющем большинстве случаев выявляются основное погребение и погребения впускные. Относительная хронология впускных погребений наиболее надежно устанавливается в случае прямого перекрывания. Чаще всего могильная яма выявляется уже в материке, что не позволяет надежно связать могилу и выкид, выявленный в бровке, оставленной после снятия насыпи бульдозером. Нами была поставлена задача поиска наиболее информативных с точки зрения стратиграфии погребальных памятников евразийских степей эпохи средней и ранней бронзы и создания наиболее точной и подробной стратиграфической колонки для территории расположения этих памятников. Искомые объекты должны были отвечать следующим критериям: максимальная многоэтапность сооружения, наилучшие почвенные условия, использование, наряду с земляными, каменных конструкций, облегчающих стратиграфические наблюдения, максимальная насыщенность вещевым материалом, типичным для гораздо более широкой территории степного пояса.

Из всех погребальных памятников евразийских степей указанным критериям, как оказалось, отвечают только лишь курганы эпохи бронзы Центрального Предкавказья (исследование типологии и относительной хронологии этих памятников – более 500 погребений

– на основании данных полевых отчетов было предпринято автором в 1982–85 гг.; Ковалев 1989) Здесь, в предгорьях Кавказа, сооружались курганы с многочисленными каменными конструкциями (кромлехами, каменными обкладками насыпей, каменными ящиками и т. д.). Почвы здесь гораздо менее мощные, чем черноземы степной зоны, достигающие толщины в несколько метров. Благодаря этому почвообразовательные процессы в насыпи протекают неизмеримо медленнее и практически возможно проследить все особенности слоев, слагающих курганную насыпь. Инвентарь погребений эпохи средней бронзы Предкавказья гораздо богаче, чем инвентарь захоронений того же времени более северных территорий. В то же время бронзовые изделия и керамика находят себе прямые аналогии в памятниках обширных территорий Северного Причерноморья и Северного Кавказа, что объясняется, с одной стороны, общностью исторических процессов, а с другой – тем, что именно в Предкавказье находился наиболее мощный центр металлургии степной зоны Восточной Европы того времени (Черных 1966: 112).

Наконец, исследованные на территории Кавказских Минеральных Вод курганы эпохи средней бронзы содержали в среднем около 10–15 захоронений каждый. В некоторых курганах было более 20 могил. Несколько меньшая насыщенность была зафиксирована в аналогичных памятниках Верхнего Прикубанья. Здесь можно говорить в среднем о четырех – пяти могилах на курган. Вышеназванным условиям отвечают также курганы горностепной части Северной Осетии и Кабардино-Балкарии (см. напр.: Самоквасов 1881; Tallgren 1931; Деген-Ковалевский 1941; Марковин 1960, 1971; Сафронов 1974; Нечитайло 1978; Археологические исследования 1984; Кореневский 1990).

Несмотря на то, что со времен Д. Я. Самоквасова курганы эпохи бронзы этого района неизменно привлекали внимание исследователей, средняя информативность полученных материалов в отношении стратиграфии даже несколько ниже, чем информативность степных памятников. Дело, как показывают данные полевых отчетов (Архив ИА РАН), в методике полевых исследований: памятники либо раскапывали непрофессионалы, либо профессионалы, но применявшие специфическую методику исследования (зачистки)



каменных конструкций, применяющуюся при раскопках курганов азиатских степей.

В 1993 и 1996 гг. экспедицией Санкт-Петербургского филиала Российского НИИ культурного и природного наследия и Кисловодского краеведческого музея проведены раскопки 3 средних по размеру (выс. ок. 2 м) курганов эпохи бронзы в р-не Кисловодска: кург. Занозина балка, кург. 1 III Нежинской курганной группы и кургана на ул. Черняховского. Для построения стратиграфической колонки памятники раскапывали на снос вручную таким образом, чтобы каждый выявленный комплекс можно было надежно связать со всеми остальными с помощью системы физических разрезов. Такая методика потребовала устройства значительного количества бровок (“радиальных” и “периметральных”) десятков дополнительных разрезов, тщательной зачистки (земляная насыпь снималась по всей площади кургана до первоначальной дневной поверхности, все камни сохранялись *in situ* до зачистки всей площади памятника) и выполнения общего плана и разрезов в масштабе 1:10.

В кург. Занозина балка был обнаружен развал майкопского сосуда на горизонте, с которым были связаны округлая каменно-земляная и 3 земляных насыпи серповидной формы, окруженные кромlexом из мощных блоков известняка и кольцом из известняковой щебенки. На следующем этапе в край сооружения была впущена “майкопская” могила, а затем были совершены, как минимум, 13 погребений эпохи ранней (?) и средней бронзы, с которыми связаны 8 насыпей и досыпок (в т. ч., 2 кольцевидные), еще 2 кромлеха, а также достройка майкопского каменного кольца. Указанные погребения постмайкопского времени распределяются по пяти стратиграфическим горизонтам.

Первоначальная насыпь кург. Нежинская III/1, располагавшегося в 200 м от курганов, исследованных С. Н. Корневским (1990: рис. 1, 2), была насыпана над погребением в узкой, удлиненных пропорций яме, ориентированной по оси ЗВ. Затем у западной полы этой насыпи было произведено еще одно захоронение в подобной яме, содержащее вытянутый на спине скелет взрослого человека головой на Ю. На следующем этапе в полу насыпи были впущены 2 могилы, содержащие курильницы на шаровидных ножках (Державин 1991: 35–37), за которым последовал каменный

ящик с архаичным инвентарем, традиционно относимым к средне-бронзовой эпохе (рис. 11: 24–36). Затем в центр первоначальной насыпи была впущена могила с курильницей на шаровидных ножках. На следующей стадии была устроена еще одна центральная могила (каменный ящик) с инвентарем, включающим типичный набор бронзовых “украшений” эпохи средней бронзы (рис. 11: 8–23). За ней была сооружена четвертая центральная могила – каменный ящик с сосудом, украшенным “елочным” орнаментом из ногтевых вдавлений. Следом за нею в южной поле кургана были устроены еще 5 погребений эпохи средней бронзы, распределяющихся по трем стратиграфическим горизонтам. Одно из погребений предпоследнего горизонта содержало богатый набор бронзовых украшений (рис. 11: 1–7). Со всеми описанными могилами были связаны не менее 6 земляных (2 – с каменными панцирями) насыпей и досыпок кольцевидной и серповидной формы.

Курган на ул. Черняховского в Кисловодске, несмотря на многочисленные разрушения и “раскопки” 50-х гг., позволил выявить не менее шести стратиграфических горизонтов ранней (?) и средней бронзы. Первоначальная каменно-земляная насыпь была сооружена над безинвентарным (?) погребением в каменном ящике на горизонте; затем у ее края, на горизонте, были устроены еще 2 аналогичных погребения, с которыми была связана мощная досыпка, окруженная крепидой из плит, установленных на ребро. После этого в восточную полу насыпи были впущены последовательно: яма с заплечиками, содержащая молоточковидную булавку; погребение в каменном ящике, в инвентарь которого входили две посоховидные булавки, пуансонные бляхи, бронзовые медальоны и т. п.; погребение в деревянной раме с набором бронзовых медальонов и синхронный последнему каменный ящик с бронзовой посоховидной булавкой и моделями двух двухколесных повозок. Затем в южную полу насыпи была впущена яма с заплечиками, с вытянутым погребением на спине, головой на В, с которым была связана кольцевидная досыпка и кромлех из каменных блоков. Следом были сооружены еще 2 кольцевые насыпи, окруженные кромлехами. С ними связываются 3 исследованных нами погребения финального периода средней бронзы (одно из которых содержало еще одну посоховидную булавку), а также 2 погребения, раскопанные в 1958 г.

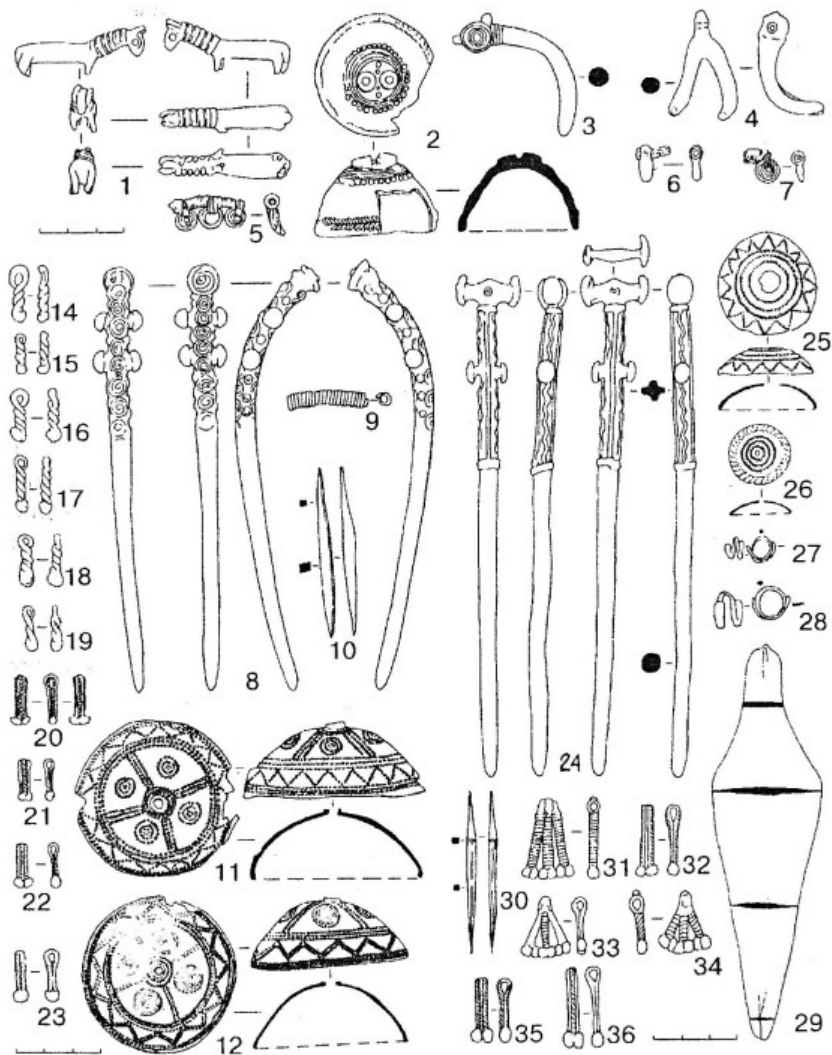


Рис. 11. Бронзовые предметы из кургана Нежинская III/1:  
 1-7 - могила 3; 8-23 - могила 8; 24-36 - могила 12.

Результаты полевых исследований 1993 и 1996 гг., раскрывшие выдающееся значение курганов Центрального Предкавказья для хронологии евразийских степных культур, заставляют обратить особое внимание на охрану этих памятников, вплоть до придания им федерального статуса, а также ставят на повестку дня скорейшее утверждение ОПИ ИА особой методики их раскопок.

- АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. 1984 // Археологические исследования на повостройках Кабардино-Балкарии. Т. 1, Нальчик.
- ДЕГЕН-КОВАЛЕВСКИЙ Б. Е. 1941. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика // Материалы и исследования по археологии СССР. № 3. М.
- ДЕРЖАВИН В. Л. 1991. Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. М.
- КОВАЛЕВ А. А. 1989. Типологическое исследование северокавказских погребений эпохи средней бронзы // Первые кубанские исторические чтения. Краснодар.
- КОРЕНЕВСКИЙ С. Н. 1990. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья (Нежинские курганы эпохи бронзы района Кавказских Минеральных Вод). М.
- МАРКОВИН В. И. 1960. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. М. 1971. Курганы Константиновского плато у города Пятигорска // КСИА. В. 127.
- НЕЧИТАЙЛО А. Л. 1978. Верхнее Прикубанье в эпоху бронзы. Киев.
- САМОКВАСОВ Д. Я. 1881. Могильные древности Пятигорского округа // Труды V археологического съезда. М.
- САФРОНОВ В. А. 1974. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. М.
- ЧЕРНЫХ Е. Н. 1966. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.
- TALLGREN A. M. 1931. Zu der Nordkaukasischen fruhe Brobzezeit // ESA. VI.

**И. В. Манзура, И. В. Палагута**  
(Кишинев, Москва)

### **ИССЛЕДОВАНИЕ ТРИПОЛЬСКИХ ПАМЯТНИКОВ В СРЕДНЕМ ПОДНЕСТРОВЬЕ**

В 1996 г. археологическая экспедиция Научно-исследовательского фонда "Рудь-Мэтоний", компании Stratum Enterprises, Inc. (Центр балканских исследований) и Институт археологии и древней истории АН Молдовы проводила обследование и раскопки трипольских поселений вблизи сел Рудь и Новая Татаровка Дондюшанского р-на Респ. Молдова. В результате обследования были выявлены поселения, охватывающие период от этапа Кукутень А – Триполье В1 до этапа Триполье С2. В расположении памятни-

ков прослеживается определенная взаимосвязь с ландшафтом. Так, поселения этапа Кукутень А – Триполье В1 находятся на краю или мысовидных участках возвышенных плато. Поселения этапов Кукутень АВ, В – Триполье В2, С1 занимают террасы, образованные руслом Днестра, а памятники этапа Триполье С2 (гординештский локальный вариант) открыты как на краях плато, так и на первой, самой нижней террасе Днестра.

Помимо поверхностного обследования памятников были проведены раскопки на пос. Новая Татаровка III этапа Кукутень А – Триполье В1. Поселение расположено на правом берегу Днестра, на возвышенном мысу, образованном глубокими оврагами. Площадь памятника – около 20 га. Раскоп (112 м<sup>2</sup>) был разбит на западной окраине поселения. Мощность культурного слоя, выявленного на глуб. ок. 0,4 м, – 0,1–0,15 м. Материалы распределялись на площади раскопа сравнительно равномерно, иногда образуя сплошные скопления, состоявшие из фрагментов керамики, кремневых, каменных и костяных изделий. Какие-либо значительные конструкции отсутствовали, за исключением глинобитной обожженной вымостки (1,5x1,2 м) и нескольких небольших ямок. В распределении последних отсутствовала какая-то система, характерная для остатков столбовых конструкций.

Среди кремневого инвентаря преобладают отходы в виде отщепов, сколов, нуклеусов и их обломков. Весьма велико число отбойников из кремня и плотного песчаника. Орудия представлены скребками, ретушерами, сверлами, развертками, ножевидными пластинами и наконечниками стрел и копий. Среди каменных орудий – 7 клиновидных тесел из сланца, зернотерки и растиральники из гранита и песчаника. Костяные орудия включают проколки, долота а также 3 роговые муфты для закрепления кремневых орудий. Предметы пластики представлены фрагментами 2 антропоморфных и 3 зооморфных статуэток, несколькими глиняными конусами и зооморфной “фишкой”. Остеологический материал (определения М. Павловой) включал остатки домашних животных: крупного и мелкого рогатого скота, свиней и собак; дикая фауна представлена остатками косули.

Основой датировки памятника служит керамика, которая включает усеченно-конические миски с отогнутым наружу венчи-

ком, крышки с дисковидным навершием, бомбовидные кубки, кувшины, горшки, грушевидные сосуды, “бинокли”, “котлы” и “пифосы”. Обжиг большинства сосудов окислительный, цвет черепков варьирует в пределах коричневого и красного тонов. Орнамент состоит из каннелюр и углубленных линий. Некоторые из них несут следы покраски охрой и заполнения углубленных линий белой краской. По совокупности признаков керамика поселения соответствует керамическому материалу памятников этапа Кукутень А – Триполье В1. Вместе с тем, практически полное отсутствие расписных сосудов сближает материалы пос. Новая Татаровка III с памятниками восточного Триполья. Наиболее близкие аналогии происходят с пос. Озаринцы, расположенного на левом берегу Днестра, в 40 км к С от исследованного памятника.

**Е. В. Цвек**  
(Киев)

### **НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МНОГОСЛОЙНОГО ПОСЕЛЕНИЯ ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ БЕРЕЗОВКА НА ЮЖНОМ БУГЕ**

В 2 км от СЗ окраины с. Березовка Гайворонского р-на, Кировоградской обл. на плато высокого левого берега р. Южный Буг расположено многослойное поселение трипольской культуры (открыто В. Н. Даниленко в 1955 г. В 1962–65 гг. поселение исследовалось экспедицией Одесского Гос. Университета под руководством В. П. Цыбескова. С 1989 г. охранные раскопки на памятнике проводит экспедиция Института археологии НАН Украины под руководством Е. В. Цвек.

Площадь поселения – ок. 10 га, планировка – круговая. Раскопками выявлены двух- и одноэтажные наземные глинобитные дома, углубленные жилища, хозяйственные ямы. Керамический комплекс представляют сосуды, украшенные углубленным орнаментом, рустом и росписью после обжига. Последние являются импортом с поселений кукутенской культуры. В орнаментальных композициях, преобладающей на поселении керамики с углубленным орнаментом, сочетаются каннелюры, зубчатый штамп и углубленные линии, последние часто инкрустировались белой пастой. Иногда углубленный орнамент дополнялся прокраской

после обжига красной и белой краской. На Березовском поселении собрана большая коллекция орудий труда и оружия из кремня, камня, рога, кости и металла. Изделия из меди представлены рыболовными крючками, проколками, проушным топором-молотом. Большой интерес представляют каменные боевые сверленные топоры, тесла, мотыги.<sup>1</sup> Особо следует выделить булавы и зооморфный скипетр в виде головы коня. Петрографический анализ показал, что каменные изделия выполнены из привозного (днестровского) и местного сырья.

Среди находок особую группу составляют материалы, отражающие мировоззрение жителей поселения. Это переносные алтари, пластика, модель печи, амулеты и сосуды со сложным космогоническим орнаментом. Наиболее распространен культ змея, имеющий истоки в раннем Триполье этого региона. Анализ композиционных схем орнамента, где использована идеограмма змея, позволяет выделить несколько его семантических определений. Сосуды, отражающие дуалистический образ богини плодородия, в среде населения Березовки имеют присущее только этому локальному варианту оформление – символ груди, окруженной изображением змея. На этих сосудах и крышках рядом со змеем часто располагалась идеограмма луны – знак Великой Богини Матери.

Изучение развернутого орнамента одного из грушевидных сосудов Березовского поселения позволило установить, что его композиция идеограмм передает солнечно-лунный цикл (рис. 12: 2, 3). От линии земли вздымаются вверх, как посредники между небом и землей, 4 змея, в утробе каждого из них изображена луна, которая также выходит из земли. Разные размеры ее знаков и определенное количество ямок возле каждого изображения позволяют предполагать, что здесь изображены фазы луны, смена которых лежит в основе исчисления месяцев. Смену времен года отражает четырехчастность средней части композиции. Ромб вокруг горловины сосуда ассоциируется с универсальным символом пространства, четырьмя сторонами света. Можно предположить, что на сосуде из Березовки изображена идея одного из ранних примитивных солнечно-лунных календарей, которые были распростра-

---

<sup>1</sup> Определение функционального назначения орудий проведено Г. Ф. Коробковой.

нены в усовершенствованном виде в Вавилоне, Китае, Индии и других странах Древнего мира. На крышках вышеупомянутых сосудов часто изображена пара змей, которые во встречном движении вращаются вокруг грибовидной ручки. Верхнее размещение идеограммы змея относительно орнаментальной композиции всего сосуда, окраска туловища змея в красный цвет дают основание считать, что перед нами небесный змей-дракон (рис. 12: 5, 6).

На Березовском поселении встречены антропоморфные сосуды, передающие женскую фигуру. В их декоре также отражен образ змея. Обвивая ноги и бедра женщины, змей тянется к ее лону. Близкая схема встречена на статуэтках этого памятника. В древнекитайской мифологии змей-дракон Лун – доброе существо, воплощение светлой небесной силы, связь земли и неба. Вероятно, близкий образ изображен на сосудах и терракотах пос. Березовки.

В древней мифологии выделяется еще один образ – самка змея. В связанных с нею верованиях, она воспринималась как покровительница жизни, носитель добра и хранительница всего наиболее ценного. В Березовке выявлена группа статуэток, на которых изображена идеограмма змеи, свернувшейся в клубок. Изучая трипольскую пластику, Б. А. Рыбаков подчеркивал охранную функцию образа змеи. Изображение свернувшейся змеи помещали и на переносных алтарях (рис. 12: 1, 2). По нашему мнению, идеограмма свернувшейся в клубок змеи выполняла роль оберега. Талисман с аналогичной символикой найден в культовом месте зернохранилища пос. Веселый Кут. Частое повторение изображений змеи в орнаментике позволяет предположить, что она могла быть тотемом пос. Березовки.

Еще об одной особенности культов жителей поселения свидетельствуют находки рогов животных. С кругом скотоводческих и охотничьих идеологических представлений связан божественный персонаж – прототип Артемиды. В хозяйстве населения, которое оставило признаки этого обряда, большую роль играла охота на тура, оленя, косулю, медведя, кабана, бобра (определения О. П. Журавлева).

Найденная на Березовском поселении модель печи с культовыми признаками показывает, что население практиковало и определенные ритуалы, связанные с печами.



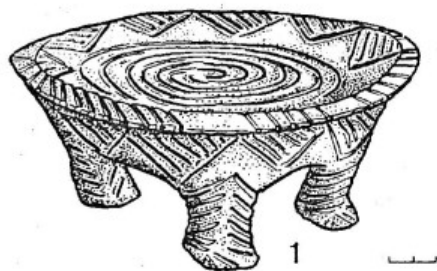


Рис. 12. Керамические изделия из Березовки.

Связи населения Березовки с культурами Кукутени, Гумельница и племенами степи засвидетельствованы импортами из этих областей.

Раскопки подтвердили многослойность памятника. Все слои относятся к этапу В1, по периодизации Т. С. Пассек. Основным этапам Березовского поселения на Западе соответствует поселенке Извоар II (периоды Ia, Ib, II). Последние периоды существования соответствуют этапам А3 и начала А4 кукутенской культуры по периодизации Вл. Думитреску. Предварительная абсолютная дата памятника по традиционной хронологии – 3600–3500 до н. э.

**К. В. Чугунов**  
(Санкт-Петербург)

### **Находка кинжала раннескифской эпохи из Юго-Западной Тувы**

Находка, которой посвящена публикация, сделана в 1972 г. при работах Тувинской геолого-разведочной экспедиции в Монгун-Тайгинском р-не Тувы. На правом берегу верхнего течения р. Моген-Бурен одним из сотрудников был поднят бронзовый кинжал с зооморфным навершием рукояти. В 1996 г. автору представилась возможность зарисовать и сфотографировать этот предмет, хранящийся сейчас в частной коллекции в г. Кызыле.

Кинжал (рис. 13; общая дл. 29,4 см) имеет листовидное лезвие с плавной нервюрой по центральной оси, расширяющейся от гарды к средней части клинка и сужающейся, постепенно исчезая, к окончанию острия. Длина клинка от изгиба гарды – 19 см. Перекрестие выполнено в виде выпуклого валика, изогнутого под тупым углом в средней части. Спускающийся к лезвию валик заканчивается овальными выступами-утолщениями, смещенными от валика к рукояти и образующими упор. С внешних сторон края выступов уплощены. Рукоять, имеющая навершие и рельефно-прорезную часть, около гарды ровная и прямоугольная в сечении. Под навершием рукоять имеет 3 продольных желобка дл. 6 см, средний из которых – сквозной. На стенках крайних желобков – выпуклый орнамент в виде ряда треугольников, не везде четко проработанный при отливке. Края центрального выреза сохрани-

ли неровные литейные швы. Кроме того, с одной стороны на рукояти видна пересекающая ее слабовыпуклая полоса – необработанный литейный шов от вторичной заливки металла. Венчают рукоять 2 объемные скульптурки животных, стоящие на плоском брусковидном основании. Видимо, была задумана еще одна, от которой сохранился небольшой фрагмент ноги (?) со следами слома. Гладкий торцевой край основания в этом месте показывает, что, вероятно, она не была отлита полностью в результате литейного брака и бракованную деталь обломали позже. Животные изображены стоящими на четырех ногах в статичной позе, головы непропорционально большие, шеи почти отсутствуют. Морда переднего животного покато приострена к низу, левое ухо недоотлито, правое – широкое, пламевидно изогнутое, с острым концом. Его хвост, направленный вверх, только намечен и прямо над ним нависает тупая, прямоугольных очертаний, морда заднего зверя. Уши последнего длинные, прямые, слегка наклоненные вперед. Хвост, имеющий единый контур с задними ногами животного и основанием навершия, гораздо длиннее, чем у передней фигурки, но тоже короткий, чуть наклоненный вперед. Правая сторона скульптурной группы проработана четче и у животных видны круглые глаза, а у второго – рот в виде горизонтальной черты и ноздря. Определить, каких именно животных хотел изобразить древний мастер, довольно сложно. Больше всего фигурки напоминают самок диких копытных (олений или косуль). В пользу этой версии говорит проработанное копыто на правой задней ноге передней скульптуры. Возможно, здесь представлены разные звери. На это указывает различная моделировка ушей у первой и второй фигурок.

Анализ находки показывает, что характеристика различных частей кинжала восходит к традициям эпохи поздней бронзы и, в то же время, включает в себя начала традиций раннескифского времени. Переходный тип вещи прежде всего виден при рассмотрении рукояти с зооморфным навершием и формы гарды. Навершие несомненно выполнено в стиле, традиционном для сейминско-турбинских бронз. Статичные, выстроенные в ряд друг за другом, фигурки животных известны на ножах из Сеймы и Турбино II. Скульптурные группы в том и в другом случаях установлены на плоское основание, венчающее рабочую часть рукояти. Совпадает

и прием совмещения задних ног или хвоста последней фигуры с краем основания. Возможно, что утраченная передняя скульптура навершия кинжала должна была стоять так же, как и фигурка барана на ноже из Турбино II. С этим ножом кинжал сближается и по использованию треугольников в орнаменте рукояти. Изображение глаз, рта и ноздрей также характерно для сейминско-турбинской мелкой пластики. Оформление рукояти тувинского кинжала тремя продольными желобками не имеет точных аналогий. Наиболее похожа рукоять одного из кинжалов Второго Каракольского клада (Винник, Кузьмина 1981: 49). Сближают изделия и зооморфное навершие и нервюра на клинке. Отличие – в том, что у кинжала из Киргизии 3 широких желобка проходят по всей длине рукояти и отсутствует центральная прорезь. Гарда кинжала на первый взгляд больше всего напоминает редкую раннескифскую форму перекрестия, известную по материалам кург. Аржан (Грязнов 1980: рис. 11 – 2, 3) и раскопкам С. А. Теплоухова у Подгорного озера (Завитухина 1983: 42, кат. 51). Однако, у оружия скифского времени гарда более объемна, “усики” с шариками на концах выступают гораздо дальше, что объясняется, вероятно, дальнейшим совершенствованием вооружения. У этих экземпляров перекрестие могло служить не только упором, но и защитой руки при отражении удара. В то же время, рассматриваемый кинжал уже имеет на перекрестии схему, характерную для оружия ранних кочевников – изогнутые под углом, опускающиеся к лезвию валики и выступы в виде уплощенных с внешней стороны шариков. Следовательно, можно предполагать, что кинжал изготовлен в период становления традиции. Это определяет его дату, которая, учитывая быструю эволюцию предметов вооружения, не может далеко отстоять от даты кургана Аржан. Наиболее вероятным представляется IX–VIII вв. до н. э.

В связи с изложенным уместно поставить вопрос о сейминско-турбинских традициях в формировании культуры скифского типа в Саяно-Алтайском регионе. Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых предположительно локализовали исходный центр металлообработки сейминско-турбинского типа на Рудном Алтае и в басс. Верхнего Иртыша (1989: 248). В скифскую эпоху именно это направление связей было господствующим для территории Тувы.

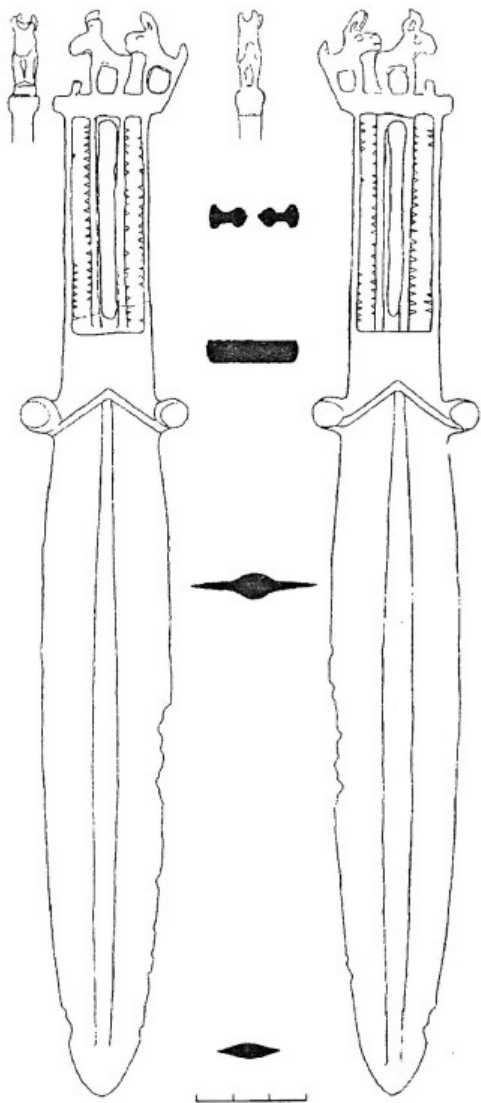


Рис. 13. Бронзовый кинжал из Юго-Западной Тувы.

В то же время, нельзя предполагать прямое заимствование традиции из этого центра, т. к. он в этот период, видимо, таковым не являлся. Утверждение исследователей, что уже в XV в до н. э. "сейминско-турбинский феномен практически перестает существовать" (там же: 261), дискуссионно и нуждается в дополнительной аргументации. Кинжал переходного типа из Тувы еще раз указывает на это. Между тем, второй традиционный компонент этого изделия, отраженный в форме его перекрестия, указывает иное направление связей и, возможно, определяет территорию, где происходил синтез традиций. Это регион северных провинций Китая, где уже в памятниках эпохи Шан известны кинжалы с гардой в виде свисающих усиков с шариками на концах. В комплексе из Чжукайгоу (Внутренняя Монголия) такой кинжал датируется сер. II тыс. до н. э. (по клейму "гэ" периода Эрлиган). Клинок его имеет плавную нервюру и подрезку под гардой, рукоять с утолщением по контуру закругляется сверху вокруг отверстия (Ковалев 1996: 123, рис. А-1; So, Bunker 1995: 37, fig. 11a). К сожалению, в публикациях нет сечения рукояти, но можно предположить, что оно двутавровое. В VIII-VII вв. до н. э. здесь распространены "скрипковидные" кинжалы, у которых также встречаются "усики"-упоры с шариками на концах (Комиссаров 1988: 15, 18, рис. 6,1-3). Впрочем, они уже синхронны раннескифским и интересны для нас тем, что имеют местное происхождение.

Возвращаясь к сейминско-турбинскому компоненту рассматриваемого изделия, отметим, что многие исследователи указывали на связь этого яркого феномена с китайскими бронзами. Л. С. Васильев связывает генезис китайской цивилизации с западными культурными импульсами (1976). Авторы монографии по сейминско-турбинской металлургии также склоняются к этой гипотезе (Черных, Кузьминых 1983: 258). В связи с этим, источник появления кинжала с таким сочетанием традиционных элементов предположительно можно локализовать в культурной среде северных провинций Китая. Возможно, именно там в эпоху поздней бронзы на основе ранних компонентов, включающих и сейминско-турбинский, происходили процессы образования некоторых элементов центральноазиатского комплекса эпохи ранних кочевников. Некоторые, характерные для раннего канона звериного стиля, сюжеты

могут также восходить к мелкой пластике II тыс. до н. э. В частности, это относится к изображениям животных в позе “внезапной остановки”, на что уже обращалось внимание (Самашев, Жумабекова 1993: 26). Отметим лишь отличие собственно сейминско-турбинского искусства от сюжетов более позднего времени, которое, видимо, заключается в том, что для первых объектом изображения были домашние или одомашниваемые животные, а для вторых – дикие звери, завоевавшие затем господствующее положение в зверином стиле ранних кочевников Евразии.

ВАСИЛЬЕВ Л. С. 1976. Проблемы генезиса китайской цивилизации. М.

ВИННИК Д. Ф., КУЗЬМИНА Е. Е. 1981. Второй Каракольский клад Киргизии. КСИА. В. 167.

ГРЯЗНОВ М. П. 1980. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л.

ЗАВИТУХИНА М. П. 1983. Древнее искусство на Енисее. Л.

КОВАЛЕВ А. А. 1996. Происхождение скифов согласно данным археологии // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–II тыс. до н. э. Тез. конф. СПб.

КОМИССАРОВ С. А. 1988. Комплекс вооружения древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. Новосибирск.

САМАШЕВ З. С., ЖУМАБЕКОВА Г. 1993. К вопросу о культурной атрибуции некоторых случайных находок из Казахстана. // Изв. НАН Республики Казахстан. СОН. № 5. Алматы.

ЧЕРНЫХ Е. Н., КУЗЬМИНЫХ С. В. 1989. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.

SO J. F., BUNKER E. C. 1995. Traders and Raiders on China's Northern Frontier. Seattle, London.

**А. А. Сазонов  
(Майкоп)**

### **К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ ПРОТОМЕОТСКИХ КОЛЕСНИЧНЫХ НАБОРОВ В ЭПОХУ КИММЕРО-СКИФСКИХ ПОХОДОВ**

Проведенное в последнее время изучение памятников древнемеотской культуры Закубанья (курганы Хаджох-I) дали новые свидетельства контактов протомеотов с кочевниками и позволяют скорректировать обстоятельства и хронологию участия местного населения в переднеазиатских киммеро-скифских походах.

Курганная группа Хаджох-I (2 насыпи – 5х34 м и 3,5х29 м; повреждены при лесоразработках) расположена на краю Унакоз, близ пос. Каменноостского в Адыгее. Раскопан был малый Хад-

жохский курган. При зачистке обнаружена грабительская яма, выходящая на место основного погребения, на дне которой найден типичный для протомеотских погребений голубой пастовый бисер. Основной комплекс представлял собой каменную прямоугольную оградку (8x5 м), ориентированную по оси СЗ-ЮВ и сложенную из обломков песчаника. В СЗ углу оградки находились 2 лепные корчаги и ковш (рис. 14: 1-3), близ которых найдены обрывки золотой фольги и фрагменты панцирных чешуек (рис. 14: 4). Вне оградки, также на уровне древнего горизонта, лежали скелеты 2-х коней, ориентированных на ЮВ, с оголовьями и деталями колесничной упряжи. Еще одно захоронение 4-х лошадей в колесничной упряжке было совершено на первичной насыпи, сооруженной над оградкой, и засыпано затем до полных размеров кургана. На скелетах положенных в ряд лошадей находились бронзовые и железные предметы узды, в т. ч. железные корродированные стремявидные удила с дырчатыми (?) псалиями (рис. 14: 5-12).

Сосуды, близкие найденным корчагам, относятся к раннемеотскому времени (VII-VI вв. до н. э.; Келермесский грунтовый могильник п. 26; Кочипэ-5, южный участок). Ковш по материалам из Пшиш-1 и Чишхо датируется кон. VIII - 1-й пол. VII в. до н. э. Панцирные чешуйки подобны найденным в комплексах того же времени - кург. Уашхиту, Кабан-гора и т. п. Обрывки золотой фольги не атрибутируются, но само их присутствие аналогично ситуации в комплексе к. Уашхиту. Сбруя двух коней объекта № 1 содержала двукольчатые удила (2 экз.), трехдырчатые лопастные псалии типа Уашхиту, 3 бляхи с солярными знаками, кольцо с Т-образной муфтовой застежкой. По А. И. Мелентьеву - В. Р. Эрлиху - это детали упряжи колесниц. В Восточной Европе и на Северном Кавказе известно более 20 находок такого рода, из которых не менее 15 относятся к Закубанью.

Второй колесничный набор (объект № 2) более разнообразен (рис. 14: 5-12). Особо выделяются важные для датировки S-видные трехпетельчатые псалии - прямой прототип железных псалий келермесского времени, а так же удила с маленькими стремявидными окончаниями в комплекте с псалиями жаботинского типа. Ближайшие, более сработанные удила происходят из известного колесничного комплекса п. 1 Чишхо. Для захоронений обеих



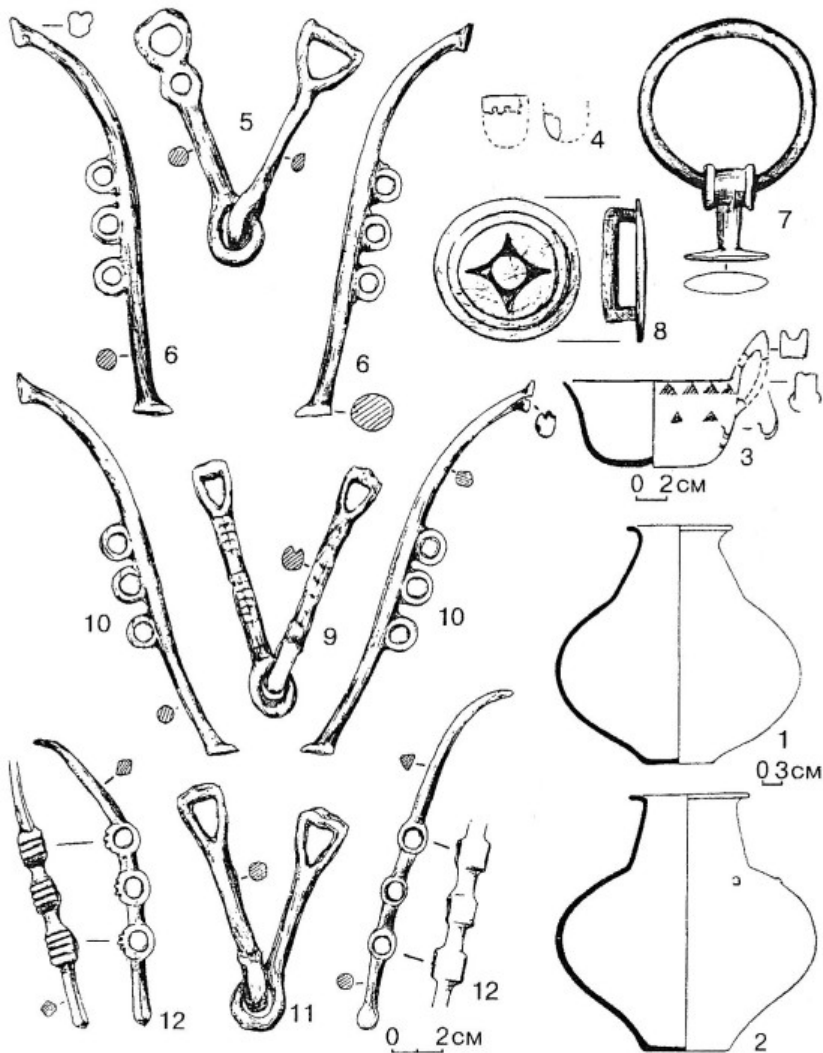


Рис. 14. Находки из курганной группы Хаджох в Адыгее:  
 1-3 - Хаджох 1; 4-12 - Хаджох 1/2; 13-17 - Хаджох 1/1; 18-19 - неустанов-  
 ленный разрушенный курган у Хаджох; 1-3 - керамика; 4-20 - бронза.

“упряжек” в Хаджох-1/2 характерны две особенности: 1) колесничные детали представлены неполно; 2) только у двух коней во второй “упряжке” узда была надета, — вся остальная упряжь лежала рядом, отдельно. Все это, учитывая и отсутствие следов самих повозок, свидетельствует о чисто символическом обряде. Нужно подчеркнуть, что и все другие курганные захоронения такого рода в Закубанье и, возможно, в лесостепи носят символические черты. Таковы, например, чучела коней в упряжках из грунтовых могильников Пшиш-1, Псекупс, Чишхо.

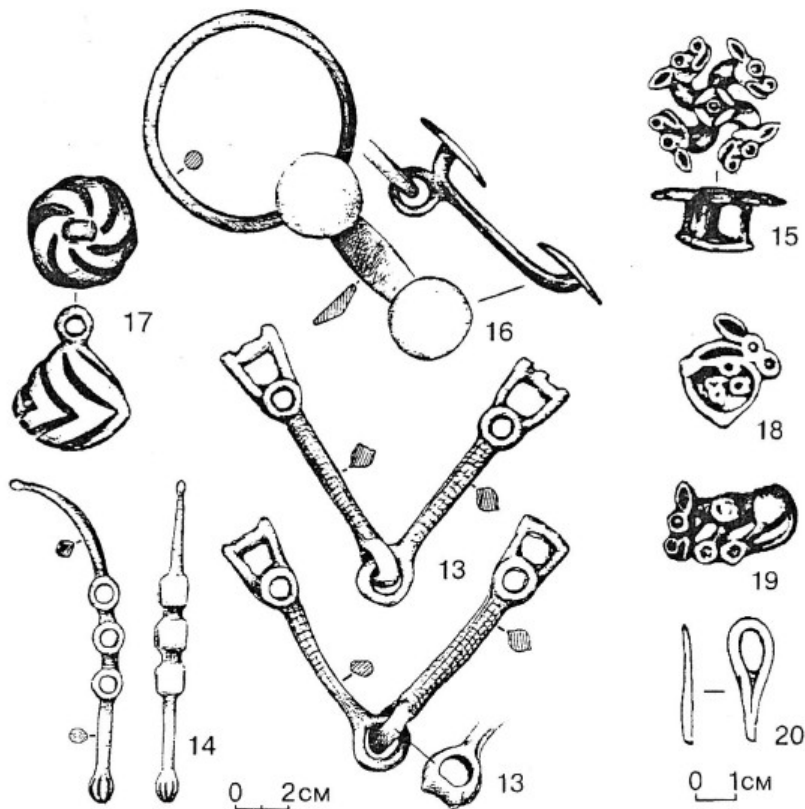


Рис. 14 (продолжение).

Курган Хаджох-1/1 не раскопан, однако, местным краеведом нам был передан комплект упряжи из него: удила сибирско-азиатского облика (4 экз.), псалии к ним типа Жаботин-524; 4 уздечные бляшки с солярно-зооморфным оформлением; 2 кольца с парными дисковидными застежками на муфтах и бронзовый уздечный бубенчик типа Квитки – Кочипэ-33 (рис. 14: 17). Обследование разрушенной насыпи кург. Хаджох-1/1 позволяет предполагать тождественность погребальных сооружений обоих курганов.

Таким образом, Хаджохские курганы датируются 1-й пол. VII в. до н. э., возможно, второй его четвертью. Детали обрядности (ориентировка, оградка, расположение инвентаря) дают основания отнести курганы к местной протомеотской культуре. По схеме В. Р. Эрлиха колесничные комплексы данной эпохи относятся к двум различным горизонтам: ранние походы (подразумеваемые киммерийские) кон. VIII в. до н. э. обозначены уздой новочеркасского типа в эпонимном варианте в сочетании с предметами передневоосточного или закавказского облика (Клин-Ярские шлемы, Носачевские пряжки). В этой группе: кург. Клады-46 и Носачевский, “Пишишский клад”, п. 1 Чишхо.

Вторую группу составляют предкелермесские комплексы 1-й пол. VII в. до н. э., в т. ч. кург. Уашхиту, Квитки, хут. Алексеевский. В соответствии с данной схемой кург. Хаджох-1 родственны комплексам второй группы, но очевидны и несоответствия, предполагающие пересмотр ряда комплексов “ранних походов”. Как отмечалось, стремявидные удила из п. 1 Чишхо аналогичны удилам из Хаджоха. Соответствуют друг другу и редкие Т-образные колесничные застежки из этих комплексов. Кроме того, бляхи из Чишхо близки бляхам из Носачево, желобчатые пряжки из которого, функционально соответствуя колесничным застежкам на пластинах типа Аксай-Пишиш (варианты застежек: дисковидные и желобчатые, между которыми Т-образные являлись переходными), в свою очередь, идентичны застежкам на удилах из кург. Квитки. В связи с этим, “отрыв” комплексов из Носачево и Чишхо от предкелермесского пласта кажется сомнительным. Не надежны и сопоставления носачевских пряжек с изображениями на ассирийских рельефах. Бытование уздечного комплекта новочеркасского типа не ограничивается кон. VIII в. до н. э., и само

отсутствие в комплексах с ним изделий раннескифской триады надежным удревняющим фактором служить не может. Отсюда следует, что колесничные комплекты кург. Клады-46 и “Пишского клада” датировать более узко, чем кон. VIII – сер. VII вв. до н. э., некорректно.

Комплексы этого типа с уздой в эпонимном новочеркасском варианте рассматриваются нами в одном контексте с первыми проявлениями в Предкавказье предметов раннескифского облика. Можно предполагать их связь с той частью местного населения, которая не имела прямого отношения к военным формированиям, участвовавшим в переднеазиатских походах, возглавляемых кочевнической элитой; в среде которых, вероятно, большей популярностью пользовались предметы раннескифской триады.

**А. О. Добролюбский, А. В. Красножон  
(Одесса)**

### **ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ГОРОД – ГАВАНЬ ИСТРИАН – НА МЕСТЕ ОДЕССЫ**

При историко-археологических работах в Одессе, проводимых в 1995 г. у Оперного театра, в слое кон. XVIII – 1-й пол. XX вв., на глуб. 2,5–7 м были найдены фрагменты античной чернолаковой посуды V–III вв. до н. э. Значительная концентрация находок античного времени в слое, многократно разрушаемом последующей строительной деятельностью, приводит к уверенному предположению: античный слой достаточно мощен и сохранен на других, менее потревоженных участках. Эти наблюдения в сочетании с уже имеющейся архивной и литературной информацией о находках античного времени на территории Одессы, позволяют утверждать что под центральной частью города, между Военной и Карантинной балками, местами сохраняется мощный (более 1 м) культурный слой античной эпохи. Он образован строительными остатками древнегреческого поселения 2-й пол. VI–IV вв. до н. э. и синхронного некрополя на его юго-западной окраине. Имеющиеся сведения говорят о насыщенности этого слоя предметами материальной культуры высочайшего качества. Так, в погребальном инвентаре могильника (в районс совр. Театрального пер.)

были найдены роскошные краснофигурные вазы. Площадь распространения античных напластований – ок. 40 га. Наличие богатого некрополя со степной стороны позволяет видеть здесь окраинную часть немалого портового города V–IV вв. до н. э.

Анализ палеогеографических материалов свидетельствует, что в сер. I тыс. до н. э. береговая линия в районе Одессы проходила несколько мористее (до 500 м) и, следовательно, территория древнего портового города была куда более значительной.

Предположение о том, что Одесса возведена на руинах достаточно крупного античного города, подтверждается повсеместным, обильным и разнообразным составом находок античного времени едва ли не при любых строительных и дночерпательных работах в Одесском порту. Подобный материал той же эпохи извлекается и из строительных котлованов в историческом центре города (другое дело, что такая информация зачастую оказывается неизвестной специалистам).

Проверка этого предположения была нами предпринята путем раскопок в районе Приморского бульвара, где удалось обнаружить непо потревоженный античный слой. Вскрыто несколько хозяйственных ям и землянок. Полученный материал – преимущественно фрагменты чернолаковой и краснофигурной посуды, амфорный бой – обилен и разнообразен. Найдена также керамика скифского и фракийского обликов и истрийские монеты V–IV вв. до н. э. Имеющиеся материалы позволяют уверенно судить о том, что город был основан не позднее второй половины VI в. до н. э., скорее всего, выходцами из Истрии.

Изложенная гипотеза не противоречит и свидетельствам древних авторов. Впрочем, таковые единичны и не могут толковаться однозначно. В единственном источнике, синхронном V в. до н. э. – книге Геродота “Мельпомена” – вообще не содержится никаких прямых сведений о греческих городах Северного Причерноморья. Лишь в разделах, повествующих о царе Скиле (4, 78–80) говорится о “городе борисфенитов..., кои называют себя милетянами”. Этот город принято отождествлять с Березанью (Борисфенида?) или с Ольвией. Но сама Ольвия нигде прямо не названа – упоминаются лишь “эллыны, живущие у реки Гипаниса и зовущие себя ольвиополитами” (4, 18).

В связи с находками монет Скила в Никонии считается установленным, что его царство располагалось на землях между устьями Тираса (Днестра) и Гипаниса (Ю. Буга). Эта территория была зоной взаимодействия двух этнокультурных массивов – гето-фракийского (“истриан”) и скифского (“исиаков”). Действительно, отцом Скила был скиф – Ариапиф. В связи с этим обращает на себя внимание замечание Геродота о матери Скила – она была не туземкой, но истрианкой и эллинкой, т. е., видимо, горожанкой. Это может служить косвенным указанием на существование эллинского города Истрии (Гавани Истриан) в пределах Скилова царства. Не исключено, что именно отсюда Скил бежал морем во Фракию после обвинения его скифскими соплеменниками в чрезмерном эллинофильстве. Другое сообщение – Флавия Ариана о “Гавани Истриан” и “Гавани Исиаков”, локализуемых на побережье Одесского залива, относится к 134 г. н. э., т. е. отстоит от времени царствования Скила почти на 600 лет.

По нумизматическим наблюдениям междуречье нынешних Днестра и Хаджибея в V–IV вв. до н. э. было зоной наибольшего распространения монет Истрии. Этот античный город известен южнее устьев Дуная–Истра. Другая Истрия (Гавань Истриан) – город-“близнец” – располагалась, видимо, на месте Одессы. Именно здесь и в Никонии находки истрийских монет явно преобладают. Существование двух Истрий – городов-“близнецов” – подтверждается повсеместными изображениями на аверсе истрийских серебряных монет того времени Близнецов-Диоскуров. Морской путь между Истриями проходил через остров Левке со святилищем Ахилла. И Ахилл, и Диоскуры совместно обеспечивали безопасность мореплавателей: “Ахилл только в том, говорят они, уступает Диоскурам, что последние воочию являются плавающим повсюду и, явившись, спасают их, а Ахилл является только приближающимся уже к острову” (Арриан, 34).

Преобладание истрийских монет здесь особенно резко нарастает к рубежу 340–330 гг. до н. э. После этого они внезапно исчезают из обращения. На это указывают одновременность сроков тезаврации кладов – Орловский, Дороцкий, Висунцовские – в регионе, гибель Никония и исчезновение истрийской монеты с территории Одессы после 330 г. до н. э.

Описанная ситуация может однозначно связываться с походом Зопириона (полководца Александра Македонского) в Северное Причерноморье в 331 г. до н. э. против скифов и его поражением под Ольвией. Очевидно, что Зопириону, как и самому Александру в Малой Азии, прежде, чем двигаться на Восток, необходимо было замирить греческие города на побережье. Видимо, это удалось с Тирой, с Истрией, с Херсонесом. Но не с Ольвией. Очевидная концентрация истрийских монет “автономного” периода в Никонии и Гавани Истриан, т. е. близ западных границ Ольвийского полиса, говорит о том, что именно эти города стали плацдармом для наступления македонян на Ольвию. Однако, после разгрома Зопириона и его гибели, Гавань Истриан и Никоний были разрушены победителями – ольвиополитами и скифами. Не исключено, что в нынешней Одесской бухте была база флота Зопириона. За победу над ним победителю-ольвиополиту (Каллинику?) была установлена конная статуя на священном острове Ахилла (Левке).

Впоследствии город возродился и был отмечен Аррианом как “Гавань Истриан”. Он существовал и позднее, что подтверждается находками римской и черняховской посуды III–IV вв. н. э. в раскопе у Оперного театра. Окончательно город гибнет в кон. IV в., очевидно, в связи с нашествием гуннов. Со временем большая часть его бывлой территории была поглощена морем.

Сказанное позволяет существенно пересмотреть многие аспекты источниковедческой и исторической ситуации в древнем Причерноморье для античной эпохи в целом.

**Н. П. Тельнов**  
**(Кишинев)**

### **О славянских жилищах второй половины I тыс. н. э. в Молдавии**

Жилища являются одной из наиболее значимых категорий археологических источников. Они имеют большую ценность для изучения этнических и социально-экономических вопросов, так как являются одним из основных элементов материальной культуры общества. При изучении жилищ можно извлечь многоплановую

информацию. Для нас особенно важным является выяснение их типологических особенностей, датировки и этнокультурной принадлежности.

В Днестровско-Прутском междуречье на славянских памятниках 2-й пол. I тыс. н. э. исследовано более 200 жилищ. Большинство из них охарактеризованы достаточно подробно, что позволяет на основе статистического анализа выяснить зависимости между отдельными элементами жилища и наиболее полно сопоставить их по единой системе. Для типологии жилищ выбрана характеристика котлована и печи. Котлован определяют форма, размеры, ориентация, глубина от современной поверхности, конструкция стен, устройство пола, размещение входа. При характеристике печи учитывается ее размещение в жилище, размеры, материал, из которого она сооружена, размеры пода и его конструкция, ориентировка устья печи.

В регионе достоверно известны только углубленные славянские жилища. Из 200 рассматриваемых жилищ – 126 квадратные. Они составляют большинство на многих поселениях. По площади среди жилищ преобладали полуземлянки 9–14 м<sup>2</sup> (49,5%), распространены также маленькие жилища до 9 м<sup>2</sup> включительно (26,5%) и большие 14–25 м<sup>2</sup> (24%). Четкой зависимости между временем существования жилища и его площадью нет. Во все периоды существовали различные по площади жилища, преобладали же почти на всех поселениях в разное время средние по площади жилища. Следует также отметить, что независимо от площади котлована жилища, оптимальной была глуб. 1,0–1,8 м. Лишь 12% жилищ имели глуб. до 1 м и только 9% – свыше 1,8 м. Большинство жилищ (113) были ориентированы по странам света углами, меньше (87) – стенами. Земляной пол в жилищах всегда устраивался горизонтально.

Большая часть жилищ имела столбовую конструкцию стен (127). В 73 полуземлянках столбовые ямки не выявлены, что, однако, не дает основания считать их срубными постройками. Как правило, синхронные жилища на поселении имели одинаковую конструкцию стен и ориентировку. Перекрытия в полуземлянках, видимо, были дерево-земляными, о чем свидетельствуют остатки сгоревших жилищ и расположение столбовых ямок в полу.



В рассматриваемом регионе на славянских памятниках распространен практически один тип отопительного устройства – печи-каменки. В основном они, в силу природных условий, сложены из известняка, реже – из песчаника. Печи сложены без связующего раствора, насухо. В основании часто установлены на ребро большие плоские камни, ограничивающие топку с боков и тыльной стороны. Перекрыты печи такими же крупными камнями сверху. Поверх этих камней были уложены более мелкие камни так, что конструкции придавалась кубовидная форма. Печи-каменки сооружались, как правило, прямо на полу котлована жилища. Всего 8 печей были сложены на незначительном (5–10 см) материковом останце. Преобладает размещение печей в северной части жилища, печей в южной части явно меньше. Следует заметить, что не на всех поселениях преобладало расположение печей в северной части жилища, что было, очевидно, в определенной степени связано с микрорельефом местности. Часто в синхронных жилищах печи расположены в одинаковых углах. Большинство печей было сориентировано устьем к Ю, В или ЮВ.

Рассматриваемые жилища можно разделить на 4 хронологические группы. В основу этого разделения в большей степени положена датировка вещевого материала из жилищ, в меньшей – их конструктивные особенности, выделение которых проблематично в силу большой однородности славянских жилищ VI–X вв. в регионе. Однотипность жилищ всех хронологических групп, на наш взгляд, как нельзя лучше показывает преемственность славянской культуры в регионе.

Нужно также отметить, что жилища VI–VII вв. и пеньковской, и пражско-корчакской культур не имеют отличий в конструкции. Почти ничем они не отличаются и от более поздних жилищ культуры типа Луки-Райковецкой. Этот тип жилищ, практически без каких-либо эволюционных изменений, фиксируемых археологически, доживает в северной и центральной части Молдавии до X в. включительно и продолжает существовать в древнерусской культуре. На юге же, в контактной зоне, на рубеже IX–X вв. происходят изменения в основном в типе отопительного устройства, что в значительной степени связано с развитием и влиянием балкано-дунайской культуры.

Анализ жилищного строительства у славян Днестровско-Прутского междуречья показывает, что тип жилища выдерживается от раннего к позднему времени, а отмеченные особенности не выходят за рамки восточнославянской домостроительной традиции.

**В. А. Хохлов**  
(Тирасполь)

### **НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ РАННИХ СЛАВЯН ДНЕСТРОВСКО-ПРУТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ**

Одним из регионов, где до последнего времени славянские древности VI–IX вв. изучены недостаточно, является Днестровско-Прутское междуречье – юго-западная окраина восточнославянского мира. Особенности географического положения Днестровско-Прутского междуречья, где с эпохи неолита отмечаются тесные этнокультурные контакты, сказывались на этнической и политической истории региона. Это позволяет рассматривать Днестровско-Прутские земли как “контактную зону”, находившуюся под воздействием культурных влияний Запада и Востока. Интерес к славянским древностям этой территории определяется и тем, что Поднестровье и Нижнее Подунавье упоминаются в “Повести временных лет” как территория расселения тиверцев и уличей – наименее изученных восточнославянских племенных объединений.

Исследования славянских древностей Днестровско-Прутского междуречья проводятся более 40 лет. За этот период археологических изысканий значительно расширилась источниковая база, которая позволила осветить основные этапы развития славянской культуры данного региона. В ходе планомерных исследований территории Поднестровья выявлено более 250 славянских памятников VI–IX вв., а на десятках из них проведены раскопки. Итоги изучения раннеславянских древностей VI–IX вв. Днестровско-Прутского междуречья подведены в обобщающих работах И. А. Рафаловича (1972) и Н. П. Тельнова (1990). Сводка археологических памятников славян на территории Днестровско-Прутского междуречья (Федоров, Чеботаренко 1974) включает памятники, выявленные и исследованные до 1974 г. К сожалению, эта работа не нашла продолжения.

Благодаря планомерным исследованиям территории определены основные хронологические рамки и ареал раннеславянской культуры, поставлен вопрос о времени первоначального проникновения славян в Днестровско-Прутское междуречье, установлен ряд этапов колонизации края в раннеславянское время. Появление славянской культуры в регионе отнесено к нач. VI в., а конец существования раннеславянской культуры датирован кон. IX в., что не противоречило данным письменных источников. Славянские древности Поднестровья были разделены на 2 хронологические группы: памятники VI–VII вв. и VIII–IX вв. Для каждой хронологической группы была разработана типология керамики. Допускалось, что каждая хронологическая группа поселений соответствует определенному этапу заселения славянами Днестровско-Прутских земель. Анализ керамического материала, домостроительства и ряда других элементов материальной культуры позволил отнести древности VI–VII вв. к пеньковскому типу славянской культуры и, соответственно, связать их с антами. Вместе с тем, исследователями был отмечен ряд особенностей пеньковской культуры Поднестровья, отличающих ее от классической Пеньковки, в частности, смешение типов керамики на поселениях. Среди посуды пеньковского облика в качестве примеси встречаются не характерные для нее типы сосудов, придающие своеобразие всему керамическому комплексу. К такого рода примесям относится керамика пражско-корчакского типа, гончарная посуда т. н. пастырского типа и лепные горшки типа Чурел. Смешение керамики на поселениях, по-видимому, было связано и с особенностями географического положения края и с конкретной этнокультурной ситуацией, сложившейся в регионе в VI–VII вв.

В кон. VII – нач. VIII вв. в Днестровско-Прутском междуречье исследователи отмечали новую волну славянских поселенцев, с которой связывали повсеместную смену раннесредневековой культуры данного региона. Для них характерна керамика типа Луки-Райковецкой, генетически восходящая к керамике пражско-корчакского типа. Начиная с VIII в. пеньковская керамика не встречается на славянских памятниках междуречья. Специалистами было высказано предположение о связи древностей типа Луки-Райковецкой в регионе с культурой тиверцев. Отмечалась так-

же, что в течение VIII–IX вв. в славянской керамике происходят важнейшие перемены, завершившиеся появлением древнерусской ремесленной посуды. Таким образом, культура типа Луки-Райковецкой в Днестровско-Прутском междуречье переросла в древнерусскую. В этническом же отношении древнерусская культура X–XI вв. в Поднестровье увязывалась с тиверцами. Заключительный этап развития восточнославянской культуры типа Луки-Райковецкой в междуречье Днестра и Прута имел некоторые особенности. Рассматриваемые древности в этом регионе явились подосновой не только древнерусской, но и т. н. балкано-дунайской культуры. В кон. IX – нач. X вв. однородная восточнославянская культура в северной части междуречья эволюционировала в городищенскую древнерусскую, а в южной части на ее основе складываются памятники “контактной” зоны между древнерусской и т. н. балкано-дунайской культурами.

Однако проблемы хронологии, периодизации, генезиса, роли и места в этнокультурном развитии региона славянских древностей требуют дальнейшей конкретизации и разработки. Таковы:

1) Вопрос о времени появления славян в Днестровско-Прутском междуречье, особенно его нижней части. Возможно, к какой-то группе венедов Певтингеровых таблиц относится открытая группа памятников типа Этулия (III–IV вв.) в Буджакской степи. Эта группа своеобразием материальной культуры выделяется среди других синхронных ей древностей этого региона, в том числе памятников черняховской культуры. Незаполненным остается V в. – стык между черняховской и раннеславянской культурой.

2) Необходимо определить характер славянских древностей VI–VII вв. в регионе. Выяснить принадлежат ли они одной пеньковской культуре или же нескольким синхронным раннесредневековым славянским культурам. Нужно еще раз вернуться к вопросу о путях заселения славянами Поднестровья и сопредельных областей и уточнить этапы заселения территории славянским этносом. Как считают некоторые исследователи, пока нет достаточных оснований говорить о новой волне славян в регионе на рубеже VII–VIII вв., принесших культуру типа Луки-Райковецкой.

3) В решении проблем, связанных с эволюцией славянской культуры на территории междуречья, пока полностью не выяснена

роль славянских древностей VI–VII вв. в складывании новой культуры VIII–X вв. Интерес представляет и решение проблемы о перерастании культуры типа Луки-Райковецкой в древнерусскую. Особый интерес имеет проблема взаимоотношений культуры типа Луки-Райковецкой с т. н. балкано-дунайской и разработка вопроса генезиса балкано-дунайской культуры. Назрела необходимость рассмотреть славянские древности VIII–X вв. Днестровско-Прутского региона на фоне всего ареала подобных памятников, попытаться выделить локальный или локальные варианты этой культуры. Это позволило бы приблизиться к решению некоторых этнических проблем, в частности, связанных с тиверцами.

Недостатком изучения материальной культуры славян Днестровско-Прутского междуречья является то, что значительные территории данного региона вообще не исследованы. Особенно эта касается Левобережья Днестра. Не выявлены в регионе и могильники VI–IX вв. Материалы большинства памятников, исследованных в 50–80-х гг., не опубликованы. В 90-е гг. работы по славянской проблематике в регионе практически не ведутся.

РАФАЛОВИЧ И. А. 1972. Славяне VI–IX вв. в Молдавии. Кишинев.

ТЕЛЬНОВ Н. П. 1990. Восточно-славянские древности Днестровско-Прутского междуречья VIII–X вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.

ФЕДОРОВ Г. Б., ЧЕБОТАРЕНКО Г. Ф. 1974. Памятники древних славян (VI–XIII вв.). Археологическая карта Молдавской ССР. В. 6. Кишинев.

**С. Л. Кузьмин**  
**(Санкт-Петербург)**

### **ГОРОДИЩЕ У ДЕРЕВНИ НАДБЕЛЬЕ НА ОРЕДЕЖЕ**

Городище у д. Надбелье известно с 1927 г., когда оно было обследовано П. Н. Шульцем и Г. П. Гроздиловым. В 1980 г. повторно обследовано Ю. М. Лесманом, а позднее осмотрено мной. Е. М. Колпаковым был снят инструментальный план и подготовлен охранный паспорт. С 1995 г. здесь ведет раскопки Северо-Западная экспедиция Санкт-Петербургского филиала РНИИ КПН.

Нижнее течение р. Оредеж представляет собой цепочку узких озер-разливов, соединенных протоками и заключенных в обрывистые берега-каньоны. Пространство между озерами вдоль про-

ток занимают пойменные луга, местами заболоченные и труднопроходимые. Коренной берег многократно прорезают небольшие речки и ручьи, текущие в оврагах и впадающие в Оредеж.

Местность в районе слияния рр. Оредеж, Тесовая и Рыденка является одним из уникальных пунктов концентрации сопок на Северо-Западе, вполне сопоставимым с Нижним Поволховьем или средним течением Ловати. На пространстве примерно 28x12 км известно 24 точки с группами сопок и одиночными насыпями. Городище у д. Надбелье находится в северо-западной части этого ареала. Однако ближайшие группы сопок отстоят от него на 1,5–2 км. Нет вблизи и древнерусских могильников. Это затрудняло культурно-хронологическую атрибуцию памятника. Его относили либо к раннему железному веку, либо к позднему средневековью.

Обращает на себя внимание положение городища и его фортификация. С точки зрения обороноспособности крайне удачно выбрано само место. Площадка поселения занимает отрог небольшого плато, ограниченного с севера обрывом коренного берега Оредежа, с запада и востока глубокими оврагами, в которых протекают рр. Белая и Моровенка. К югу Белая и Моровенка приближаются друг к другу, образуя узкое дефиле. Таким образом все пространство с напольной стороны легко простреливается из лука и организация планомерной осады крайне затруднена. Подчетыреугольная в плане площадка городища, достигающая 0,7 га, с западной напольной стороны защищена валом высотой 2,5–3 м. Вал с напольной стороны сохранил крутые склоны, но частично “растащен” пахотой по площадке. Несомненно, изначально он был выше. С остальных сторон зафиксированы эскарпы склонов. Въезд находился в СЗ углу. Северный край вала отступает примерно на 4 м от края эскарпированного коренного берега, его северная оконечность, в отличие от южной, резко обрывается. Возможно, это связано с наличием деревянной воротной конструкции (башни?). Вдоль северного края площадки городища прослежен двойной эскарп, постепенно сходящий на нет у ее СВ угла. Очевидно, перед нами остатки фортификационной конструкции, известной как “захаб”. В противоположном направлении от въезда зафиксированы следы древней дороги, прорытой в коренном берегу Оредежа и ведущей в пойму. Создатели крепости, не-

сомненно, обладали достаточно развитыми представлениями о фортификации, что как будто свидетельствовало в пользу средневекового происхождения памятника. Однако раскопки дали неожиданный результат. Исследовано более 500 м<sup>2</sup>, частично раскрыты внутривальные конструкции и зачищен эскарпированный склон. Выяснилось, что поселение изначально имело укрепленный характер (под валом находилась погребенная почва, следы древней распашки не обнаружены). Зафиксированы многоярусные деревянные решетчатые конструкции, составлявшие основу вала. После Детинца Новгорода и Городца под Лугой это третий случай такого приема возведения укреплений, отмеченный на СЗ Руси.

Мощность культурного слоя – 0,4–1,0 м. В восточной части раскопа современная распашка прорезала материк; в западной, прилегающей к валу части отчетливо прослеживалось 3 стратиграфических слоя: аморфный гумусированный слой разрушения вала, подстилающий его слой черного гумуса и залегающий на материке слой бурого гумуса. Выявлено не менее трех этапов застройки. Открыты наземное срубное жилище (ок. 10,2x6,5 м) с печью-каменкой в углу и большим подпольем сложной конфигурации в центральной части, а также загон для скота и производственная постройка, от которой сохранились под глинобитной печи и примыкающая к нему яма. Фрагменты раннекруговой керамики в материалах поселения единичны, комплекс лепной посуды находит свои ближайшие аналогии в т. н. керамике ладожского типа. Многочисленны и разнообразны индивидуальные находки. Комплекс украшений из цветных металлов (проволочные височные кольца – с простыми концами и с завитком наружу на одном конце, трапециевидные привески, цепочки, перстень, браслеты, “накосник”, спиральки и др.) идентичен находкам из сопки и связанных с ними поселений. Интересно сравнительно малое число и бедность ассортимента бус. Оружие представлено наконечниками стрел, дротика, втоком копья, щекавицей боевого топора. Найдено 9 целых и фрагментированных серебряных восточных монет (табл. 1). Все монеты относятся к первому периоду обращения дирхема по Р. Р. Фасмеру.

Хозяйственные занятия населения характеризуют находки оселков, скобеля, долот и пробойника, серпа, двух каменных жер-

новов, тиглей, льячки, глиняной формочки для отливки привески из оловянистого сплава, ножниц, кресала, пряслиц, ладейных заклепок и др. Поселение предварительно может быть датировано IX – нач. X вв. Следов военной катастрофы на поселении не обнаружено. Очевидно, оно было преднамеренно покинуто.

Материалы городища у д. Надбелье близки материалам комплекса памятников в уроч. Курская Гора в верховьях Луги, расположенного примерно в 25 км к ЮВ (раскопки О. В. Клубовой при участии автора и Е. Р. Михайловой). Оба памятника могут рассматриваться как опорные пункты первоначальной колонизации северо-западных районов Новгородской земли населением, культура которого составила подоснову древнерусской культуры региона. Топография поселений и характер вещевых находок заставляют предположить, что первоначально колонизация носила скорее военно-даннический характер, нежели земледельческий.

Таблица 1<sup>2</sup>

|    | Характеристика | Династия | Правитель      | Место чеканки    | Год чеканки (н. э.)     |
|----|----------------|----------|----------------|------------------|-------------------------|
| 1. | 1/2 дирх.      | Идрисиды | Идрис II       | Вазакур          | 825/6                   |
| 2. | 1/2 дирх.      | Аббасиды | Харун ар-Рашид | ал-Мухаммадия    | 800                     |
| 3. | 1/2 дирх.      | Аббасиды | ил Амин        | —                | 809–813                 |
| 4. | 1/2 дирх.      | Аббасиды | ?              | —                | кон. VIII – нач. IX вв. |
| 5. | дирхем         | Аббасиды | Харун ар-Рашид | Мадинат ас-Салам | 796/7                   |
| 6. | 1/4 драхмы     | Сасаниды | Хосров II?     | —                | 591–628                 |
| 7. | 1/2 дирх.      | Аббасиды | ал-Мамун       | ал-Мухаммадия    | 813–833                 |
| 8. | дирхем         | Аббасиды | ал-Мамун       | Самарканд        | 813/4                   |
| 9. | 1/2 дирх.      | Аббасиды | ал-Мамун       | —                | 820/1                   |

<sup>2</sup> Определение И. Г. Добровольского.



## НОВЫЙ МОГИЛЬНИК НА ЩЕКАВИЦЕ И ПРОБЛЕМЫ НЕКРОПОЛЯ ДРЕВНЕГО КИЕВА

В 1995–96 гг. Старокиевской экспедицией Института археологии НАН Украины проведены охранные раскопки грунтового древнерусского могильника на г. Щекавице в Киеве. О заселенности летописной Щекавицы свидетельствует культурный слой древнерусского времени, выявленный на значительной территории горы, а также частично исследованный каменный храм XII в. Впервые щекавицкий могильник был открыт разведкой 1992 г. (Боровский, Климовский) – было обнаружено 6 погребений древнерусского времени. В двух из них найдены шарикообразные пуговицы и серебряные височные кольца.

Могильник занимал небольшой останец в центральной части горы и раскопан полностью (более 1000 м<sup>2</sup>). На останце культурный слой отсутствует, т. е. на протяжении всего времени он использовался исключительно как кладбище. Однородность податерикового суглинка в большинстве случаев делала невозможной фиксацию погребальных ям, опущенных на глубину 0,8–1 м. На могильнике выявлено всего 111 погребений (в среднем – одно на 8 м<sup>2</sup>). В нескольких случаях прослеживается двухъярусность погребений. 12,6% погребенных имели инвентарь. Чаще всего встречаются шарикообразные пуговицы. Для датировки могильника важна монета-подвеска в погребении мужчины 22–25 л. Она является подражанием немецкому денарию XI в. Оттона и Адельгейда. Из других находок обращают на себя внимание серебряные височные кольца, стеклянная чаша, кольцо от сумки, нож и др.

Ориентация погребенных, как правило, западная, с незначительными отклонениями, что, видимо, объясняется временем года, когда совершался обряд погребения. Одиночные погребения составляют 80%, повторные погребения – 3,6%, групповые – 6,4%, разрушенные или находки отдельных черепов – 10%. Устройство погребальных сооружений на щекавицком могильнике, видимо, аналогично подольским. На последних, благодаря хорошей сохранности древесины, прослежены деревянные конструкции с ис-

пользованием гвоздей. В 36% общего количества погребений на горе Щекавице обнаружены гвозди от деревянных конструкций.

Впервые для киевских некрополей на щекавицком могильнике проведены антропологические определения (Дячнко). Из 75 определимых погребений: 64% – мужские, 26% – женские и 10% – детские. Распределение мужчин по возрасту: 50–60 л. – 25%; 30–50 л. – 40%; 20–30 л. – 25%; моложе 20 л. – 10%. Женщины: 30–50 л. – 48%; 20–30 л. – 50%; моложе 20 л. – 2%. Интересно, что ни одного женского погребения старше 50 л. не обнаружено.

В досыпке погребений и за их пределами найдено незначительное количество отдельных фрагментов керамики и 4 развала сосудов. Преобладает гончарная керамика XI в. Сосуды XII в., равно как и X в., встречаются крайне редко.

По совокупности данных щекавицкий могильник датируется концом X–XII вв. Он был общегражданским и служил местом погребения жителей этого района. Прекращение его функционирования следует связывать с ограниченностью площади останца.

В последние десятилетия отделом археологии Киева ИА НАН Украины проведены раскопки погребальных памятников в различных районах города и на его окраинах. Накоплен значительный материал, который позволяет по-новому рассмотреть некоторые проблемы древнерусских некрополей.

Погребальные памятники Верхнего города показывают динамику развития Киева, особенно с конца X в. Здесь известны грунтовые и курганные могильники. Последние не были препятствием для перепланировки города. Они сносились, а на их месте возводились храмы, дворцы, жилища.

Кроме Верхнего города, в состав древнего Киева входили его посады и околица, в каждом из которых были свои некрополи. На Копыревом конце в 1989 г. исследован грунтовый могильник XII в. Некрополь появился в этой части торгово-ремесленного посада после строительства здесь в XII в. храма. Изменение архитектурно-планировочной структуры города было характерно не только для Верхнего города, но и для его посадов. Во время исследования указанного могильника стратиграфически зафиксировано, что на месте существовавших в XI в. жилищ в XII в. появилось значительных размеров кладбище.

Для формирования Киева важное значение имела его околица. В каждом из ее районов находился обособленный некрополь. Наиболее значительным курганным могильником киевской околицы является китаевский. Он составляет единый комплекс с городищем и посадом. Это единственный сохранившийся памятник в черте Киева, насчитывающий ок. 400 курганных насыпей, объединенных в 3 группы. По характеру инвентаря китаевский могильник следует отнести к некрополям городского типа. Социальное расслоение среди групп установить сложно, но есть основание говорить о том, что первоначально 1-я группа курганных насыпей, расположенная в непосредственной близости от городища, служила местом погребения защитников китаевской крепости. Возникновение могильника следует датировать не ранее 2-й пол. X в., а прекращение его существования можно связывать с уничтожением китаевского городища и посада ордами Батыя.

Принятие христианства, возникновение монастырей вызвало к жизни новый для Киева тип некрополя в пещерных лабиринтах. Захоронения осуществлялись в Ближних и Дальних подземных галереях Печерского монастыря, в Зверинецких пещерах, а также в пещере близ Спасского собора на Берестове. В последние годы удалось провести исследования в Ближних пещерах, которые фактически стали эталоном изучения погребального обряда пещерных монастырей Киева.

Еще один тип погребальных памятников связан со столичным статусом Киева. Практически во всех крупных храмах XI–XII вв. и вокруг них хоронили князей, членов их семей и представителей высшего духовенства.

Стратиграфические наблюдения при исследовании погребальных комплексов Киева IX–XIII вв. указывают на изменение социально-топографической структуры города, которая согласовывалась с архитектурно-планировочными нуждами городской среды. Изменение старых обрядов погребения и появление совершенно новых типов некрополей было продиктовано не только социально-экономическими и идеологическими переменами, но и особым положением Киева – центра восточнославянского государства.

## К ВОПРОСУ О ТОПОГРАФИИ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОРОДА В МОЛДАВИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СТАРОГО ОРХЕЯ)

Социальный уклад феодальной эпохи отражался в облике и структуре средневекового города, его топографии посредством строений различного назначения: жилищ, хозяйственных, ремесленных и торговых сооружений. Решающую роль в определении облика города применительно к той цивилизации, которую он представлял, играло присутствие, характер и расположение на его территории монументальных сооружений. Это были общественные здания, отражающие социальный уклад эпохи, монументальные объемы которых определяли силуэт города.

Материалами для исследования топографии золотоордынского города на территории Молдавии послужили данные археологических исследований в Старом Орхее. Шехр ал-Джедид, возникший, как и все города Золотой Орды, по приказу ханов, в течение короткого промежутка времени, являлся продуктом новой цивилизации, генетически не связанный с поселениями предшествующего и последующего времени и выполнял несколько иные функции, из-за чего его топография имела иной облик.

Планировочно-композиционным центром служила площадь, в центре которой возвышалась каменная мечеть (рис. 15: 1). Это было прямоугольное монументальное каменное сооружение с мощным порталом, в раме которого имелась высокая арочная стрельчатая ниша. В глубине располагался малый прямоугольный портал, очерчивающий вход во внутренний двор. В северо-восточном углу здания – мощный 6-угольный фундамент для ствола минарета. В южной стене здания полукруглый выступ указывал на место михраба внутри мечети, обращенного на Кыблу, т. е. в сторону Мекки. Сведения о строительстве здесь мечети содержатся в надписи на одном из найденных каменных блоков, которая гласит: "Благотворитель благочестивый приказал построить эту мечеть Алих...сан". Располагаясь в центре, мечеть с ее минаретом служила акцентирующей точкой города.

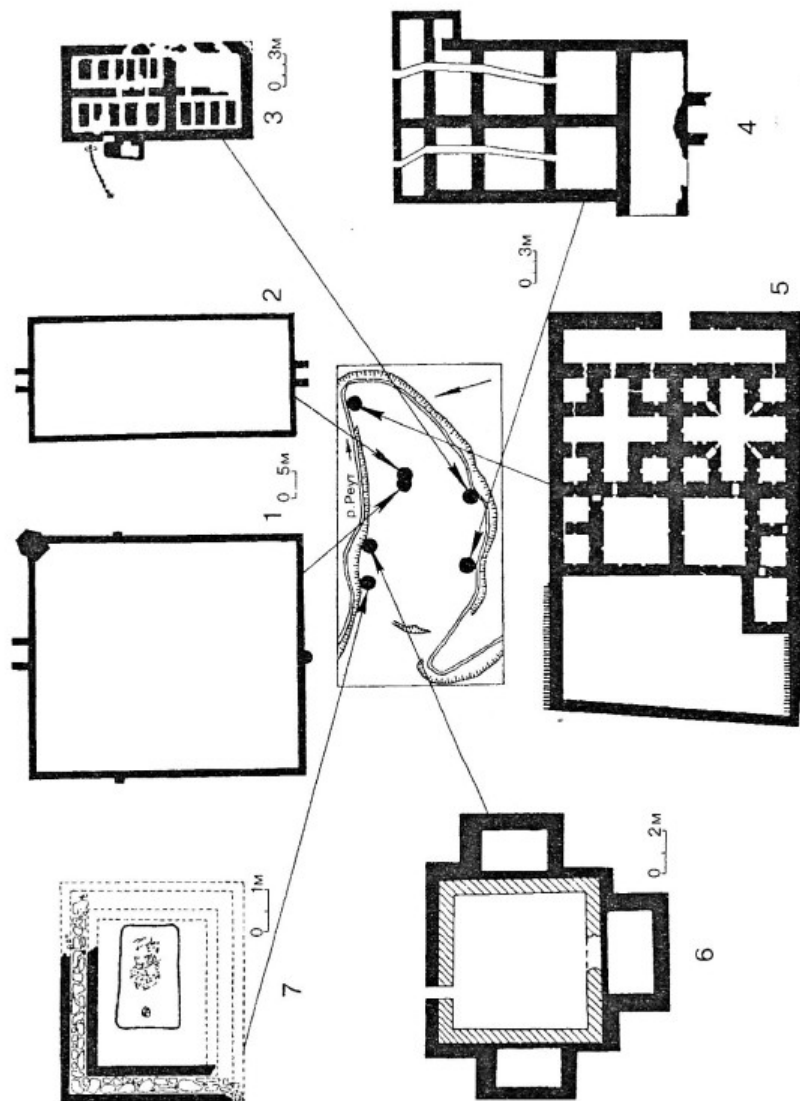


Рис. 15. Схематический план золотордынского города Шехр ал-Джедид:  
 1 - мечеть; 2 - караван-сарай; 3-5 - бани; 6, 7 - мазары.

Здесь же на городской площади располагался караван-сарай (рис. 15: 2) – постоянный двор, где останавливались караваны с товарами. Он служил также общественным местом, где купцы узнавали новости о торговле, ценах, совершали сделки.

На центральной площади, между мечетью и караван-сараем, на территории более 2000 м<sup>2</sup> располагались ювелирная мастерская, 11 тандыров (печи для выпечки лепешек), гончарные горны и другие сооружения. Все это составляло единый торговый комплекс на центральной площади, где обычно скрещивались главные улицы города и где располагались самые значительные городские строения: соборная мечеть, определявшая культовые и караван-сарай, определявший торговые функции города.

На окраине располагались общественные и культовые сооружения. На правом берегу реки, окаймляющей город с трех сторон, располагались 3 каменные общественные бани (рис. 15: 3–5). Это были крупные прямоугольные каменные здания с двумя (женским и мужским) отделениями. Наиболее крупной, с помещениями крестообразной планировки была баня II (рис. 15: 5), предназначавшаяся для зажиточных слоев населения. Бани – носители общественных и культурных функций города, являлись не только местом для мытья, но и местами встреч, общения и даже деловых переговоров.

Другими культовыми памятниками Шехр ал-Джедид, кроме мечети, были мазары и городские кладбища. На северо-западной окраине города, на самом видном месте, над обрывом каменного берега р. Реут, располагались 2 кирпичных мазара (рис. 15: 6, 7) – мавзолеи, выражающие религиозно-идеологические воззрения горожан-мусульман, являясь усыпальницами для высокопоставленных или духовных лиц. Местом захоронения рядовых горожан были 2 кладбища на западной и восточной окраинах города. На западном кладбище было вскрыто 136 погребений.

Жилища горожан располагались по всей территории города, но наиболее изучены в этом плане северная, западная, южная и центральная части поселения. В западной части города, на узком перешейке, располагались небольшие однокамерные дома, иногда на каменном фундаменте и круглые юрты. В северной, южной и центральных частях города располагались жилища рядового на-

селения – земляночного и полуземляночного типа, прямоугольной формы, снабженные тамбурами входа. Отапливались они печами, очагами, тандырами или канами – системой из отопительного сооружения (тандыра) с горизонтальными дымоходными каналами и дымоходной трубой.

На ЮЗ окраине располагалась группа печей для выжига извести, снабжавших строителей необходимым материалом для строительного раствора. За пределами города, на левом берегу реки, располагался гончарный район, где исследованы остатки ярусных горнов для обжига керамики.

Возникший в специфических условиях город Шехр ал-Джедид, судя по характеру его монументальных сооружений, представлял собой город восточного типа, но он не имел ни типичного арка-цитадели, ни общего торгово-ремесленного предместья-рабада, ни общей городской стены. Все это позволяет выделить его, наряду с другими золотоордынскими городами, в особое явление, отличное от периферийных центров Золотой Орды, развивавшихся в районах с оседлой цивилизацией – Хорезма, Крыма и Волжской Булгарии.

**А. А. Бурханов**  
(Казань)

### **АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕАМУДАРЬИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ**

В 1993–94 гг. экспедиция АН Туркменистана и ТГПИ им. С. Сейди продолжила исследования памятников Средней Амударьи в Фарапском (правобережье) и Чарджевском (левобережье) этрапах Лебальского вelayа Туркменистана.

Битык-кала (обследована в нач. 60-х гг. О. Оразовым) расположена в правобережье у ж.-д. станции Фарап. Остатки поселения представляют собой подтреугольный холм (72x64x78 м, выс. 8 м). В подъемном материале представлена керамика позднекушанского времени, XI–XII и XVII–XIX вв. Интересна терракотовая фигурка – бюст воина (7,1x3,5x2,7 см; рис. 16: 2).

Битык-кала была построена на естественном песчаном берегу Амударьи и являлась правобережным форпостом переправы на

трассе "Великого шелкового пути". Стратиграфические исследования выявили культурные напластования мощн. до 4 м. Основные строения поселения сооружены из кирпича-сырца (42x38x8 и 33-38x22x7 см). В северном фасе холма зафиксирован участок стены (выс. 2,5 м), а в СВ углу – остатки полукруглой башни с четырьмя бойницами.

Среди находок – разнообразная керамика III-IV – XIX вв., пряслица, бусы, изделия из камня и стекла, бронзовый наконечник стрелы, монета... Найдена терракотовая фигурка хорезмийского типа, изображающая стоящую женщину в длинном одеянии (8,7x5,1x2,0 см). В правой, прижатой к груди руке (из под платья) она держит предмет типа жезла, верхняя часть которого напоминает знак U.

В северной части Фарапского этрапа проведено обследование Наргиз-калы, Кыз-калы и позднесредневековой туркменской крепости Эльджик-кала. Крепость Кыз-кала, расположенная напротив урочища Уч-Керсен, в 120 км севернее Чарджева, была построена на верхней площадке крутой обрывистой скалы (выс. 40 м) правого берега Амударьи. Крепость в плане – неправильный пятиугольник (6 га), повторяющий естественные контуры скалы. Стены сложены из крупного камня и сохранились на выс. до 3 м. Подъемный материал относится к XII-XIV вв.: поливная высококачественная и неполиванная с лепным и процарапанным орнаментом керамика, изделия из камня, стекла, 2 монеты. Интересны 2 железных ассиметрично-ромбических наконечника (рис. 16: 1, 3) черешкового типа с наибольшим расширением в верхней трети пера, с упором при переходе к черенку (дл. – 14 см, дл. пера – 8,2 и 6,3 см, шир. пера – 2,5 и 2,7 см).

Шор-депе, расположенное на окраине участка "Пионер" колхоза "Нарахат", Чарджевского этрапа, имело форму округлого холма (70x60 м, выс. 8 м). Холм сильно поврежден – в центре по линии ЮЗ-СВ он разделен на 2 части бульдозером, с южной стороны имеется обширная впадина, достигающая центра поселения. Подъемный материал позволяет отнести памятник к кушанскому времени. В разрушенных центральных участках холма отмечены остатки стены из сырцового кирпича (42-44x42-44x10-12 см) со знаками. Среди керамики представлены хумы из ярко-красного



теста, с желобчатыми венчиками и с характерным ребром в нижней части манжетовидного венчика.

Стратиграфическое изучение выявило 3 основных этапа обживания, характеризующих культуру поселения I–II – IX–X вв. н. э. Кроме остатков сырцовой архитектуры и разнообразной керамики, найдены изделия из камня, глины, металла. Особо выделим женскую терракотовую фигурку (12,4x4,2x2,3 см; рис. 16: 4), найденную в нижних слоях шурфа (5x5 м). Женщина изображена сидящей, возможно, беременной. На голове у нее высокий убор и элегантная прическа, на ушах и на шее – украшения. Фигурку можно датировать I–II вв. н. э.

Наличие в верхних и средних слоях шурфа, разрезов и зачисток сырцовых прямоугольных кирпичей (45x25x10 см) и фрагментов грубопористой керамики свидетельствует о существовании поселения на Шор-депе, в основном, в раннем средневековье.

На территории центральной усадьбы колхоза "Парахат" зафиксированы следы бывшего крупного средневекового городища Гочы/Кочы-депе, уничтоженного в ходе землеустроительных работ. Проведено обследование Терезеган-депе, расположенного на территории того же колхоза, в 16 км к С от Чарджева. Городище прямоугольное (2 га); поверхность его превращена в кладбище. Подъемный материал относится к III–IV и X–XII вв.

Гебеклы-депе, расположенное в 9 км к ЮЗ от Чарджева (колхоз им. С. Ниязова) – подквадратный холм (1 га), ориентированный углами по странам света. В южном углу находится чуть выступающая за контуры памятника цитадель (45x45 м, выс. 18 м). В окраинах холма с крутыми склонами, зафиксированы остатки разрушенных башен и стен из сырца (40x30x12, 45x30x10 и 35x35x10 см). В западном фасе прослежена двухслойная структура сырцовой стены и выявлены остатки арочного входа. Кроющий слой датирован сер. I тыс. н. э. – найдены кушанские монеты и обломки позднекушанской и раннесредневековой керамики.

Вокруг холма простирается хлопковое поле, а в 20 м к С от него проходит коллектор, в выбросах которого собраны фрагменты керамики X–XII вв. При проведении землеустроительных работ были найдены жженые кирпичи и несколько керамических хумов с костями (оссуарии). Еще в 1930 г. местными жителями в

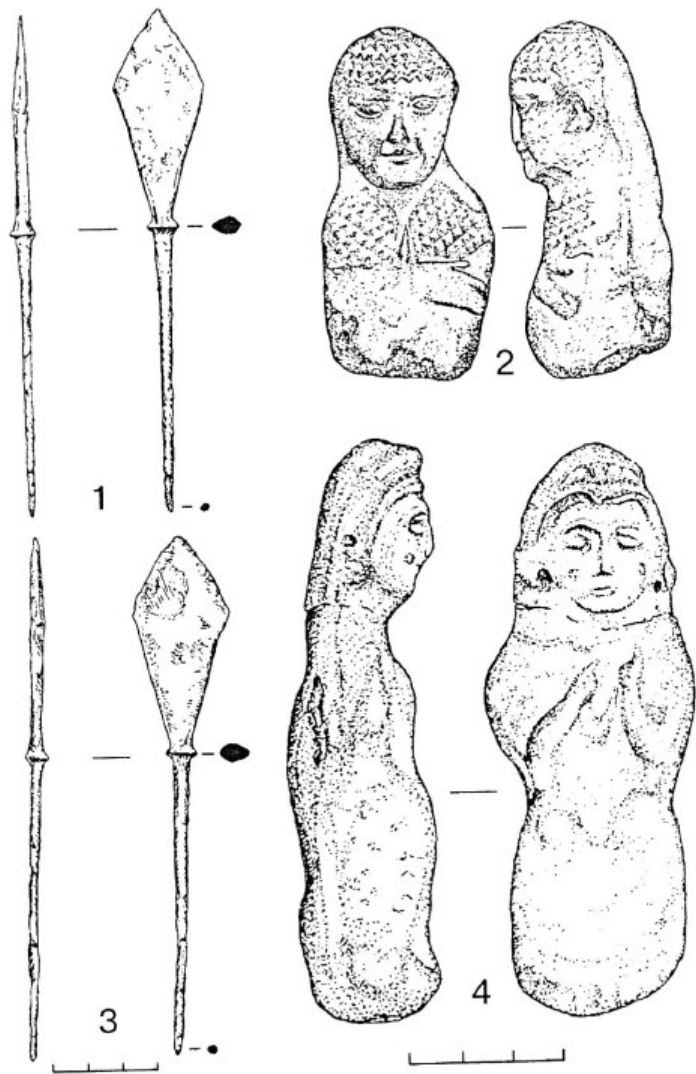


Рис. 16. 1, 3 – наконечники стрел из Кыз-кала; 2 – терракотовая фигурка из Шор-депе; 4 – терракотовая фигурка из Битык-кала.

150 м к Ю от Гебеклы был найден клад серебряных саманидских дирхемов (передан в Чарджевский краеведческий музей), большинство которых относится к чекану Бухары периода правления Насра-II Нуха.

В 1994 г. в закраине холма с ЮВ фаса был заложен раскоп (3x4 м), который ступенчато углублялся вниз по стене. Верхний участок изучен на глуб. до 1,5 м. На глуб. 20 см зафиксирована кладка из кирпича-сырца со знаками (35–32x32–29x10 см). Ближе к 3 стенке раскопа выявлена средневековая мусорная яма (диам. 60 см), которая врезалась в древнюю сырцовую кладку на глуб. до 80 см. В ней найдены фрагменты жженных кирпичей и глазурованной керамики, каменный казан, зернотерка из мелкозернистого камня (толщ. 4 см, дл. 25 см). На верхнем участке найдены фрагменты красноощенной тонкостенной чаши, светлоангобированных красноглиняных и грубопористых с черными потеками хумов, керамические пряслица, бронзовые проколки и 2 кушанские монеты.

Средний, расположенный ниже участок (3x2 м) также углублен на 1,5 м, и состоял из сплошной сырцовой кладки.

Наиболее богат находками нижний участок (3x1,5 м), углубленный на 3 м. Здесь, кроме сырцовой кладки стены, найдена разнообразная посуда: покрытые светлым ангобом красноглиняные кувшины и горшки, несколько грубопористых хумов с красными и черными потеками. Судя по результатам работ, поселение в Гебеклы-депе существовало в III–VI и X–XII вв.

При обследовании в Яссы/Яз-депе, расположенном в 17 км к СЗ от Чарджева в разрушенных бульдозером участках собрана керамика позднекушанского и раннесредневекового времени, несколько глиняных ядер, фрагменты стекла, изделий из металла, головка терракотовой фигурки (5,8x5,2x1,6 см). Древний художник-коропласт изобразил прекрасное, почти круглое лицо с четкими чертами буддийского типа: миндалевидные глаза, прямой нос, узкие губы... Вокруг лица – обрамление из прямых параллельных линий прически, на шее видны элементы ожерелья.

Яссы-депе состоит из нуклеарной части и цитадели, представляющей в плане неправильный круг диам. 100 м. С трех сторон цитадели (кроме юго-восточной) сохранились гребни стен из сыр-

цового кирпича (33x32x8 см). Расположенная к СВ от цитадели, ранее прямоугольная нуклеарная часть, ныне сильно повреждена земляными работами и по форме напоминает неправильную трапецию (пл. 1,5 га, выс. более 5 м). Кроющий слой памятника относится к X–XIII вв.

**Н. Г. Набиуллин**  
**(Казань)**

### **ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО НЕКРОПОЛЯ ДЖУКЕТАУ В ТАТАРСТАНЕ**

В 1995–96 гг. продолжались исследования комплекса археологических памятников “Джукетау” (X – XIV вв.), расположенного на левом берегу р. Камы западнее г. Чистополя Респ. Татарстан. На территории Донауровского селища 2 (исторически – посада древнего города) проведены исследования одного из могильников Джукетау, где был заложен раскоп 6 (260 м<sup>2</sup>). Общая мощность культурного слоя, прослеженная в раскопе вне сооружений – 40–60 см. Всего выделено 3 слоя.

Слой 1 (20–25 см) – пашня нового и новейшего времени – серая рыхлая супесь с небольшим количеством находок этого времени и, преимущественно, со средневековыми находками.

Слой 2 (10–15 см) – серая или светло-серая супесь с включениями суглинка, обожженной глины, древесного угля, золы. Слой датируется характерными для золотоордынского времени фрагментами поливной и неполивной керамики, железным наконечником стрелы – “срезнем”, стеклянными бусами, обломками бронзовых браслетов, а также медными и серебряными монетами 2-й пол. XIII – 60-х гг. XIV в.

На ряде участков раскопа между слоями 2 и 3 была прослежена полоска древесного угля и золы (0,5–1,5 см).

Слой 3 в западной части раскопа представляет собой серобуроватую супесь (15–20 см) с небольшими включениями суглинка, обожженной глины, древесного угля. Восточнее слой не прослежен, что объясняется существованием здесь кладбища домонгольского времени. Слой 3 датируется домонгольским временем как стратиграфически, так и на основании признаков, характер-

ных для болгарского гончарного производства, а также по найденным в сооружениях слоя лазуритовой подвеске и железному наконечнику стрелы. Верхняя дата слоя – сер. XIII в., нижняя, предварительно, – X–XI вв.

Ниже выявлена погребенная почва – темно-серая плотная супесь (10–20 см), которая лежит на материковом суглинке.

Ряд датирующих находок золотоордынского (неполивная и поливная керамика, стеклянные бусы, осколок бронзового зеркала, джучидские монеты) и домонгольского времени (неполивная керамика, железное калачевидное кресало, сердоликовая бусина, шиферное пряслице, костяной гребень, монета X–XI вв. и др.) найдены в переотложенном состоянии.

Всего выявлено 20 погребений, расположенных рядами. Могильные пятна фиксировались на уровне погребенной почвы (на глуб. 35–45 см от совр. поверхности). Умерших хоронили по мусульманскому обряду – вытянуто на спине вполоборота, головой на З, лицом на Ю, без инвентаря. Могильные ямы (глуб. 40–50 см) в заполнении содержали серо-буроватую супесь. Ямы прямоугольные, с закругленными углами, отвесными стенками и ровным дном; в одном случае зафиксирован подбой в стену. В трех погребениях прослежены следы деревянных конструкций типа колод, в двух других найдено по одному железному гвоздю.

Резко отличается от остальных погр. 9 (мужчина 30–40 л.; определение И. Р. Газимзянова) – в заполнении могильной ямы встречены кости животных, птиц и рыб, мелкие фрагменты керамики. Стенки углубленной части могильной ямы были обожжены и имели ярко-красный цвет.

Рядом с некоторыми погребениями (особенно у восточного края раскопа) на уровне погребенной почвы выявлены небольшие западины (средней глуб. 10 см), заполненные серо-бурой супесью с обожженной глиной, суглинком, древесным углем, золой, мелкими обломками керамики, костей животных, рыб, птиц. Эти западины представляют собой остатки костров, разжигавшихся на поверхности земли без какого-либо предварительного или последующего ее вскапывания. Они стратиграфически синхронны с находящимися рядом погребениями и, возможно, представляют собой следы ритуальных действий (“поминальный костер” и т. п.).

Анализ стратиграфии позволяет относить основные погребения к слою 3, т. е. к домонгольскому времени. Не противоречит этому и керамический материал из заполнения погр. 9 и западин.

**Г. Ш. Асыягараева, А. Г. Петренко  
(Казань)**

### **РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 1996 г. в КАЗАНСКОМ КРЕМЛЕ**

В 1996 г. продолжались археологические раскопки на территории Казанского кремля (раскопы II, IV, VI, VII). Кости животных из этих раскопов, представляющие собой “кухонные” остатки, были переданы нам для определения. Материал обработан по слоям I–V: слой I, современный, XIX–XX вв.; слой II, “русский”, 2-я пол. XVI – XVIII вв.; слой III, “ханский”, сер. XV в. – 1552 г.; слой IV, “золотоордынский”, 2-я пол. XIII – 1-я пол. XV вв.; слой V, “домонгольско-булгарский”, 1-я пол. XII – 1-я пол. XIII вв.

Раскоп II (150 м<sup>2</sup>, глуб. ок. 3 м; археолог Ф. Ш. Хузин) дал большой остеологический материал из всех пяти слоев – 10782 кости минимум от 201 особи животных. Преобладающая масса диагностированного материала представлена костями шести основных домашних видов: крупный рогатый скот, овцы, козы, свиньи, лошади, верблюды. Единичные находки костей верблюда обнаружены лишь в коллекции из слоя III.

Кости домашней птицы и рыб более часты, чем кости диких животных и свидетельствуют, что употребление в пищу мяса гусей, кур, уток было обычным (хотя в материалах раскопок эти кости сравнительно немногочисленны, видимо, значительная часть этих “кухонных” остатков уничтожалась собаками). Среди рыб представлены в основном осетровые, реже – судак и сом.

Из домашних видов, мясо которых было использовано в питании, а фрагменты разрушенных в своей массе костей оставлены в виде “кухонных” остатков, наиболее многочисленны овцы. В слое I они составляют 37% от общего числа особей, а остальные виды приблизительно по 18,5%. Однако основным мясным продуктом

по удельному потреблению следует считать конское мясо и говядину, свинину употребляли в меньшей степени.

Раскоп IV (11 м<sup>2</sup>, гл. 4 м; археолог И. Якимов) дал 23261 кость от 241 особи. Процентные соотношения видов животных в разных слоях показывают, что употребление говядины и конины с течением времени уменьшалось, свинины – увеличивалось, а мяса мелкого рогатого скота оставалось примерно на одном уровне во всех трех периодах.

Анализ костей диких промысловых видов показывает, что даже в период “ханства” охота и рыболовство не были главным занятием: кости лося составляют всего 1,9% от общего количества особей, остатки птиц и рыб также представлены незначительно.

На раскопе VI (170 м<sup>2</sup>, глуб. 2 м; археолог А. Ситдигов) найдено 12089 костей от 195 особей. Степень сохранности костей коров, овец, лошадей свидетельствует об определенном своеобразии приготовления мяса и является признаком, характерным для населения Казанского кремля, особенно в “золотоордынском” слое.

Материалы раскопа VII (430 м<sup>2</sup>; глуб. 2 м; археолог А. Ситдигов) – 24 896 костей от 206 особей – также происходят из трех слоев. В отличие от материалов раскопов II, IV, VI, на раскопе VII наиболее многочисленными являются “кухонные” остатки из II слоя “русского” периода существования города. Osteологические материалы остальных раскопов свидетельствует, что жизненная активность города была наивысшей в период Казанского ханства. По удельному потреблению мяса наибольшее значение имела говядина, затем шла конина, на третьем месте – баранина. Во всех трех слоях найдены кости домашней свиньи, при большей насыщенности ими II слоя.

Учитывая активное употребление конины в питании казанского населения “русского” периода, особенно в районе раскопа VII, небезынтересно напомнить, что многие русские письменные источники сообщали о “неупотреблении” конины славянским населением и даже запрете на нее.

По относительной бедности остатков диких охотничье-промысловых видов животных, можно считать, что охота не входила в число важных занятий населения города. Дикие промысловые виды представлены лосем, зайцем и бобром.

Об активных торговых связях как с западными, так и с южными регионами свидетельствуют кости верблюдов, которые попадали сюда с торговыми караванами. Морфометрические исследования метаподий крупного рогатого скота также показали, что часть из них принадлежит к южным породам. Проведенные дополнительные поло-возрастные и породные морфологические исследования костей домашних животных характеризуют с одной стороны – специфику хозяйственной деятельности городского населения, а с другой – культурные и торговые связи.

**А. А. Купранис**  
**(Санкт-Петербург)**

### **О НОВОМ ТИПЕ ПЕЧАТИ РУССКОГО МИТРОПОЛИТА ИОАННА**

В 1996 г. автору удалось ознакомиться с интересной вислой печатью, хранящейся в одном из частных собраний.

*Av*: изображение Богоматери “Агносоритисса” в полный рост без младенца влоборота вправо с руками, воздетыми к Христу; по сторонам: “MP-ΘV”. *Rv*: греческая надпись: “+ΙΩΑΧΠΡΩ/ΤΟΣΥΓΚΕ/Λ, ΣΜΗΤΡΟ/ΠΟΛΙΤ, ΡΩ/ΙΑΣ”. В.: 10,25 г. Д.: 19–21 мм. Толщ. 2,5–4 мм. Диаметр матриц ок. 18 мм. М. н.: Новгород (?).

Булла оттиснута неизвестной ранее парой матриц. Легенда печати читается однозначно: “+Ιω(αννος) (μον)αχ(ος) πρωτοσυγκελ(ος) (και) μητροπολιτ(ης) Ρο(σ)ιας”, т. е. “+Иоани, монах, протосинкелл и митрополит России”. Кому из пятерых киевских митрополитов XI–XII вв., носивших имя Иоанн она принадлежит? До сих пор были известны 2 печати, в легендах которых говорится о митрополите Иоанне.

Более древней из них, по мнению автора, является печать, которая до недавнего времени была известна лишь по фотографии (Янин 1970: №44). Ранее автор уже высказывал сомнение в прочтении легенды этой печати (Купранис 1994: 208). Обоснованность этого сомнения подтвердила предпринятая недавно повторная публикация печати (Булгакова 1996: 87–88, №1; 163, №2): на опубликованных фотографиях достаточно уверенно читается греческая пятистрочная легенда: “+Θ(εοτο)κε β(οη)θ(ει) τω σω δουλ(ω) Ιω(αννη) μητροπολιτη Ρωσια(ς)”, т. е. “Богородица, по-



моги рабу своему Иоанну, митрополиту России". Более того, оказалось, что на печати изображен не св. Иоанн Богослов, а Богоматерь "Никопея". В. И. Булгакова атрибуирует печать Иоанну II (ок. 1077–1089 гг.). Однако, владельцем печати мог быть и Иоанн I, по некоторым источникам, глава русской церкви в начальный период киевского княжения Ярослава Мудрого. В любом случае печать может быть датирована XI в.

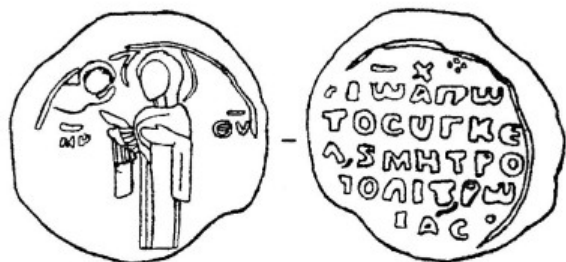


Рис. 17. Печать русского митрополита Иоанна.

К более позднему времени относится печать (известна в 2 экз.), на одной стороне которой помещено поясное изображение Богоматери "Знамение", а на другой – греческая надпись "+Θ(εοτο)κε β(οη)θ(ει) Ιω(αννη) μ(ητ)ρ(ο)λο(λιτη) Ρωσ(ια)ς", т. е. "**Богородица помощи Иоанну, митрополиту России**". В. Лоран на основании малого размера буллы (диам. ок. 15 мм), особенностей рисунка и надписей датировал печать конц. X – нач. XI вв. и атрибуировал Иоанну I (Laurent 1963: 600). В. Л. Янин полагает, что типологически печать датируется XII в. и принадлежала митрополиту Иоанну 60-х гг. XII в. (Янин 1970: 51). На мой взгляд печать следует датировать не позднее, чем посл. четв. XI в. и соответственно связывать ее с деятельностью Иоанна II или Иоанна III (Купранис 1995: 41–42).

Публикуемая печать существенно отличается от уже известных печатей: она несет изображение Богоматери в полный рост, а легенда, начинается с имени владельца в именительном падеже – черты, характерные для печатей 2-й пол. XII в. (Купранис 1995: 34–

47). Однако, титул “протосинкелла”, заставляет предложить иную датировку.

Комментируя печать митрополита Георгия, Н. П. Лихачев отмечал, что “синкелл” – это почетный титул, обозначающий членство владельца печати в совете константинопольского патриарха (Лихачев 1930: 2). Более подробные сведения о званиях духовных лиц приведены Н. Скаблановичем. Изначально “синкеллом” называли не то келейника и духовника патриарха, не то кандидата на патриарший пост, занимавшего по смерти патриарха его место. Во времена Константина Багрянородного “синкелл” занимал одно из первых мест вслед за чинами высочества. В XI в. “синкелл” употреблялся в значении чисто титулярном – это чин, дававшийся византийским императором духовному лицу и открывавший доступ в ряды синклита. Чин “протосинкелла” был следующей ступенью после “синкелла”. Суть синклита позволяет понять постановление императора Константина X Дуки (1059–1067 гг.), гласившее, что “в пределах церковного управления и практики чин протосинкелла или синкелла не дает никакого преимущества; на собраниях синода и при богослужении протосинкеллы и синкеллы должны занимать то место, какое им следует по их иерархическому положению в церкви; преимуществами своего сенаторского звания они могут пользоваться только во дворце, на сенатских собраниях, занимая в ряду сенаторов то место, которое им отведено по рангу”. Н. Скабланович полагал, что в XI в. “протосинкеллы” приравнивались к гражданским “протопроедрам”, а “синкеллы” к “проедрам”, и на торжественных выходах “протосинкеллы”, во внимание к их духовному сану, стояли выше “протопроедров”, а “синкеллы” выше “проедров” (Скабланович 1898: 157–158).

Титул “проедра” был учрежден в 963 г., когда, по известию Льва Диакона, император Никифор Фока почтил Василия, незаконнорожденного сына Романа Лакапина, новым высоким саном и должностью “**председателя сената**” (“*πρωεδρος της συγκλητου*”). По мнению Ш. Диля, с момента создания и до исчезновения должность “проедра” была только почетным титулом. До смерти в 1025 г. императора Василия II Болгаробойцы “проедром” не стал больше ни один человек. Однако уже брат Василия II Константин, унаследовавший власть после смерти Василия II и пра-

вивший непродолжительное время (до 1028 г.), пожаловал титул “проедра” сразу троим своим приближенным. Этот титул имел различные значения, подразумевая начальника или председателя. С каждым новым правителем число “проедров” увеличивалось и вскоре, чтобы выделить особо отличившихся в служении императору, был учрежден титул “протопроедра”, который Б. А. Панченко трактовал как “овер-президент”. В. Лоран самый ранний случай употребления византийскими источниками (в т. ч. и сфрагистическими) титула “протопроедр” относил к 70-м гг. XI в.

“Проедры” и “протопроедры” были и в духовенстве. В начале в церковной практике титул “проедра” использовался в значении “главы церкви” и только с XIII в. этот термин получил значение “в соответствии с занятием нескольких кафедр одним епископом”. На церковных печатах, по мнению В. Лорана, титул “протопроедр” являлся сокращением пышного титула “протопроедр протосинкеллов”, бывшего, в свою очередь, торжественным вариантом титула “синкелл”. Реформа, проведенная Алексеем Комнином в 1092 г., ликвидировала гипертрофированную титулатуру предшествующего времени (Лихачев 1991: 100, 150; Соколова 1983: 85; Янин 1970: 45–47).

Таким образом, совершенно невозможно, чтобы титул “протосинкелл” появился на печати русского митрополита ранее 1028 г., и достаточно маловероятно, чтобы этот титул использовали после 1092 г., иными словами, вероятнее всего, печать принадлежала Иоанну II (ок. 1077–1089 гг.) или Иоанну III (1090–1091 гг.).

Если наша датировка печати верна, то как объяснить существенное отличие в оформлении этой печати от других митрополичьих печатей XI в.? Является это отличие случайным или закономерным?

Печати, являясь элементом правовой системы, должны передавать все нюансы правового статуса своего владельца. В этой ситуации случайным образом оформленная печать – вещь немислимая! Н. П. Лихачев считал возможным одновременное существование у византийцев различных типов печатей (Лихачев 1930: 2, 4). В том, что для византийского делопроизводства 2-й пол. XI в. существование нескольких сфрагистических типов у одного лица – явление достаточно обыденное, легко убедиться, ознакомившись с обилием печатей, отнесенных (Zacos 1984: № 57) антиохийскому

патриарху Феодосию III Хрисовергу (1057–1059 гг.). Надо полагать, что именно с такой ситуацией мы и столкнулись в данном случае. Публикация новой печати митрополита Иоанна не только вводит в научный оборот доселе неизвестный сфрагистический тип XI в., но и заставляет обратить пристальное внимание на возможность одновременного существования у одного лица сразу нескольких сфрагистических регалий.

- БУЛГАКОВА В. И. 1996. Сфрагистичні пам'ятки // Церква Богородиці Десятинна в Києві. Київ.
- ГОЛУБИНСКИЙ Е. Е. 1901. История русской церкви. Т. I, 1-я пол. М.
- КУПРАНИС А. А. 1994. Печать Иоанна, митрополита России // Новгород и новгородская земля. История и археология. В. 8. Новгород.
1995. Печати иерархов русской церкви XII в. // Церковная археология. Материалы первой всероссийской конференции. Псков 20–24 ноября 1995 г. Часть 2. Христианство и древнерусская культура. СПб. – Псков.
- ЛСА. ЛИХАЧЕВ Н. П. Сфрагистический альбом.
1930. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. В. 2. Л.
1991. Молибдовулы греческого Востока. М.
- СОКОЛОВА И. В. 1983. Монеты и печати византийского Херсона. Л.
- СКАБАЛАНОВИЧ Н. 1898. Византийское государство и церковь в XI в. СПб.
- ЯНИН В. Л. 1970. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1. М.
- LAURENT V. 1963. Le corpus des sceaux de l'Empire Byzantin. t. V: L'Eglise. Première partie. 1. L'Eglise de Constantinople. A. La Hierarchie. Paris; Planches. Paris, 1965.
- ZACOS G. 1984. Byzantine Lead Seals. Berne.

**С. В. Степанов**  
(Псков)

### **РАСКОПКИ В ПСКОВЕ НА УЛИЦЕ СОВЕТСКОЙ**

В 1996 г. продолжены исследования культурного слоя средневекового Пскова на месте устройства коммуникаций на ул. Советской. Проведенными в 1994–95 гг. работами выявлены следы освоения этой территории города с XII – 1-й пол. XIII вв., а также остатки деревянной застройки XV в. (С. В. Степанов). У СВ угла нового корпуса бани в 1996 г. был заложен раскоп (16 м<sup>2</sup>). В 50 м западнее проходит ул. Советская (ул. Великая) – одна из основных средневековых магистралей города. В летописных известиях под 1417/1418 гг. говорится о замощении Великой ул. за пределами крепостной стены 1375 г., что свидетельствует о развитии посада на

подъезде к городу. В северной части раскопа 1990 г., в предматериковых отложениях встречен материал XI–XIII вв. и выявлены следы усадебной застройки, формирование которой исследователи отнесли к кон. XIV – нач. XV вв.

В раскопе 1996 г. отложения культурного слоя средневекового времени были открыты на глуб. 2,2 м ниже уровня современной дневной поверхности. Их мощность – ок. 0,6 м, насыщены грунтовыми водами, имеют темно-серый и черный цвета. В составе слоя – древесная щепа, уголь, известняковый щебень. Нижняя граница (начальная дата появления культурных отложений) слоя – 1-й пол. XV в., но не ранее 2-й четв., верхняя – XVII в. В массовом материала значительным числом представлены железные шлаки и крицы. Среди индивидуальных находок – раковина каури, костяной трапезиевидный гребень, втульчатый наконечник сулицы, детали кожаной обуви. Представляет интерес частично открытая раскопом подпрямоугольная углубленная постройка (в пределах раскопа – 3x2,8 м, углублена на 0,6 м). “Пол” и стены постройки были выложены дерном, дерновины крепились к стенам вбитыми в несколько рядов деревянными кольшками. Наличие на дне неразмятых волокон и коробочек льна позволяет связать назначение сооружения с техникой льнообработки (вымачивание льняной тресты?). Дата постройки – 1-я пол. XVII в.

Ниже культурных отложений XV–XVII вв. был открыт слой серого сильно гумусированного суглинка (толщ. ок. 0,2 м), содержащий исключительно керамику XII – нач. XIII вв.

По результатам раскопов 1990 и 1994–96 гг. можно считать, что первичное освоение микрорайона относится к XII – 1-й пол. XIII вв. Осваиваются не широкие площади, т. к. фиксируются отдельные пятна отложений слоя этого времени. Одно из таких “пятен” было обнаружено в раскопе 1994 г. в 35 м восточнее раскопа 1996 г. В раскопе 1990 г. отложения этого времени не зафиксированы. Вместе с тем, в нижней части культурного слоя собрано значительное количество керамики XII–XIII вв., которая локализуется лишь в северной части раскопа. Характер первичного освоения не ясен.

Повторное освоение этой территории относится к кон. XIV в. Появляется дворовая застройка, границы которой фиксированы частоколами, либо заметами из прясел. Вместе с тем, остаются не-

застроенные “пустые” участки. Так, в раскопе 1996 г. начало отложений культурного слоя можно датировать не ранее 2-й четв. XV в. Большое число железных шлаков и криц (не только отдельных кусков, но, как правило – скоплений) на значительной территории (не менее 100 м в поперечнике) позволяет предположить формирование в этом микрорайоне с нач. XV в. квартала ремесленников, специализирующихся на железообработке.

**В. Н. Мудров, Н. С. Романов, Е. В. Скрынникова**  
(Москва)

**ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И РЕСТАВРАЦИОННЫЕ  
ИССЛЕДОВАНИЯ Ц. УСПЕНИЯ БОГОРОДИЦЫ В ПУТИНКАХ  
(МОСКВА) В 1993–1996 ГГ.**

Каменная ц. Успения Богородицы была построена на месте деревянной ок. 1676 г. на “старом Посольском дворе” в Москве. Ранее здесь уже была возведена в камне ц. Рождества. В кон. XVII в. у северного фасада трапезной был возведен придел, а во 2-й четв. XVIII в. была сооружена колокольня. К сер. XVIII в. (1756 г.), после окончательного упразднения старого Посольского двора, единая прежде территория была поделена на участки, одним из которых стала близкая в плане к четырехугольнику прицерковная территория, окруженная со всех сторон погостом. Проход на территорию, принадлежащую ц. Успения, осуществлялся со стороны ул. Малая Дмитровка по Г-образному переулку, огибавшему с Ю полосу владений церковного причта, отделенных от Малой Дмитровки обывательским двором. В северо-западной части прицерковной территории существовал колодец. После пожара 1774 г., от которого сильно пострадали дворы причта и обывательские постройки, окрестности храма претерпели перепланировку. В этот же период со стороны Успенского пер. возведена ограда с двумя проезжими воротами, а в ЮВ части сооружается небольшой пруд (просуществовал ок. 30 лет). К 1782 г. часть прицерковной территории отводится под двор просвирни, разместившейся у восточных ворот со стороны успенского переуллка. По плану 1817 г. (возникшему после общей перепланировки Москвы в связи с пожаром 1812 г.) фиксируется дальнейшее урезание тер-

ритории погоста и перепланировка участков, отведенных под дворы причта. К 1822 г. пространство вдоль южной и восточной границ прицерковной территории уже плотно застроено жилыми и нежилыми строениями. К сср. XIX в., в связи с развитием сети городских кладбищ, погост при храме (как и при прочих московских приходских церквях) окончательно упраздняется, и на плане 1849–50 гг. вместо погоста фиксируется оформившийся церковный двор с английским садом (со стороны Успенского пер.). В конце XIX в. начинается застройка двора служебными и хозяйственными сооружениями: в 1882 г. одноэтажное каменное здание возводится в ЮЗ углу; в 1890 г. в СЗ углу строится каменная церковная сторожка. В это же время, вероятно, перестраивается или капитально ремонтируется ограда, в которой, помимо двух ворот, возникает калитка.

После 1917 г. вся территория бывшего церковного двора была передана новым владельцам. В настоящее время там размещено посольство Респ. Бенин. Каменные одноэтажные прицерковные здания, а также дворы причта, с находившимися на них строениями, уничтожены. Весь ЮВ угол бывших церковных земель ныне занимает часть четырехэтажного кирпичного корпуса Московского медицинского училища № 8. Церковные земли в границах современного землеотвода с северной стороны сохранили историческую границу по ограде храма (со стороны Успенского пер.). С западной и южной сторон современная прицерковная территория также фактически совпадает с исторической границей – с границами земельных владений дьячка храма и территории сада. Никаких строений на прицерковной территории к настоящему времени не сохранилось, за исключением собственно храма с приделом и колокольней, а также части церковной ограды.

В ходе работ 1993–96 гг. проведена частичная планировка дневной поверхности вокруг храма, начато производство работ по восстановлению церковной сторожки, реставрация южного и северного порталов. Проектные предложения включают также организацию сети дорожек и площадок, соответствующих исторической топографии прицерковной территории; воссоздание дома дьячка в его исторических габаритах на месте, близком к историческому; устройство ограды. В связи с затесненностью территории

и стремлением сохранить существующие точки осмотра памятника предполагается озеленение участка с помощью кустарниковых пород: по исторической границе, отделявшей двор дьячка от прицерковного двора устраивается живая изгородь из кустарника.

**С. Н. Травкин**  
(Санкт-Петербург)

### **О НОВЫХ НУМИЗМАТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛАХ НА ТЕРРИТОРИИ БЕССАРАБИИ**

В 1996 г. при изучении коллекции Фалештского историко-краеведческого музея (Респ. Молдова) была выявлена группа монет, обнаруженных в единичных находках на территории Фалештского р-на и поступивших в фонды данного музея. Предметом исследования являются монеты, датированные по времени чеканки XVIII – нач. XIX вв. (до 1812 г.). Несмотря на относительную немногочисленность, они достаточно разнообразны и позволяют дополнить наши знания о монетно-денежном обращении на территории центральной и северной Бессарабии в период русско-турецких войн.

В рассматриваемую группу монет входят чеканки трех государств, оказывавших в XVIII в. на земли Бессарабии существенное политическое, экономическое и культурное влияние. Российская империя – 4 монеты: Анна Иоановна (1730–1740): денга, 1736 г.; Елизавета Петровна (1741–1761): пять копеек, 1759 г.; Екатерина II (1762–1796): "молдавско-русская" монета – "1 пара-3 деньги", 1772 г.; Александр I (1801–1825): две копейки, 1811 г. Все перечисленные русские монеты чеканены из меди. Священно-римская империя Германской нации (Австрия): Франц I (1745–1765): двадцать крейцеров, 1764 г. (серебро). Османская империя: Селим III (1789–1807): юзлук, стерт (серебро).

Наиболее многочисленными в рассматриваемой коллекции являются монеты России, которые впервые появились на территории Бессарабии в XVI в. В дальнейшем они постоянно присутствовали в монетно-денежном обращении края вплоть до 1812 г., когда Бессарабия вошла в состав Российской империи, а русские монеты стали безраздельно господствовать на этой территории.



Монеты, чеканенные в государствах, входивших в состав Священно-римской империи Германской нации, впервые появились на севере Бессарабии еще в 1-й тр. XIII в. в составе Хотинского клада. Начиная с XVI в., данная группа монет имела стабильное хождение в регионе.

Монеты Османской империи проникли на земли между Днестром и Прутом – Дунаем в сер. XV в. Они являлись одним из наиболее заметных элементов монетно-денежного обращения на этой территории с момента своего распространения и до включения Бессарабии в состав Российской империи.

Территория Бессарабии в XVIII в. в политическом и культурно-этническом отношении была разделена на две части: север и центр края входили в состав Молдавского феодального княжества, находившегося в вассальной зависимости от Османской Порты; юг региона был непосредственно включен в состав Османской империи и Буджакской орды татар. Несмотря на географическую близость, между районами имелись определенные различия в составе и характере монетно-денежного обращения. В области, подвластной Османской империи, преобладали турецкие монеты, а продукция монетных дворов других государств в той или иной мере дополняла их. Монеты Османской империи представлены здесь и крупными, и относительно мелкими номиналами.

На территории Бессарабии, входившей в состав Молдавского феодального княжества, турецкие монеты также были одним из наиболее многочисленных элементов денежного обращения. В кладах сокрытых на территории Бессарабии в XVIII в. они встречались наиболее часто, на втором месте за ними шли монеты Австрии, на третьем – России (Нудельман 1990: 228–230). Подобное распределение монет по частоте встречаемости в кладах не совпадает с рассматриваемыми материалами. Однако рассматриваемая коллекция не выделяется на общем фоне нумизматических материалов, хранящихся в других районных музеях на территории севера и центра Бессарабии. Объяснением этому может служить разница в составе кладов и единичных находок.

В кладах прежде всего представлены относительно крупные монеты, имеющие значительную ценность. В единичных находках преобладают мелкие номиналы, обеспечивавшие розничную тор-

говлю и малопригодные для длительного накопления (хотя в обоих случаях тут имеются и исключения). Можно предположить, что монеты, выпущенные в разных государствах, выполняли различные функции и имели неодинаковое значение в розничной и крупной торговле. Обилие российской меди могло создать ситуацию, когда роль монет Российской империи была существенно значимее, чем об этом можно судить по материалам кладов.

Открытым остается вопрос о возможности использовать письменные источники для корректировки данных, полученных при изучении нумизматических коллекций. В письменных источниках эпохи Средневековья и начала Нового времени на рассматриваемой территории нашли свое отражение прежде всего государственные акты и относительно крупные торговые сделки. Поэтому отражение в них состава монетной массы не всегда может считаться адекватным действительности рассматриваемого периода.

Все это ставит под сомнение тезис о том, что в денежном обращении Молдавского княжества (и земель Бессарабии в том числе) в XVIII в. турецкие монеты занимали первое место по степени распространенности (История народного хозяйства МССР: 404). Данное положение вероятно может быть уточнено, или по крайней мере нуждается в дополнительной проверке.

НУДЕЛЬМАН А. А. 1990. Монетные клады XVIII – начала XIX в. в Днестровско-Прутском регионе // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев, с. 227–263.

История народного хозяйства МССР. Кишинев. 435 с.

**К. А. Шопотов**  
**(Санкт-Петербург)**

### **ПОИСК ЭКСПЕДИЦИЕЙ ОБЩЕСТВА “ПАМЯТЬ БАЛТИКИ” ШВЕДСКОГО 74-ПУШЕЧНОГО ЛИНЕЙНОГО КОРАБЛЯ “LOVISA ULRIKA”**

Выборгский залив, вдающийся в берег материка в СВ части Финского залива, 22 июня 1790 г. стал местом ожесточенного морского сражения между шведским флотом под руководством шведского короля Густава III и русским флотом под командова-

нием адмирала В. Я. Чичагова. В ходе сражения шведский флот потерял более 34 боевых кораблей. Часть из них, в т. ч., 74-пушечный линейный корабль "Lovisa Ulrika", сели на камни банки Пааслуото. В 1996 г., в год 300-летия Российского флота, на ЭВС "Мичман Чайкин" экспедиция общества "Память Балтики"<sup>3</sup> продолжила поиск линейного корабля "Lovisa Ulrika" в центральной части банки Пааслуото, в ложбине с глубинами 15 м.

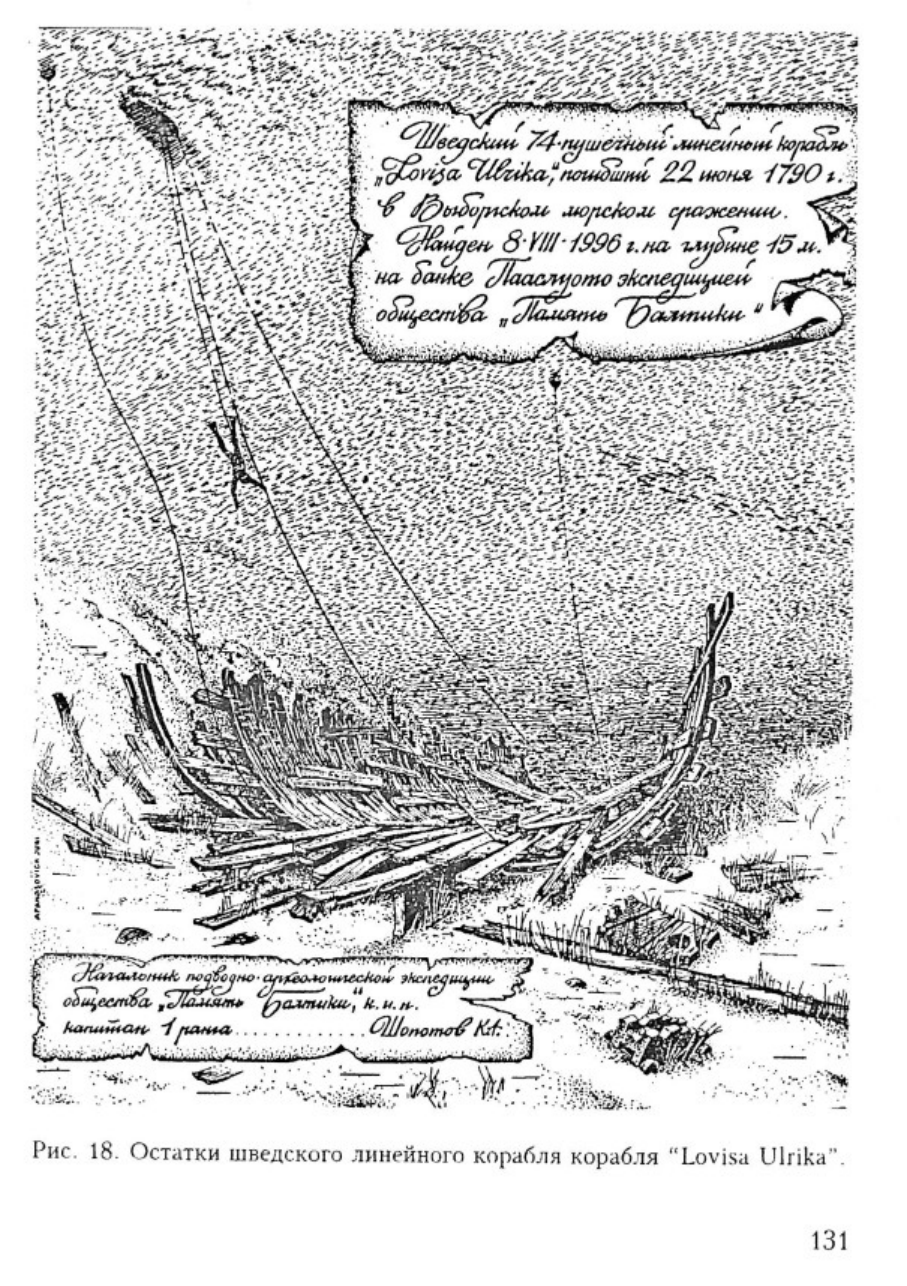
8 августа 1996 г. обнаружено большое скопление фрагментов корпуса и рангоута крупного корабля: блок из двух палуб (6x8 м), уходящие в грунт мощные дубовые шпангоуты, доски наружной и внутренней обшивки, деревянный станок палубного орудия, степс и деревянную трубу водоотливного насоса. При очередном погружении Д. Столбов вышел на главную цель поиска – врезавшийся килем в песок неразвалившийся корпус, предположительно, линейного корабля "Lovisa Ulrika".

Осмотр показал, что сохранился настил двух палуб днищевого набора, киль, идущие от кия на 2–2,5 м дубовые шпангоуты, доски наружной и внутренней бортовой обшивки. Целы мощные стрингеры, флоры. Медные кованые нагели обеспечили сохранность добротно сработанной конструкции корабля. Все железные детали полностью проржавели. После экспедиции произведена идентификация найденного корабля.

1. Размеры: дл. – 50 м, шир. – 14 м, осадка – 6 м, что соответствует водоизмещению линейного корабля XVIII в. ок. 3000 т.
2. Конструкция корпуса корабля: дубовый киль; шпангоуты толщ. 400x300 мм; шпация – 800 мм; обшивка: наружная – толщ. 100–150 мм, внутренняя – 50–100 мм.
3. Рангоут: бом-брам-стенга дл. 10,5 м по таблице А. Л. Глотова соответствует 74-пушечному линейному кораблю.
4. Крепления: медные кованые нагели диам. 15 мм, дл. до 600 мм.

---

<sup>3</sup> Открытый лист № 33 на имя к. и. н. К. А. Шопотова. Состав экспедиции – 23 чел.; руководитель экспедиции – капитан 1 ранга, президент общества "Память Балтики", к. и. н. К. А. Шопотов; научный консультант – к. и. н. П. Е. Сорокин (ИИМК РАН); эксперт по подводной археологии – А. С. Голенцов (ИИМК РАН); руководитель подводных спусков – инструктор-водолаз международного класса В. Я. Поляков.



Шведский 74-пушечный линейный корабль  
"Lovisa Ulrika", пошедший 22 июня 1790 г.  
в Выборгском морском сражении.  
Найден 8.VIII.1996 г. на глубине 15 м.  
на банке Ляаслуото экспедицией  
общества "Память Балтики"

Найденник подводно-археологической экспедиции  
общества "Память Балтики", к. и. п.  
капитан 1 ранга ..... Шонотов К.т.

Рис. 18. Остатки шведского линейного корабля корабля "Lovisa Ulrika".

5. Вооружение: станок палубного орудия (1180x920x580 мм.); книптели; пушечные ядра трех калибров; свинцовые пули для мушкета, которые в мешочках развешивались на вантах линейных кораблей XVIII в. для стрелков-снайперов, поражавших командный состав кораблей противника.

6. Корабельные системы: дубовая деревянная труба водоотливного насоса диам. 205 мм, дл. 3600 мм со следами металлических бандажей 860 мм; обожженные куски керамической плитки – по оценке проф. Стокгольмского университета, научного консультанта музея “Vasa” Carla Olafa Cederlunda, строительные остатки камбуза деревянного корабля XVIII в.; куски свинцовой обшивки подводной части корпуса корабля, мачтовый эзельгофт, штагюферс и в целом мощный набор корпуса корабля.

По экспертной оценке заведующего сектором хранения моделей и корабельной техники Центрального военно-морского музея А. Л. Ларионова, все перечисленное принадлежит крупному деревянному парусному кораблю XVIII в. водоизмещением 3000 т.

Таким образом, мы считаем, что в ложбине у СВ оконечности банки Пааслуото найден корпус самого крупного шведского 74-пушечного линейного корабля “Lovisa Ulrika”, погибшего 22 июня 1730 г. в Выборгском морском сражении при посадке на подводные камни банки Пааслуото. Штормовая волна снесла разбившийся корабль с острых камней банки Пааслуото и практически затопленный протащила на несколько кабельтовых в ложбину на 15-метровую глубину, где время, течения, волны и льды разместили всю верхнюю надстройку, палубы, сохранив врезавшийся в песок киль с полной конструкцией нижней части корпуса корабля (рис. 18).

Поднятые реликвии пополнили Музей подводной археологии экспедиции общества “Память Балтики” в Выборгском краеведческом музее.

ГЛОТОВ А. Л. 1816. Изяснение принадлежностей къ вооружению корабля. СПб., с. 79–86.

МОРСКОЙ АТЛАС. 1950. Т. 3, ч. 1. Описание к картам. ГМ ВМФ, с. 332;

РАПОРТ АДМИРАЛА В. Я. ЧИЧАГОВА. 1790. // Санкт-Петербургские ведомости № 58, 10 июля 1790 г.

РГА ВМФ, Фонд 315, оп. 1, д. 683, с. 1–50.

Svenska Flottans Historia. 1943. Т. 2., s. 523.

### III. ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

#### ТЕМАТИЧЕСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "КУРГАН: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И РЕКОНСТРУКЦИИ"

23–25 апреля 1996 г. на кафедре археологии исторического факультета Санкт-Петербургского Гос. Университета состоялась тематическая научная конференция "Курган: историко-культурные исследования и реконструкции". На открытии конференции присутствовало 79 чел., на последующих заседаниях – ок. 40 чел. (в среднем). Всего в оргкомитет конференции поступило 40 тезисов докладов, <sup>4</sup> заслушано – 32 доклада. В работе конференции приняли участие специалисты из ведущих научных центров: СПбГУ, Института истории материальной культуры РАН, Гос. Эрмитажа, Российского Этнографического музея. Особо следует отметить участие археологов из Алтайского (С. П. Грушин, П. К. Дашковский), Московского (Н. Н. Милютина) и Тверского (Е. В. Скукина) Гос. Университетов, Центра археологических исследований Управления госконтроля охраны и использования памятников истории и культуры г. Москвы (В. Ю. Коваль).

Древние погребальные комплексы – курганы – одно из наиболее ярких и универсальных явлений мировой культуры. Изучение подобных древностей (независимо от их культурной и временной принадлежности) уже давно составило самостоятельное направление как полевых, так и кабинетных археологических исследований, включающее в себя множество аспектов. Некоторым из них, доминирующим на современном этапе изучения курганных сооружений, и были посвящены доклады участников конференции.

*Методика исследований и реконструкции курганов* рассматривалась в докладах Е. М. Колпакова и В. А. Назаренко, Ю. М. Лесмана, И. П. Лазаретова, К. В. Чугунова, Н. Н. Милютиной, Н. И.

---

<sup>4</sup> Все представленные на конференцию тезисы докладов были опубликованы в сборнике "Курган: историко-культурные исследования и реконструкции. Тезисы докладов тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 1996 г.", СПб., 1996.

Петрова. Актуальность этого круга вопросов прежде всего связана с внутренней противоречивостью археологических раскопок, о чем говорилось в докладе Ю. М. Лесмана “Внутренние противоречия методики раскопок средневековых курганных могильников лесной зоны Восточной Европы”. Как убедительно показал автор, учет подобных противоречий, является необходимым элементом полевых изысканий, позволяющим “маневрировать”; в ходе раскопок различными методическими приемами. Вопросы реконструкции последовательности возведения и внешнего облика курганных сооружений были затронуты в докладах И. П. Лазаретова “Конструктивные особенности окуневских погребальных комплексов” и Н. Н. Милютиной “Изучение и реконструкция кургана 2 Выбутской курганной группы Псковского района Псковской области”.

*Динамика погребального обряда*, возможности и методические принципы ее фиксации в археологических материалах – данному “блоку” вопросов были посвящены доклады А. В. Бехтера, С. П. Грушина, Г. В. Дзибеля, Е. Д. Паульса, А. Г. Фурасьева, С. Ю. Каргапольцева, С. В. Бельского и А. И. Волковицкого, А. А. Панченко и Н. И. Петрова. Очевидно, что отмеченный аспект “курганной” проблематики напрямую связан с классификацией погребальных древностей. Неоднозначность существующих на сегодняшний день классификаций погребальных памятников культуры псковских длинных курганов отмечалась С. Ю. Каргапольцевым в докладе “К вопросу о погребальном обряде памятников типа Линдора-Полибино”. Обстоятельства возникновения курганной погребальной традиции в культуре населения верхнего Поднепровья (в IV в. н. э.) и ее связь с культурой псковских длинных курганов рассматривались А. Г. Фурасьевым в сообщении “О появлении курганного обряда погребения в Поднепровье в середине I тыс. н. э.”. Доклад А. А. Панченко и Н. И. Петрова “Впускные труположения в сопках: археология и фольклор” был посвящен вторичному ритуальному использованию монументальных курганов Северо-Западной Руси в течение II тыс. н. э.

*Сакральные функции курганов и ритуальные сооружения*. Этот “блок” вопросов, связанный с исследованием курганных древностей как сакральных комплексов и представляющийся не менее важным, чем изучение курганов в качестве предметных воплощений

погребальных обрядов, был представлен на конференции докладами А. И. Готлиба, Е. Д. Паульса и М. Л. Подольского, П. К. Дашковского, Вл. А. Семенова, Д. В. Дубровского, И. А. Грачева, С. В. Панковой. Особая группа памятников Минусинской котловины – горные сооружения типа “све” – рассмотрена в докладе А. И. Готлиба, Е. Д. Паульса и М. Л. Подольского “Архитектурная организация сакрального пространства (горные сооружения типа «све» эпохи бронзы в Минусинской котловине)” как совокупность элементов культурно-исторического ландшафта, связанных с его сакральным осмыслением. Вопросам интерпретации памятников “камешковского” этапа таштыкской культуры (в качестве погребальных сооружений, или же – как поминов) и их культурной принадлежности был посвящен доклад С. В. Панковой “О памятниках «камешковского» этапа таштыкской культуры”.

*Курган как исторический источник* рассматривался в докладах А. М. Бутягина, В. Н. Седых, А. К. Петрова, К. А. Михайлова, И. О. Попова, Н. И. Платоновой, Е. В. Скукиной, Я. В. Френкеля, В. Ю. Коваля, А. А. Селина, К. В. Вещняковой, Д. Н. Щеглова. Анализ курганных сооружений как исторических (в узком смысле этого слова) источников давно стал одним из приоритетных направлений исследований данной группы древностей. Вопрос о связи больших курганов Киевской Руси с социально-политическими процессами рассматривался в докладе В. Н. Седых “Большие курганы в культуре Древней Руси”. К одному из подобных памятников (в урочище “Плакун”) привлек внимание участников конференции К. А. Михайлов “Две традиции сооружения высоких погребальных насыпей в Старой Ладобе”, связавший его с синхронными скандинавскими погребальными древностями. Вопросом изучения демографической ситуации по материалам раскопок древнерусских курганов Избрижского могильника был посвящен доклад Е. В. Скукиной “К изучению демографии древнерусского населения Тверского Поволжья (по материалам Избрижского некрополя)”. Я. В. Френкель в докладе “Изделия из стекла в древнерусских курганах” рассмотрел данную категорию находок в связи с вопросом о центрах стеклоделия и путях распространения подобной продукции на Руси. В докладе А. А. Селина “Оредежские сошки в позднесредневековых письмен-



ных источниках” были охарактеризованы малоизвестные сведения поземельных описаний XVI–XVII вв. о курганных сооружениях Северо-Западной Руси – сопках.

Основной темой выступлений участников конференции на заключительном заседании была очевидная актуальность и плодотворность “межрегионального” обсуждения различных аспектов “курганной” проблематики; особо подчеркивался высокий уровень проведения конференции. Думается, что не менее результативным было бы подобное же обсуждение и иных “блоков” историко-культурной проблематики, в том числе – вопросов археологического изучения поселений.

***Н. И. Петров, Д. Г. Савинов***

#### **4-й МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ (КОЛЛОКВИУМ) “КАВКАЗ В СИСТЕМЕ ПАЛЕОМЕТАЛЛИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ЕВРАЗИИ”**

В апреле 1996 г. в Грузии (Телави-Сигнахи) состоялся IV Международный симпозиум (коллоквиум), посвященный проблеме “Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии”. Он проходил под названием “Культуры Кавказа эпохи энеолита, бронзы и раннего железа и окружающий мир”. Его организаторами были Кахетинский научный центр АН и Институт доистории и древней истории Тюбингенского Университета (Германия). В работе коллоквиума принимали участие ученые Азербайджана, Грузии, Германии, Польши, России, Турции. Параллельно с докладами и дискуссиями осуществлялись выезды на памятники, ознакомление с музейными коллекциями. В процессе работы коллоквиума в рамках общей проблемы обсуждались следующие темы: 1) ведущие признаки культуры Кавказа и окружавших его стран в период энеолита, бронзы и раннего железа; 2) хронология, периодизация и номенклатура палеометаллических культур Циркумпонтийской зоны. Кроме того, отдельные доклады были посвящены вопросам генезиса культур, культурных контактов, общественного устройства.

Первой особенностью коллоквиума на этот раз следует считать *широкое подключение к работе серии новых памятников*, с материалами которых знакомили их исследователи. Среди них ключе-

вое значение для всей т. н. Циркумпонтийской зоны имеют поселения с четкой стратиграфической колонкой на территории Турции – Караз, Тепеджик, Тюлентепе, Норшунтепе, Марамара (у. Есин, г. Егемиз, с. Гелиюль, с. Килич), послойные материалы которых способствуют синхронизации анатолийских культур с кавказскими на востоке и с карпато-дунайскими на западе; особое место среди них принадлежит Трое (М. Корфман). В результате этих исследований установлено, что тесные кавказско-анатолийские связи существовали в течение всего периода палеометалла, вывод этот, раздвигающий границы “научного пространства”, открывает широкие перспективы для совместных работ кавказских и турецких археологов. Вторая особенность коллоквиума – усиление внимания к проблемам древней металлургии и металлообработки как на Кавказе (Г. Инанишвили, Ш. Чартолани, Д. Хухутайшвили, М. Барамидзе), так в Европе (Е. Перничка) и в Анатолии (А. Хауптман, Ю. Ялчин). В программу коллоквиума был включен также осмотр горных выработок в Грузии. Отдельные доклады касались вопросов генезиса локальных культур, социального толкования некоторых памятников и др. После докладов проходили оживленные дискуссии.

В Кахетии участники коллоквиума посетили исторические музеи г. Телави, с. Гурджани, дом-музей А. Чавчавадзе в с. Цинандали, а также средневековые храмы в сс. Алаверды, Икалто и духовную Академию в Шуамта. Один из дней был посвящен осмотру исторических памятников и музея г. Мцхета. В мцхетском научном центре заслушан доклад вице-президента АН Грузии академика А. М. Апакидзе и В. Николайшвили, посвященный проблемам хранения и консервации археологических материалов. В последний день работы коллоквиума его участники познакомились с экспозицией и фондами Гос. ист. музея Грузии (Тбилиси).

На заключительном заседании были подведены итоги коллоквиума. Констатирован высокий научный уровень заслушанных докладов и значительное продвижение в деле решения основной проблемы коллоквиума. Принято постановление о необходимости созыва международных симпозиумов-коллоквиумов на базе научного центра Кахетии и организации совместных археологических экспедиций как на территории Кавказа, так и на территории Турции.

Коллоквиум проходил под общей идеей международного сотрудничества, воплощенной, в частности, в организации “Союз черноморских государств”. В русле работы межпарламентского комитета этих государств, занимающегося научными и культурными связями, коллоквиумом учрежден кавказско-анатолийский археологический комитет. Одновременно участники коллоквиума направили письмо президенту Республики Грузия Э. Шеварднадзе в поддержку общественного движения “Мирный Кавказ”.

*К. Х. Кушарева*

### **МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “ЖРЕЧЕСТВО И ШАМАНИЗМ В СКИФСКУЮ ЭПОХУ”**

10–11 декабря 1996 г. ИИМК РАН и Гос. Эрмитажем в рамках проекта “Скифо – Сибирика” при поддержке Российского гуманитарного научного фонда проведена международная конференция “Жречество и шаманизм в скифскую эпоху”. В работе конференции приняли участие исследователи Санкт-Петербурга, Москвы, Новосибирска, Тюмени, Киева, Владикавказа, Штутгарта и Мюнстера. Поступили тезисы докладов археологов из Абакана, Алматы, Кызыла и Самарканда.

Затронутые на конференции проблемы касались религиозных систем и мифологии древних кочевнических обществ, реконструкции мифологической картины мира и ее пространственной ориентации, погребального обряда и интерпретации других археологических источников, раскрывающих идеологические представления обитателей Евразийской Скифии и сопредельных ей территорий. На конференции заслушано 18 докладов, различных по информационному уровню и масштабности поставленных задач.

Первая группа докладов, представленных Н. А. Боковенко, Д. А. Мачинским, Вл. А. Семеновым, Д. В. Черемисиным и А. В. Запороженко, А. Г. Янковым, была посвящена *генезису и развитию жречества и шаманства в кочевнических обществах*.

Н. А. Боковенко выступил с докладом “Проблема реконструкции религиозных систем кочевников Центральной Азии в скифскую эпоху”, основным выводом которого было заключение, что система религиозных представлений кочевников Центральной Азии в

скифскую эпоху представляла собой синтез шаманизма, северного варианта буддизма и восточного варианта зороастризма, которую автор условно называет “саяно-алтайской”.

Доклад Д. А. Мачинского “Земля аримаспов в античной традиции и “простор ариев” в Авесте” посвящен определению гипотетической прародины одноглазого народа аримаспов, известного по скифскому рассказу Геродота, и прародины ариев. Первых автор помещает в северо-восточную часть Казахстана, которые по его предположению до VII в. до н. э. могли жить и еще восточнее в Джунгарии, Туве или Западной Монголии. Авестийский же “простор ариев” соотносится с горами Западного Алтая, оз. Зайсан и впадающими в него реками. Доклад был прочитан с большим эмоциональным подъемом и вызвал некоторую полемику.

Вл. А. Семенов в докладе “Некоторые шаманистические элементы в культуре ранних кочевников Тувы” опирался на собственные полевые наблюдения в Монгун-Тайге, где им обследованы каменные геометрические конструкции ранних кочевников, и связал эти памятники с представлениями современных тувинцев о “дороге хозяина гор и лесов” (“орантагды эззинии аргыр оруу”).

Д. В. Черемисин и А. В. Запороженко (Новосибирск, Кемерово) в своем докладе провели серьезный и взвешенный анализ феномена “пазырыкского шаманизма”. Они показали, что якобы существующие в Пазырыке музыкальные инструменты – роговые “барабаны”, являются в действительности роговыми сосудами бокаловидной формы, и призывали к более серьезному анализу мифо-ритуального комплекса ранних кочевников Евразии в контексте индо-иранской мифологической традиции.

Психическим процессам, лежащим в основе феномена шаманства, был посвящен доклад А. Г. Янкова.

Вторая группа докладов тематически связана с *культами и ритуалами, реконструируемыми по археологическим источникам*. Хронологически здесь самый ранний пласт религиозных представлений затрагивал доклад Г. Бургер (Штутгарт), которая продемонстрировала новые художественные памятники из гротов Шове, Арси сюр Кюр и палеолитических стоянок Южной Германии, и поставила ряд вопросов о связи первобытного искусства с охотничьей магией и единении шамана с животным.

Э. Б. Вадецкая сделала ценный доклад, основанный на археологических данных и проследила определенные закономерности генезиса нагрудных атрибутов в погребениях окуневской, карасукской и тагарской культур. По ее заключению атрибуты нагрудников с окуневского времени и включая позднетагарские находят аналогии у народов Севера Сибири, преимущественно у самодийцев.

Г. В. Длужневская проанализировала погребально-поминальную обрядность енисейских кыргызов и пришла к выводу, что последние в основной своей массе являлись шаманистами.

В. Ю. Зуев подверг сомнению принадлежность ряда савроматских погребений женщинам-жрицам, связав якобы жреческий погребальный инвентарь с косметическими наборами.

С. В. Красниенко в своем докладе о впускных захоронениях в татарских курганах сделал упор на элементы погребальных конструкций таких как ограды, входы в ограды, склепы, способ погребения умерших, несущих наибольшую идеологическую нагрузку. Для их интерпретации он предложил ряд этнографических параллелей.

Н. П. Матвеева (Тюмень) представила результаты анализа 800 погребений из 45 могильников саргатской культуры. На основании этой базы данных было отмечено отсутствие корреляции между наличием культовых предметов при умерших и следами ритуальных действий у могил и рвов, выявлен культ предков-вождей, с которыми связал обряд жертвоприношения коня. На фоне стабильности и традиционности основ мировоззрения "саргатцев" отмечаются и известные различия в барабинском и притобольском ареалах культуры.

Д. Г. Савинов опираясь на фактические материалы из больших пазырыкских курганов и внутреннюю исследовательскую интуицию, очень живо и достоверно реконструировал "пазырыкскую" заупокойную мистерию и выделил те вещи, которые попали в курганы не как погребальный сопроводительный инвентарь, а принадлежали непосредственным исполнителям культа — адептам кочевнической религии.

К. В. Чугунов сделал сообщение о новых раскопках в Туве и продемонстрировал погребальный комплекс с кенотафом. Он обратил внимание на связь между мелкими камешками, обнаружен-

ными на уровне перекрытия сруба, и обычаем скифов, зафиксированным в античных источниках: плохо или хорошо проведенный день отмечать черным или белым камешком.

Четыре доклада были посвящены *религиозно-мифологическим представлениям в изобразительном искусстве скифов*.

Г. Н. Вольная (Владикавказ) исследовала семантически-смысловую нагрузку прикладного искусства народов Притеречья. В ее докладе использовались широкие аналогии из индо-иранской мифологии, нартского эпоса, этнографии народов Северного Кавказа. Особо подчеркивалась роль коня в идеологии скифов и других кавказских народов.

М. Е. Килуновская рассмотрела наскальные изображения Центральной Азии через призму мифологических представлений ранних кочевников, реконструируемых в свою очередь на основании бурятской, тувинской, алтайской этнографии с одной стороны, и привлечением индо-иранской и тюркской мифологии – с другой. Такой комплексный подход позволил проследить сохранение роли петроглифов в живой культуре народов Саяно-Алтайского нагорья, вычленив в ней глубинные “археологические” пласты и сделать важные выводы о частичном замещении жертвенного животного его изображением на скале.

Д. С. Марсадолов в оригинальном докладе “Пазырыкский грифон и современность” высказал серьезную озабоченность, вызванную помещением грифона на герб народа Респ. Алтай, поскольку грифон не может выступать в качестве символа и защитника и концентрирует в себе различные антивитальные потенции.

Д. Метцлер (Мюнстер) посвятил свой доклад разбору золотой пекторали из кург. Толстая могила на Украине. Он провел сравнительный филологический и культурологический анализ сцены растягивания бараньей шкуры двумя мужчинами в центре пекторали и указал на универсальный характер данной мифологемы.

В блоке докладов “*Жрецы и научные представления об окружающем мире*” прозвучало выступление, подготовленное Н. И. Кузнецовым, Л. С. Марсадоловым и Н. Г. Сегединой о каменных воротах из кургана Салбык, и котором говорилось о полевых исследованиях этого уникального мегалитического памятника археологами в содружестве с биофизиками.

Итоги конференции были подведены не длительной, но энергичной дискуссией, в которой приняли участие Д. Г. Савинов, Д. А. Мачинский, Вл. А. Семенов, Н. П. Матвеева, В. Ю. Зуев, Л. С. Марсадолов, Н. А. Боковенко, Э. Б. Вадецкая и др.

**Вл. А. Семенов**

### **МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЕ ПРИАЗОВЬЕ В СИСТЕМЕ ЕВРАЗИЙСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ (ЭНЕОЛИТ – БРОНЗОВЫЙ ВЕК)”**

Конференция “Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век)” была организована Донецким Гос. Университетом, Донецким НЦ НАНУ, Институтом археологии НАНУ, Институтом истории материальной культуры РАН, Воронежским Гос. Университетом, Донецким областным Дворцом детского и юношеского творчества и Донецкой областной организацией Украинского общества охраны памятников истории и культуры. В работе конференции приняли участие специалисты Киева, Донецка, Днепропетровска, Симферополя, Запорожья, Одессы, Енакиева, Перевальска, Фастова, Санкт-Петербурга, Воронежа, Самары, Саратова и т. д.<sup>5</sup>

Зачитанные на конференции доклады по тематике делятся на несколько групп. Первая группа – *общие вопросы*. Конференция открылась докладом В. С. Бочкарева “Новые данные о структурах депонирования металлических изделий в позднем бронзовом веке Европы”. В докладе дан обзор и характеристика всех основных видов металлосодержащих источников – кладов, погребений, единичных случайных находок и т. д. Установлено, что в ряде европейских регионов эти источники имеют реверсионные связи (обратная корреляция). Так, многие клады можно рассматривать как совего рода эквивалент металлического инвентаря, тем самым подтверждая их вотивный характер. По мнению Бочкарева, исследование структур депонированных металлических изделий открывает новое направление в современной археологии.

---

<sup>5</sup> По материалам конференции изданы тезисы в двух томах: “Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей”, изд-во ДонГУ.

Доклад А. Д. Пряхина был посвящен так называемой покровской проблематике. Докладчик признал реальность существования памятников покровского типа. Он их рассматривает как позднейшее звено абашевской общности и, вместе с тем, как начальный этап срубной культуры. Процесс культуругенеза докладчик понимает как непрерывную и плавную эволюцию от одной эпохи к другой. В методическом отношении это хорошо известная схема, популярная в советской археологии в 30–40-х гг.

Вторая группа докладов была посвящена *новым материалам* (С. Д. Лысенко, Н. Б. Моисеев, Д. Л. Тисленко, Е. В. Яровой, А. Н. Горбов, А. Н. Учасук и др.). Третья группа – *доклады по культурно-хронологической интерпретации и периодизации*. Здесь можно отметить доклады Ю. Я. Рассамакина по соотношению среднестоговских памятников с трипольскими; В. И. Беседина о микенском орнаменте в Восточной Европе; В. В. Отрошенко об изображениях колесниц на различных изделиях; О. В. Кузьминой об абашевской культуре Поволжья и южного Урала; Э. С. Шарафутдиновой о восточной и северо-восточной границах распространения бабинской керамики (КМК) и др. По ряду докладов возникла острая дискуссия: И. Ф. Ковалева по докладу Ю. Я. Рассамакина; В. С. Бочкарев по докладу В. И. Беседина.

Четвертая группа – *доклады о применении естественно-научных методов при изучении природных условий* (почвы, климат и т. п.) для палеореконструкции природной среды и рассмотрения вопросов взаимодействия природы и общества.

Особо следует отметить группу докладов, представленных молодыми донецкими археологами О. В. Дубинец, Е. В. Кабанова, Р. А. Мимоход, В. Б. Поплавский, И. А. Чубатенко (рук. В. Н. Горбов и А. Н. Учасук). Эти доклады были посвящены анализу материалов поселений, раскапывающихся в течение ряда лет. По общему мнению эти работы выполнены на достаточно хорошем методическом уровне.

Заслугой оргкомитета является предоставление возможности непосредственного научного общения между археологами России и Украины.

**Э. С. Шарафутдинова**



Общественность и правительство Киргизии планирует отметить 3000-летие одного из крупных центров республики – г. Ош. Издан Указ президента Кыргызской Республики А. Акаева “О проведении празднования 3000-летия Оша”. Г. Бишкек. 5 марта 1996 г. Приводим основную часть текста Указа: “Учитывая, что Ошское поселение является одним из самых древнейших в Центральной Азии, занимает особое место в истории и культуре Кыргызстана, становлении его государственности, а также принимая во внимание многочисленные предложения общественности страны, постановляю:

1. Объявить 2000 год Годом всенародного празднования 3000-летия Оша”. Далее следует постановление об образовании национального оргкомитета, на который возлагается ряд ответственных мероприятий.

Обычно Ош – областной центр Южного Кыргызстана знают значительно меньше, чем такие всемирно известные города-памятники как Самарканд, Бухара, Хива. Уже после первого сезона раскопок на склоне Сулейман-Горы мы вместе с Е. В. Дружининой пришли к заключению, что возникновение древнего Ошского поселения на Сулейман-Горе, на территории современного города относится и рубежу II–I тыс. до н. э. и следовательно история Оша насчитывает не менее 3000 лет. (Заднепровский, Дружинина 1977: 584). Наше предположение, высказанное 20 лет назад, казалось фантастическим, немыслимым. Однако, в свете Указа Президента А. Акаева этот феномен переходит в русло практического осуществления проекта “Ош – 3000”.

Обоснование возраста Оша по археологическим данным опирается преимущественно на результаты исследований проведенных в 1976–84 гг. (с перерывами) Ферганской экспедицией ЛОИА АН СССР. Эти работы проведены под моим руководством и при активном участии Е. В. Дружининой (от Областного музея). Они стали возможным благодаря содействию и поддержке руководства области (Т. Х. Кошоева, Р. С. Култанова) и города, а также благодаря самоотверженной работе студентов ОшПИ. Все

добытые на Ошском поселении археологические материалы были переданы в фонды Ошского музея.

Ошское поселение на южном склоне живописного хребта Сулейман-Гора открыто весной 1976 г. Е. В. Дружининой во время проведения дороги к строящемуся на горе зданию музея, и в том же году Ферганской экспедицией был заложен небольшой раскоп. В ходе последующих работ на склоне горы выявлено не менее 10 террас, на которых открыто разной сохранности 14 землянок.

Наибольший интерес вызывают 3 овальные землянки на нижней террасе, в которых открыта система столбов, служившая для перекрытия. В центре вокруг очага вырыты 4 глубокие ямы и, следовательно, эти постройки являются четырехколонным помещением с центральным отверстием. Вдоль периметра шел ряд ям для стоек и на полу расчищено 50–70 ямок для стержней загадочного назначения. Ошские землянки по конструкции аналогичны землянке, ранее открытой мною на Дальверзинском столичном поселении. Это сходство дает основание синхронизировать комплексы Ошского и Дальверзинского поселений и относить их к начальному периоду чустской культуры Ферганы. По аналогии с Дальверзином, можно допустить культовое назначение их, которое вместе образуют подобие позднейших “Алау-хона”.

Доказательством возраста Ошского поселения, помимо сравнения с лучше изученными памятниками, служат три радиоуглеродные даты, образцы которых взяты из перекрытых хозяйственных ям в землянках. По новейший калиброванной системе их возраст следующий:<sup>6</sup>

ЛЕ 1485 – 1962 cal BC ... 1960 cal BC

Приводятся интервалы в 1 сигму

ЛЕ 1654 – 828 cal BC ... 796 cal BC

ЛЕ 1655 – 1380 cal BC ... 1346 cal BC

Радиоуглеродная хронология чустской культуры Ферганы основана на 10 датах из Дальверзина, Чуста и Оша, расположенных в разных частях долины. Образцы взяты также в разные

---

<sup>6</sup> Все анализы проведены в Радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН. За любезную помощь в калибровке по методу Сизтл – Гронинген приношу искреннюю благодарность Г. И. Зайцевой.

годы (Заднепровский, Марков 1989: 65–69). Следовательно, Ош оказывается самым древним городом Центральной Азии.

Приведенные определения по радиоуглеродной хронологии являются достоверным основанием датировать возраст Ошского поселения концом 2-й пол. II тыс. – нач. I тыс. до н. э. Наша датировка – рубеж II–I тыс. до н. э. – принята в литературе, в частности, в обобщающем труде “Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии” (Сарианиди, Кошеленко 1985: 193).

До празднования трехтысячелетия Оша все спорные и нерешенные вопросы будут обсуждаться на четырех ежегодных всемирных научно-практических конференциях в г. Оше.

ЗАДНЕПРОВСКИЙ Ю. А., ДРУЖИНИНА Е. В. 1977. Работы в Южной Киргизии // Археологические открытия 1976 г. М., с. 584.

ЗАДНЕПРОВСКИЙ Ю. А., МАРКОВ Ю. Н. 1989. Хронология чустской культуры Ферганы в свете новейших радиоуглеродных данных // ИАН Кирг. ССР. СОН. В. 2, с. 65–69.

САРИАНИДИ В. И., КОШЕЛЕНКО Г. А. 1985. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., с. 193.

**Г. В. Длужневская**

### **КОМПЛЕКТОВАНИЕ И НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФОТОАРХИВА ИИМК РАН в 1986–1996 гг.**

#### **Комплектование.**

Изменение названия учреждения в 1991 г. для фотоархива было спасением – отныне все фотодокументы, хранящиеся в архиве, стали профильными, ибо все они отражают “материальную культуру”. В связи с этим расширились возможности комплектования и нет опасности, что вышестоящие архивные структуры потребуют списания непрофильных материалов, как это произошло в 70-х гг., когда заодно с дореволюционными снимками с картин Русского музея, например, списали и некоторые материалы по киевской Десятинной церкви (т. е., чисто археологические).

С 1986 г. в фотоархиве образовано 14 новых фондов:

1) Фонд № 59 – археолога, доцента кафедры археологии ЛГУ А. В. Давыдовой (1052 нег., 1060 отп.). Фонд включает материалы по археологии Забайкалья, в том числе таблицы находок из Иволгинского комплекса – Большого и Малого городищ и могильника.

2) Фонд № 66 – археолога А. Д. Грача (2550 нег.). Материалы по археологическим работам в Туве в 1957–1962 гг.; по раскопкам в Ленинграде, в том числе могилы С. П. Крашенинникова и подготовительные материалы к изданию книги “Археологические раскопки в Ленинграде”.

3) Фонд № 67 – художника-архитектора М. А. Петухова. Материалы поездок по Туве (участие в работах А. Д. Грача в 1962–1976 гг.) и Алтаю (виды, снимки археологических памятников).

4) Фонд № 60 – историка-археолога М. П. Грязнова. Фонд включает не менее 100000 ед. хр. – негативов и отпечатков. Материалы по археологии и антропологии, начиная с 1929 г. (Алтайская экспедиция 1929 г., Северо-Алтайская 1947 и 1949 гг., Новосибирская 1953–1954 гг., Иркутская 1959 г., Красноярская экспедиция 1960-х – 1970-х гг. и Аржанская 1971–1974 гг.). Материалы по археологии и архитектуре Средней Азии. Снимки городских пейзажей Петербурга 1970-х – 1980-х гг.

5) Фонд № 58 – археолога П. Н. Третьякова (53 нег., 53 отп.). Материалы отражают жизнь фондообразователя и его общественно-научную деятельность.

6) Фонд № 62 – архитектора И. Б. Медведева (64 отп.). Фонд включает материалы по архитектуре Вологодской губернии в снимках 1906–1911 гг. Предполагается, что все материалы – не менее 10000 ед. – постепенно поступят в фотоархив ИИМК РАН.

7) Фонд № 64 – московского экономиста М. М. Казаса (175 отп.). Фонд включает материалы по этнографии Тверской губернии (1890-е гг.); по архитектуре Турции (1920-е гг.), Франции и Германии (1870-е гг.), Юго-Восточной Азии. Предполагается поступление материалов по караимам.

8) Фонд № 69 – военного историка Т. И. Воробьева (45 папок). Памятники архитектуры России и особенно монументальная скульптура, связанная с военной тематикой; фотооткрытки 1950–1960-х гг. с видами городов бывш. СССР, Крыма, Кавказа.

9) Фонд № 61 – биолога М. Н. Потоцкого и преподавателя английского языка СПбГУ И. А. Погаповой. Материалы – отпечатки и негативы – по путешествию художника И. Я. Билибина на Восток в 1924–1925 гг., по заданию ИАК в 1904–1905 гг. – на русский Север; открытки и съемка материалов из музеев Египта,

Франции. Материалы по Петербургу. Материалы, связанные с Императором Николаем II. Фонд обещает стать одним из самых крупных в архиве, но на настоящий момент не обработан.

10) Фонд № 68 – историка В. А. Калинина – включает современные снимки с памятников архитектуры городов России и снимки, отражающие современную обрядность.

11) Фонд № 70 – фотографа С. А. Арсентьева. Снимки Кронштатской крепости и фортов, современного Петербурга.

12) Фонд № 71 – архитектора В. Н. Борисова. Материалы по архитектуре Бахчисарая и, в частности, Успенского монастыря, ныне возрождаемого к жизни.

13) Фонд № 65 – института “Ленпроектреставрация” в Санкт-Петербурге (23 нег., 286 отп.). Снимки церкви Святой Ольги в Михайловке и Святого Николая Чудотворца на Братском кладбище г. Севастополя. Натурная съемка и архивные материалы по Владимирскому собору над могилами адмиралов в г. Севастополе.

14) В связи с сокращением объема полевых исследований материалы собственно сотрудников института поступают в меньшем, чем ранее объеме (ранее до 20000 ед. хр., теперь – не более 2000). Материалы откладываются в фонде № 63 – ИИМК РАН.

В 1995 г. фотоархив получил одноразовое финансирование (3,5 млн. рублей) от Фонда “Регионального развития Санкт-Петербурга” и смог сделать 400 отпечатков с негативов архива и 50 негативов с угасающих фотографий по Петербургу. Благодаря Фонду удалось произвести докомплектование петербургских материалов, но это только малая толика из того, что требует реставрации, репродуцирования, создания страхового фонда в виде сканированных и/или оцифрованных изображений на лазерных дисках. Именно так сохраняются зарубежные архивы.

### **Научно-просветительская и выставочная деятельность.**

Временные выставки – по линии Всероссийского Общества востоковедов – “Восточные корни венгерской культуры” (12 ед.; виды Пазырыкской долины, этнография бурят), “Северный ислам” (39 ед.; памятники исламской архитектуры Крыма, Северного Кавказа, Татарстана, Туркестана, мечеть в Петербурге).

Три временные выставки – в рамках программы “Храм” – в Научной библиотеке Академии художеств в СПб. – “Погибшие

алтари Петербурга” (32 ед.; внешние и внутренние виды утраченных храмов Петербурга, в том числе – ныне возрожденной домово́й церкви Академии художеств), “Русская православная церковь за границей” (41 ед.; православные храмы в Вене, Дармштадте, Париже, Сен-Стефано, Румынии и Македонии), “Деятельность графов Уваровых” (7 ед.; портреты Уваровых, коллективные портреты участников Археологических съездов).

К 30-летию Саяно-Тувинской эксп. ЛОИА АН СССР – постоянные выставки в Кызыльском и Шагонарском им. А. Д. Грача музеях, отражающие деятельность экспедиции в 1965–72 гг. (104 ед.).

Временная выставка в Областном музее в Санкт-Петербурге (Галерея на Литейном, 57) – “Поездки И. Я. Билибина на Русский Север по заданию ИАК и в Сирию, Палестину, Египет в 1920-х годах”.

Выставки-однодневки “Архитектор Ипполит Монигетти” (12 ед.) в Центральном Выставочном зале СПб. и “Генуя в фотографиях фотоархива ИИМК РАН” (39 ед.) в РГПБ.

Выставки в ИИМК РАН – к Пленумам, юбилейным чтениям и т. п. (например, “Деятельность РАО” к Пленуму 1996 г.).

Сотрудники фотоархива принимают активное участие в конференциях и семинарах с докладами по материалам архива. Список литературы по фотоархиву ныне насчитывает 45 работ (до 1984 г. – 7). Заинтересованные лица могут ознакомиться с ним в читальном зале фотоархива.

Постоянно читаются лекции для школьников и студентов Санкт-Петербурга. С 1989 г. в рамках договора с УрГУ (Екатеринбург) проходит архивная практика студентов архивного отделения исторического факультета, во время которой студенты слушают лекции по фондам и методике работы в фотоархиве и архитектуре СПб. Два последних года в архиве работали студенты из Академии культуры (СПб.) и из РГА (бывший историко-архивный институт, Москва). Сотрудники фотоархива никогда не отказывали в приеме иностранных гостей института, стараясь показать им материал по той стране, откуда они приехали (если таковой имеется). Эти контакты приносят фотоархиву пользу, поскольку иностранные гости могут помочь и иногда помогают в научной атрибуции материалов и таким образом расширяется информация о фотоархиве.

Подготовлена к печати брошюра “Фотоархив Института истории материальной культуры РАН”, содержащая обзор 71 фонда, списки литературы по фотоархиву и “200 тем”. Так условно назван список тем, по которым может быть организована издательская и выставочная деятельность на материалах фотоархива ИИМК РАН.

**Н. В. Алексеева, А. М. Бианки, Н. К. Жижина**  
**ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ**  
**ПО АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ, ИСТОРИИ РЕЛИГИИ**

Министерством культуры РФ и Министерством образования РФ с 14 по 20 апреля в Санкт-Петербурге будет впервые проводиться Всероссийская олимпиада по археологии, этнографии и истории религии. В подготовке и проведении олимпиады принимают участие Гос. Эрмитаж, Городской Дворец творчества юных, СПбГУ, Институт истории материальной культуры РАН, Институт антропологии и этнографии РАН, Государственный Российский музей этнографии в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербургская Православная Духовная академия и Государственный музей древнерусского искусства в Москве.

Местом проведения олимпиады Санкт-Петербург выбран не случайно: в кружках школ, музеев города, СПбГУ, учреждений дополнительного образования, накоплен огромный опыт работы с талантливыми детьми, существует система целевой профориентации, Городская олимпиада по археологии проводится с 1978 г. – как отдельная секция исторической олимпиады, а с 1993 г. – как открытая олимпиада по археологии. С 1980-х гг. СПбГДТЮ стал центром школьной археологии в России – на его базе проведены 5 Всесоюзных научно-методических семинаров для руководителей археологических и этнографических краеведческих молодежных объединений, собравших представителей около 100 городов России.

Основными задачами Всероссийской олимпиады школьников по археологии, этнографии и истории религии являются: 1) выявление в масштабах страны наиболее способных к гуманитарным исследованиям школьников; 2) формирование у подрастающего поколения ценностных ориентаций, приобретение широкой эрудиции в актуальных научных и политических вопросах культуры;

3) воспитание у юношества навыков и вкуса к научной работе, развитие творческого потенциала.

Основная тематика конкурсных работ – проблемы первобытной археологии, библейской и церковной археологии, античной археологии и культуры, скифо-сарматской археологии, славяно-русской археологии и древнерусского искусства, а также историография археологии, этнографическая история России, этнография зарубежных стран, современные культурно-этнографические процессы, история религий, нумизматика. Оценка конкурсных работ проводится по номинациям: 1) реферат; 2) исследование; 3) практическая разработка (полевой отчет, выполненный в соответствии со стандартными требованиями, или тематическая экскурсия).

Критерием оценки конкурсных работ являются содержание, новизна исследования, оформление, устная защита, общая ориентация в проблематике. Победители школьной олимпиады получают возможность участия в студенческих конференциях СПбГУ.

Анализ олимпиадных работ показал, что их тематика обычно обусловлена профессиональной специализацией научного руководителя. В СПбГДТЮ работают различные специалисты из гуманитарных научно-исследовательских институтов и музеев города (сектор археологии – 9 чел.), Гуманитарная лаборатория лицея (30 чел.). Между Дворцом и ИИМК РАН заключен договор о творческом сотрудничестве. Последние несколько лет Городская олимпиада по археологии проходит непосредственно в ИИМК.

**Н. В. Алексеева, А. С. Матвеев**  
(Санкт-Петербург, Берген)

### **АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ЕГИПЕТ И ПАЛЕСТИНУ**

Преподавание истории Древнего Востока поверхностно и схематично, в основном это множество дат и имен, социально-экономические отношения и войны. Документы эпохи, свидетельства древних авторов и, главное, археологические открытия, почти совсем не рассматриваются. В настоящее время школьники имеют возможность познакомиться с историей и культурой Востока более подробно. В гуманитарных гимназиях и лицеях читаются циклы спецкурсов по мировой художественной культуре, в которых



довольно подробно изучаются страны Востока. В секторе археологии, этнографии и истории религии ГДТЮ изучение культуры стран Востока ведется уже много лет по программам “Археология и культура стран Востока” (Н. В. Алексеева), “Библейская археология и история” (о. Александр Ранне), “Этнография зарубежных стран на материалах Кунсткамеры” (Е. А. Окладникова), “Крестовые походы. Взаимодействие культур Запада и Востока” (А. С. Матвеев). Школьники имеют возможность познакомиться с материальной культурой на экспозициях Гос. Эрмитажа и Кунсткамеры, трудятся в библиотеках, пишут рефераты и олимпиадные работы на материалах археологических памятников Востока. Но, главное – это путешествие в мир Востока.

Первая экспедиция была организована зимой 1994–95 г. в Палестину по приглашению Русской Духовной миссии в Иерусалиме. Это была паломническая поездка по Святой земле. “Палестина страна прошлого, страна воспоминания, страна пророков, царей, патриархов, но прежде всего Христа... Страна археологии и археологов, которыми руководит не жажда знаний и научной истины, а жажда религиозного удовлетворения при открытии новой реликвии, нового места увековеченного каким-нибудь фактом из земной жизни Христа” (Ростовцев). Мы жили в русском Горненском монастыре в Иерусалиме и по благословию Его блаженства Иерусалимского патриарха Диодора побывали в Вифлееме, в Хевроне у дуба Мамрийского, на берегах Галцлейского озера, поднимались на Фавор – гору Преображения. На месте Капернаума и в Назарете работают католические археологические экспедиции. Первый начальник Русской миссии в Иерусалиме Антонин Капустин при строительстве монастырских зданий на Елеонской горе собрал значительные археологические коллекции сто лет назад. Мы увидели сегодняшние раскопки Кумрана и Иерихона, встретились с учеными-археологами французского богословского института, ведущими раскопки храма Соломона, осмотрели огромный археологический музей Рокфеллера. Школьники приобрели новые знания, увидели Восток в исторической перспективе.

Вторая восточная экспедиция была в Египет в ноябре 1996 г. и длилась почти месяц. Школьники – члены археологических

кружков (15 чел.) были приглашены Генеральным директором службы Древностей для проведения культурно-ознакомительной практики. За время пребывания в Египте участники экспедиции совершили плавание по Нилу на парусной лодке-фелуке, познакомились с памятниками Верхнего Египта, древними храмами Карнака и Луксора. От Асуана поездом добрались до Каира, осматривали пирамиды. Благодаря коптам-христианам мы посетили несколько коптских монастырей на северной окраине Сахары, существующих еще с IV в.

Хочется надеяться, что сегодняшние школьники, которым посчастливилось побывать в Палестине и Египте, вырастут новыми исследователями Востока.

В. М. МАССОН

*Экспедиционные изыскания в научной процедуре и организационной структуре археологической науки* ..... 5

## I. ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И РАЗРАБОТКИ ИИМК РАН В 1996 г.

Л. В. ГОЛОВАНОВА, В. Б. ДОРОНИЧЕВ

*Изучение новой мустьерской стоянки на Северном Кавказе* ..... 8

З. А. АБРАМОВА, Г. В. ГРИГОРЬЕВА

*Работы на верхнепалеолитической стоянке Юдиново в 1996 г.* ..... 12

Г. Ф. КОРОБКОВА, В. Е. ЩЕЛИНСКИЙ

*Предварительные итоги исследования коллекции позднепалеолитической стоянки Segebro в Южной Швеции* ..... 14

В. Я. ШУМКИН

*Исследования на Кольском полуострове – некоторые итоги* ..... 19

Н. Н. СКАКУН

*Раскопки трипольского поселения Бодаки* ..... 22

В. А. ТРИФОНОВ

*Ландшафтные и культурные границы на Северо-Западном Кавказе в эпоху энеолита – бронзы* ..... 25

Н. А. БОКОВЕНКО

*Новый тип погребальных комплексов карасукской культуры* ..... 29

Вл. А. СЕМЕНОВ

*Могильник Сыпучий Яр – новый памятник алды-бельской культуры на правом берегу Улуг-Хема* ..... 31

М. Н. ПШЕНИЦЫНА

*Новые памятники раннетагарской эпохи на юге Хакасии* ..... 33

Н. Н. НИКОЛАЕВ

*Предварительные итоги культурно-хронологической идентификации поселения Ай-Дай IV в Хакасии* ..... 37

С. В. КРАСНИЕНКО, А. В. СУББОТИН

*Сибирская экспедиция: итоги двадцатого полевого сезона* ..... 39

Б. И. МАРШАК, В. И. РАСПОПОВА, В. Г. ШКОДА

*Раскопки древнего Пенджикента в 1996 г.* ..... 42

А. Н. КИРПИЧНИКОВ

*Древнерусское вооружение из коллекции И. Хойновского* ..... 44

|   |    |
|---|----|
| В. А. ЛАПШИН, Т. А. ЧУКОВА, А. В. КУРБАТОВ,<br>Н. Е. ПЕРСОВ, И. Н. ЧЕРНЫХ         |    |
| <i>Раскопки в Тверском кремле</i> .....   | 46 |
| С. В. БЕЛЕЦКИЙ  |    |
| <i>Новые сфрагистические находки из Пскова</i> .....                              | 48 |
| С. В. БЕЛЕЦКИЙ, Л. Е. ГРУШИНА   |    |
| <i>Две актовые печати XV в. из Изборска</i> .....                                 | 53 |
| К. КАРПЕЛАН, О. В. ОВСЯННИКОВ   |    |
| <i>Российско-финляндские исследования на территории<br/>Русского Севера</i> ..... | 56 |
| П. Е. СОРОКИН   |    |
| <i>Исследования по морской археологии в Северо-Западной России</i> ...            | 59 |

## II. НОВЫЕ ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И РАЗРАБОТКИ ДРУГИХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИИ И СНГ

|  |    |
|--|----|
| К. М. БАЙПАКОВ   |    |
| <i>Археологические исследования в Казахстане в 1996 г.</i> .....   | 63 |
| В. М. ЛОЗОВСКИЙ  |    |
| <i>Новые перспективы исследований на стоянке Замостье-2<br/>(работы 1995–96 гг.)</i> .....                       | 67 |
| А. А. КОВАЛЕВ  |    |
| <i>Курганы Центрального Предкавказья как опора хронологии<br/>среднебронзового века евразийских степей</i> ..... | 70 |
| И. В. МАНЗУРА, И. В. ПАЛАГУТА  |    |
| <i>Исследование трипольских памятников<br/>в среднем Поднестровье</i> .....                                      | 75 |
| Е. В. ЦВЕК   |    |
| <i>Новые исследования многослойного поселения трипольской<br/>культуры Березовка на Южном Буге</i> .....         | 77 |
| К. В. ЧУГУНОВ  |    |
| <i>Находка кинжала раннескифской эпохи из Юго-Западной Тувы</i> ...  | 81 |
| А. А. САЗОНОВ  |    |
| <i>К вопросу о хронологии протомеотских колесничных наборов<br/>в эпоху киммеро-скифских походов</i> .....       | 86 |
| А. О. ДОБРОЛЮБСКИЙ, А. В. КРАСНОЖОН  |    |
| <i>Древнегреческий город – Гавань Истриан – на месте Одессы</i> .....  | 91 |

|   |     |
|---|-----|
| Н. П. ТЕЛЬНОВ   |     |
| <i>О славянских жилищах второй половины I тыс. н. э. в Молдавии</i> .....   | 94  |
| В. А. ХОХЛОВ  |     |
| <i>Некоторые проблемы истории изучения ранних славян Днестровско-Прутского междуречья</i> .....                               | 97  |
| С. Л. КУЗЬМИН   |     |
| <i>Городище у деревни Надбелье на Орездеже</i> .....  | 100 |
| И. И. МОВЧАН  |     |
| <i>Новый могильник на Щекавице и проблемы некрополя древнего Киева</i> .....  | 104 |
| П. П. БЫРНЯ, Т. Ф. РЯБОЙ  |     |
| <i>К вопросу о топографии золотоордынского города в Молдавии (по материалам Старого Орхья)</i> .....                          | 107 |
| А. А. БУРХАНОВ  |     |
| <i>Археологические исследования Среднеамударьинской экспедиции</i> .....  | 110 |
| Н. Г. НАБИУЛЛИН   |     |
| <i>Исследования средневекового некрополя Джукетау в Татарстане</i> .....  | 115 |
| Г. Ш. АСЬЯГАРАЕВА, А. Г. ПЕТРЕНКО   |     |
| <i>Результаты археозоологических исследований по материалам раскопок 1996 г. в Казанском кремле</i> .....                     | 117 |
| А. А. КУПРАНИС  |     |
| <i>О новом типе печати русского митрополита Иоанна</i> .....  | 119 |
| С. В. СТЕПАНОВ  |     |
| <i>Раскопки в Пскове на улице Советской</i> .....   | 123 |
| В. Н. МУДРОВ, Н. С. РОМАНОВ, Е. В. СКРЫННИКОВА  |     |
| <i>Историко-археологические и реставрационные исследования ц. Успения Богородицы в Путинках (Москва) в 1993–1996 гг.</i> .... | 125 |
| С. Н. ТРАВКИН   |     |
| <i>О новых нумизматических материалах на территории Бессарабии</i> .....  | 127 |
| К. А. ШОПОТОВ   |     |
| <i>Поиск экспедицией общества “Память Балтики” шведского 74-пушечного линейного корабля “Lovisa Ulrika”</i> .....             | 129 |

### III. ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

|   |     |
|---|-----|
| Н. И. ПЕТРОВ, Д. Г. САВИНОВ   |     |
| <i>Тематическая научная конференция "Курган: историко-культурные исследования и реконструкции"</i> .....                      | 133 |
| К. Х. КУШНАРЕВА   |     |
| <i>4-й международный симпозиум (коллоквиум) "Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии"</i> .....                   | 136 |
| Вл. А. СЕМЕНОВ  |     |
| <i>Международная конференция "Жречество и шаманизм в скифскую эпоху"</i> .....  | 138 |
| Э. С. ШАРАФУТДИНОВА   |     |
| <i>Международная конференция "Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век)"</i> .... | 142 |
| Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ   |     |
| <i>К трехтысячелетию г. Оша</i> .....   | 144 |
| Г. В. ДЛУЖНЕВСКАЯ   |     |
| <i>Комплектование и научно-просветительская деятельность фотоархива ИИМК РАН в 1986–1996 гг.</i> .....                        | 146 |
| Н. В. АЛЕКСЕЕВА, А. М. БИАНКИ, Н. К. ЖИЖИНА   |     |
| <i>Всероссийская олимпиада школьников по археологии, этнографии, истории религии</i> .....                                    | 150 |
| Н. В. АЛЕКСЕЕВА, А. С. МАТВЕЕВ  |     |
| <i>Археологическое путешествие в Египет и Палестину</i> .....   | 151 |

## CONTENTS

|   |   |    |
|---|---|----|
| V. MASSON   | <i>Explorations in scientific reseaches and in organasation structure of archaeology</i> .....  | 5  |
| <br><b>I. EXPLORATIONS AND INVESTIGATIONS<br/>AT IHMK IN 1996</b><br> |   |    |
| L. GOLOVANOVA, V. DORONICHEV  | <i>The study of new mustuerian site at Northern Caucasus</i> .....  | 8  |
| Z. ABRAMOVA, G. GRIGORIEVA  | <i>The study of Upper Palaeolithic site Udino in 1996</i> .....   | 12 |
| G. KOROBKOVA, V. SHCHELINSKI  | <i>The trasological studies of the materials from the Late Palaeolithic site Segebro in Southern Sweden (preliminary results)</i> ..... | 14 |
| V. SHUMKIN  | <i>The investigations of Kolski peninsula</i> .....   | 19 |
| N. SKAKUN   | <i>The study of the Tripolian site Bodaki</i> .....   | 22 |
| V. TRIFONOV   | <i>Landscape and the cultural limits at North-Western Caucasus at Chalcolithic and Bronze Age</i> .....                                 | 25 |
| N. BOKOVENKO  | <i>The new type of Karasuk culture burials</i> .....  | 29 |
| VL. SEMENOV   | <i>Burual place Sypuchii Yar – the new monument of Aldy-Bel' culture at the right bank of Ulug-Chem</i> .....                           | 31 |
| M. PSHENITSYNA  | <i>New monuments of Early Tagar culture at the South of Khakasia</i> .....  | 33 |
| N. NIKOLAEV   | <i>The cultural and chronological identification of Ai-Dai IV site in Khakasia (preliminary results)</i> .....                          | 37 |
| S. KRASNIENKO, A. SUBBOTIN  | <i>The Siberian expedition – the results of the 20<sup>th</sup> fild season investigations</i> .....                                    | 39 |
| B. MARSHAK, V. RASPOPOVA, V. SHKODA                                   | <i>The excavations at Pendjikent in 1996</i> .....  | 42 |

|   |    |
|---|----|
| A. KIRPICHNIKOV   |    |
| <i>Ancient Russian arms from I. Khoinovski collection</i> ..... | 44 |
| V. LAPSHIN, T. CHUKOVA, A. KURBATOV,<br>N. PERSOV, I. CHERNYKH  |    |
| <i>The excavations at Tver Kremlin</i> .....                    | 46 |
| S. BELETSKI   |    |
| <i>New seals from Pskov</i> .....                               | 48 |
| S. BELETSKI, L. GRUSHINA  |    |
| <i>Two seals of 15<sup>th</sup> cent. from Izborsk</i> .....    | 53 |
| C. CARPELAN, O. OVSYANNIKOV                                     |    |
| <i>Russian-Finland investigations of Russian North</i> .....    | 56 |
| P. SOROKIN  |    |
| <i>Maritime investigations at North-Western Russia</i> .....    | 59 |

## II. NEW EXPLORATIONS AND INVESTIGATION OF SOME OTHER RUSSIAN AND FOREIGN INSITUATES

|   |    |
|---|----|
| C. BAIPAKOV   |    |
| <i>Archaeological explorations at Kazakhstan in 1996</i> .....  | 63 |
| V. LOZOVSKI   |    |
| <i>New perspectives of explorations at Zamostje-2 site<br/>(the results of 1995–1996)</i> .....                                   | 67 |
| A. KOVALIEV   |    |
| <i>The burial mounds of Central Northern Caucasus as the<br/>chronological base of Middle Bronze Age at Eurasian steppe</i> ..... | 70 |
| I. MANSURA, I. PALAGUTA   |    |
| <i>The investigations of Tripolian sites at the Middle basin of Dniester</i> ....   | 75 |
| E. TSVEK  |    |
| <i>New investigations at Tripolin site Berezovka<br/>at South basin of Bugh</i> .....   | 77 |
| C. TCHUGUNOV  |    |
| <i>The find of Early Scythian epoch dagger at South-Western Tuva</i> .....  | 81 |
| A. SAZONOV  |    |
| <i>On the cronology of protomeotes chariots harness<br/>at kimmero-scythians campaigns epoch</i> .....                            | 86 |
| A. DOBROLUBSKI, A. KRASNOJON  |    |
| <i>Ancient greek sity – Harbour of Istrians – at the site of Odessa</i> .....   | 91 |



|   |     |
|---|-----|
| N. TEL'NOB  |     |
| <i>About the slavonic houses in the 2<sup>d</sup> half of the 1<sup>st</sup> mill. AD at Moldova</i> .....                              | 94  |
| V. CHOCHLOV   |     |
| <i>Some problems of the historical reseaches of the early slavs at the basin of Prut and Dniester</i> .....                             | 97  |
| S. KUZ'MIN  |     |
| <i>Ancient town by the village of Nadbelie at Oredege</i> .....   | 100 |
| I. MOVCHAN  |     |
| <i>New burial place at mountain Shchecavitsa and the problems of Ancient Kiev necropolis</i> .....                                      | 104 |
| P. BYRNIA, T. RIABOI  |     |
| <i>To the question of topography of Gold Orda town at Moldova (by the materials of Old Orkhei)</i> .....                                | 107 |
| A. BURKHANOV  |     |
| <i>Archaeological explorations of Middle Amu-Darya basin expedition</i> .....   | 110 |
| N. NABIULLIN  |     |
| <i>The investigations of Middle Ages necropolis of Djuketau at Tatarstan</i> .....  | 115 |
| G. ASUJARGAEVA, A. PETRENKO   |     |
| <i>The results of archeozoological analysis of the materials from Khazan Kremlin (by the excavations in 1996)</i> .....                 | 117 |
| A. CUPRANIS   |     |
| <i>About the new type of Russian metropolitan Ioann seal</i> .....  | 119 |
| S. STEPANOV   |     |
| <i>Excavations at Sovetskaya street in Pskov</i> .....  | 123 |
| V. MURDROV, N. ROMANOV, E. SKRYNNIKOVA  |     |
| <i>The historical-archaeological investigation and restoration of Uspenia Bogoroditsi church at Putinki (Moscow) in 1993-1996</i> ..... | 125 |
| S. TRAVKIN  |     |
| <i>About the new numismatic materials from Bessarabia</i> .....   | 127 |
| K. SHOPOTOV   |     |
| <i>The search of the Sweden 74-gun battleship "Lovisa Ulrika" carried on by the society "The Memory of Baltic sea"</i> .....            | 129 |

### III. SCIENTIFIC LIFE

|  |     |
|--|-----|
| N. PETROV, D. SAVINOV  |     |
| <i>The conference "Burial mound:<br/>historic and cultural investigations and reconstructions"</i> .....   | 133 |
| K. KUSHNARIEVA   |     |
| <i>4<sup>th</sup> International symposium (colloquium) "Caucasus in the system<br/>of palaeometallic cultures of Eurasia"</i> .....              | 136 |
| VL. SEMENOV  |     |
| <i>International conference "Priests and shamanism<br/>in scythian epoch"</i> .....  | 138 |
| E. SHARAFUTDINOVA  |     |
| <i>International conference "North-Eastern Asov sea coast region<br/>in the system of Eurasia antiquities (Chalcolithic – Bronze age)"</i> ..... | 142 |
| YU. ZADNEPROVSKI   |     |
| <i>To 3000-years burthday of the town of Osh</i> .....   | 144 |
| G. DLUJNEVSKAYA  |     |
| <i>The supplement and scientific-instructive activity<br/>of IHMK fotoarchive in 1986–1996</i> .....   | 146 |
| N. ALEKSEEVA, A. BIANKI, N. JIJINA   |     |
| <i>The National school archaeological, ethnological<br/>and religion history competition</i> .....   | 150 |
| N. ALEKSEEVA, A. MATVEEV   |     |
| <i>Archaeological journey to Egypte and Palestine</i> .....  | 151 |

- Вып. 1** Археологические культуры и культурная трансформация. Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР. Л. 1991
- Вып. 2** Северная Евразия от древности до средневековья (тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М. П. Грязнова). СПб. 1992
- Вып. 3** Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Сборник статей молодых ученых. Л. 1991
- Вып. 4** Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. Тезисы докладов конференции. СПб. 1992
- Вып. 5** Л. Я. Крижевская. Начало неолита в степях Северо-Восточного Причерноморья. СПб. 1992
- Вып. 6** В. Я. Шумкин. Каменный век Восточной Лапландии. В печати.
- Вып. 7** Г. Н. Курочкин. Богатые курганы скифской знати на юге Сибири. СПб. 1993
- Вып. 8** М. Д. Хлобыстина. Древнейшие могильники Восточной Европы как памятники социальной истории. СПб. 1993
- Вып. 9** К. Х. Кушнарера. Южный Кавказ в IX–II тыс. до н. э. СПб. 1993
- Вып. 10** AD POLUS. Сборник статей памяти Л. П. Хлобыстина. Изд-во "Фарн". СПб. 1993
- Вып. 11** Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Ч. I–III. Материалы к конференции. СПб. 1993
- Вып. 12** Изучение памятников морской археологии. СПб. 1993
- Вып. 13** Взаимодействие культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза. Материалы методологического семинара. СПб. 1994
- Вып. 14** Изучение древних культур и цивилизаций. Материалы к пленуму 5–7 апреля 1994 г. СПб. 1994
- Вып. 15** Н. Ю. Кузьмин. Курган у деревни Новомихайловка (проблемы изучения культуры степных племен Енисея V–III вв. до н. э.). СПб. 1994

- Вып. 16** New Archaeological Discoveries in Asiatic Russia and Central Asia. СПб. 1994
- Вып. 17** М. Д. Хлобыстина. Социогенез культур Северной Евразии эпохи раннего голоцена. СПб. 1994
- Вып. 18** Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху (материалы заседаний "круглого стола" 22–24 декабря 1994 г. Санкт-Петербург). СПб. 1994
- Вып. 19** А. В. Субботин. Основные принципы компьютерной обработки массового тагарского материала (реферативное изложение). СПб. 1994
- Вып. 20** Фортификация в древности и средневековье (материалы методологического семинара ИИМК РАН). СПб. 1995
- Вып. 21** Изучение памятников морской археологии. Т. 2. СПб. 1995
- Вып. 22** Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия (материалы пленума ИИМК РАН 11–14 апреля 1995 года). СПб. 1995
- Вып. 23** М. Д. Хлобыстина. Погребальные ритуалы первобытных эпох. Археология, этнография, фольклор. СПб. 1995.
- Вып. 24** Южная Сибирь в древности. СПб. 1995.
- Вып. 25** Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. Часть 1. Материалы конференции 21–25 августа 1995 года. Саратов. Часть II. Материалы конференции и дискуссии 21–25 августа 1995 года. Саратов. СПб. 1995.
- Вып. 26** Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конференции. Псков. 20–24 ноября 1995 г. Часть 1. Распространение христианства в Восточной Европе. Часть 2. Христианство и древнерусская культура. Часть 3. Памятники церковной археологии в России. СПб. 1995.
- Вып. 27** Каменный век Верхневолжского региона (по материалам исследований Верхневолжской экспедиции ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН). Вып. 1. Материалы к археологической карте. СПб. 1995.
- Вып. 28** Н. К. Анисюткин, У. И. Исламов, К. А. Крахмаль, Б. Сайфуллаев, Н. О. Хушваков. Новые исследования палеолита в Ахангароне (Узбекистан). СПб. 1995.

- Вып. 29** З. А. Абрамова. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 1. СПб. 1995.
- Вып. 30** С. В. Белецкий. Начало Пскова. СПб. 1996.
- Вып. 31** Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации. Материалы пленума ИИМК РАН 14-17 мая 1996 г. СПб. 1996.
- Вып. 32** Н. Н. Гурина. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб. 1997.
- Вып. 33** Традиции российской археологии. Материалы методологического семинара ИИМК РАН. СПб. 1996.
- Вып. 34** Древние культуры и технологии. Новые исследования молодых археологов Санкт-Петербурга. СПб. 1996.
- Вып. 35** В. М. Массон. Палеолитическое общество Восточной Европы (вопросы палеоэкономики, культурогенеза и социогенеза). СПб. 1996.
- Вып. 36** Г. Ф. Коробкова, В. Е. Щелинский. Методика микро- и макроанализа древних орудий труда. СПб. 1996.
- Вып. 37** Радиоуглерод и археология. Ежегодник радиоуглеродной лаборатории Вып. 1. СПб. 1996
- Вып. 38** Н. Д. Праслов, В. Е. Щелинский. Верхнепалеолитическое погребение Золотовка 1 на Нижнем Дону. СПб. 1996
- Вып. 39** Г. В. Синицына. Исследования финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб. 1996
- Вып. 40** Ю. А. Заднепровский. Древние номады в Центральной Азии. В печати.
- Вып. 41** Культурные взаимодействия в условиях контактных зон. Тезисы докладов молодых археологов Санкт-Петербурга и СНГ. В печати.

Отпечатано в ООО "АБЕВЕГА"  
Миллионная, 19, тел.: 311-67-96  
Тираж 400 экз.